

SLAVICA SLOVACA

Ročník 57 • 2022 • 2

SLAVISTIKA

SLAVICA SLOVACA

ORGÁN SLOVENSKÉHO KOMITÉTU SLAVISTOV
A SLAVISTICKÉHO ÚSTAVU JÁNA STANISLAVA SAV, V.V.I.

Hlavný redaktor: Peter Žeňuch

Redakčná rada:

Mojmír Benža, Erika Brtáňová, Václav Čermák (Česká republika),
Mária Dobříková, Ján Doruľa, Júlia Dudášová-Kriššáková,
Marcello Garzanti (Taliansko), Roman Holyk (Ukrajina), Adriana Ferenčíková,
Martin Hurbanič, Daniela Konstantinová (Bulharsko), Viera Kováčová, Jaromír Krško,
Šimon Marinčák, Desislava Najdenovová (Bulharsko), Anita Račáková,
Ján Stradomski (Poľsko), Sergejus Temčinas (Litva), Elena S. Uzeňonová (Rusko),
Cyril Vasiľ, Peter Zubko, Peter Žeňuch

Výkonná redaktorka: Svetlana Šašerina

Technický redaktor: Martin Žeňuch

E-mail redakcie: slavicaslovaca@gmail.com

Adresa vydavateľa a sídlo redakcie:

© Slovenský komitét slavistov, Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava, IČO: 30842913

© Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, v.v.i., Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava,

IČO: 31750940

OBSAH

ŠTÚDIE

ДАНИЛЕНКО, Л.: Українська лексема халепа у світлі балканослов'янської етнолінгвістики (зі сфери етимологічних дискусій).....	103
IERMACHKOVA, O. – MUJKOŠOVÁ, T.: Language as a Mirror of Globalization from the Linguocultural Aspect (on the Material of Selected Slavic Languages).....	118
SOKOLOVÁ, J. - SOKOL, A.: Status lingvistických premenných v metodológii analýz textu (Náhľad do pomenovacích databáz slovenčiny).....	137
LACKOVÁ, M.: Sémantická analýza slov so zakončením na formant –ing v publicistickom subkorpuse Slovenského národného korpusu	149

ROZHEADY

ŽEŇUCH, P. – ŠAŠERINA, S. - HRÍBOVÁ, M.: Z výsledkov pramenného výskumu o usporiadaní a predstavách o svete v kontexte slovanských jazykových vzťahov: axiologické, etnolingvistické a kultúrne aspekty	156
TANECKI, З.: Македонската книжевност во научниот и во преведувачкиот опус на словачкиот славист Јан Јанкович (1943 – 2021)	168
МУШКЕТИК, Л.: Андраш Крупа – збирач і дослідник словацького фольклору Угорщини.....	178

SPRÁVY

ZVALENÁ, E.: In memoriam prof. Dr. Janko Ramač (1955 – 2022)	188
HRÍBOVÁ, M.: O Slovákoch a slovenčine v jazykovo-historických a konfesionálnych súvislostiach	190
LEKEŠ, P.: Nová inšpiratívna publikácia v oblasti lingvistickej pragmatiky a egolingvistiky	193
ЦИБРАНСКА-КОСТОВА, М.: Принос към народната медицина, езика и културата на българина през вековете	194
ŽEŇUCH, P.: Aktuálne o príprave 17. medzinárodného zjazdu slavistov v Paríži.....	197
Informácie pre prispievateľov	198

SLAVICA SLOVACA

Ročník 57 • 2022 • 2

SLAVISTIKA

ŠTÚDIE

ЛЮДМИЛА ІВАНІВНА ДАНИЛЕНКО*

Українська лексема *халепа* у світлі балканослов'янської етнолінгвістики (зі сфери етимологічних дискусій)

DANYLENKO, L. I.: The Ukrainian lexeme *halepa* (халепа) in the light of Balkan Slavic ethnolinguistics (from the field of etymological discussions). *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 2, pp. 103-117 (Bratislava).

In the modern Ukrainian language, the word *halepa* (халепа) belongs to the active vocabulary but its etymology remains unknown. The most common version of the origin of the word *halepa* is from the Greek *χάλεπος*. The purpose of this article is to try to suggest an alternative etymology based on the linguistic and ethnocultural data from the Balkan Slavs. As a starting point, we take the outdated meaning of the word *halepa* — ‘bad weather’ — and project it onto its South Slavic demonological character, (*h*)*ala*.

Cultural and mythological semantics, semantic and motivational reconstruction, semantic parallel, Ukrainian language, Bulgarian language, South Slavic languages.

Вступні зауваги. В одній зі своїх праць, присвячених слов'янській міфології та етнолінгвістиці, М. І. Толстой писав, що проблема реконструкції фразеологізму, як і проблема реконструкції слова чи граматичної форми, може бути доведена до смислової «форми» і до форми «лексичної» («лексемної»). Вона може бути підкріплена нелінгвістичними фактами – фактами давньої матеріальної і духовної культури (міфології, народної поезії, обрядовості тощо).¹

Спираючись на цю тезу, спробуємо обґрунтувати нашу гіпотезу про походження слова *халепа* в українській мові на тлі балканослов'янських мовних та етнокультурних матеріалів.

Академічний словник сучасної української мови фіксує слово *халепа* у двох графічних формах і двох значеннях: «1. Яка-небудь несподівана, прикра подія; біда, нещастя, неприємність; 2. заст. Негода».² У першому значенні це слово широко використовується в

* Людмила Іванівна Даниленко, доктор філологічних наук, професор кафедри слов'янської філології Навчально-наукового інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, Україна, 01001, Київ, вул. Володимирська 64; провідний науковий співробітник Інституту мовознавства ім. О. О. Потебні Національної академії наук України, Україна, 01001, Київ, вул. Грушевського 4.

¹ Толстой, Н. И.: Славянская фразеология sub specie этнографии. In: Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик, 1995, с. 388.

² Словник української мови: в 11 т. Ред. І. К. Білодід. Київ: Наукова думка, 1980, т. 11, с. 13.

різножанрових усних і писемних текстах, зокрема як у класичній художній літературі, так і в літературі сучасній, пор.: «Допоможи мені вилізути з цієї халепа, вік пам'ятатиму, ніколи не забуду... Ю. Збанацький»,³ «Життя онлайн. Як уберегтися від кібербулінгу, вірусів та інших халеп в Інтернеті».⁴

Незважаючи на активне використання слова *xálepa* в сучасній українській мові, його архаїчне підґрунтя відчувається досить чітко. При цьому в етимологічних дослідженнях лінгвістів переконалива праформа досі не встановлена. Загальний висновок можна сформулювати коротко: походження слова *xálepa* неясне.

Огляд відомих етимологій лексеми *xálepa*. Етимологічний словник української мови у статті *xálepa* подає таке тлумачення: «xálepa ‘прикра подія; неприємність’, [*xálepa*, *xálepa*] ‘негода, непогода’ – запозичення з грецької мови; гр. *χαλέπα* (мн.) ‘труднощі, тягар’, *χαλέπος* ‘важкий, обтяжливий, болісний’ етимологічно неясні».⁵

Вплив грецької мови на українську лексему *xálepa* відмічали багато дослідників. Одна з перших студій, імовірно, належала І. Вагилевичу. Аналізуючи його монографію «Rozprawy o języku południowo-ruskim» (1841-1843), відомий український мовознавець Й. Дзендзелівський відмічав 386 слів так званої кінцевої етимології, які І. Вагилевич вважав грецизмами: «До більш-менш вірогідних безпосередніх переймань українською мовою з грецької, гадаємо, можна віднести <...> халепа ‘напасть’».⁶ Однак шляхи і способи цього запозичення залишилися нез’ясованими, а загальний висновок такий: «Українське *xálepa*, як і його білоруські та російські варіанти, етимологічно ізольоване слово».⁷ Зауважимо, що Й. Дзендзелівський припускав українське походження слова *xálepa* в польській мові.

Як запозичення з грецької мови, слово *xálepa* характеризували М. Максимович, покликаючись при цьому на М. І. Гнедича,⁸ М. Закревський: «xálepa – бѣда, напасть, нелѣгкая»,⁹ П. Лукашевич: «*χαλέπος* ‘неприємний, шкідливий; важкий’»,¹⁰ Ф. Корш: «[походить] від форми множини середнього роду *χαλέπα* ‘неприємності, клопіт’»,¹¹ І. Огієнко (митрополит Іларіон): «xálepa, з гр. *χαλέπος*»,¹² «xálepa – яка-небудь несподіванка, прикра подія, біда нещастя; гр. *Chaleros*»,¹³ П. Бузук: «тотожність українського слова *xálepa* з гр. *χαλέπα*».¹⁴ Цікаво, що П. Бузук відмітив взаємозв’язок слова *xálepa* з поняттям *ероза*, що є суттєвим для нашого подальшого викладу. Далі наведемо думку Б. О. Ларіна: «З грецької мови (і теж не від церковників) увійшло в українську мову і слово *xálepa* (від грецького *τά*

³ Словник української мови, с. d.

⁴ Переклад українською мовою Т. Кузьменко книги з назвою Louie Stowell. Staying Safe Online.

⁵ Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 2012, т. 6, с. 151.

⁶ Дзендзелівський, Й.: Іван Вагилевич – перший дослідник іншомовних запозичень в українській мові. Ін.: До джерел: Зб. наук. праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. Львів, 2004, с. 144.

⁷ Дзендзелівський, Й.: с. d., с. 148.

⁸ Максимович, М.: История древней русской словесности. Кн. 1. Киев: В Университетской типографии, 1839, с. 200.

⁹ Закревский, Н.: Старосветский бандуриста. Кн. 3. Словарь малороссийских идиомов. Москва: В Университетской типографии, 1861, с. 567.

¹⁰ Лукашевич, П.: Корнесловъ греческаго языка. Ч. I. Киев: В Университетской типографии, 1869, с. 662.

¹¹ Корш, Ф. Е.: Способы относительного подчинения. Ін: Из сравнительного синтаксиса. Москва: В Университетской типографии, 1877, с. 613.

¹² Огієнко, І.: Український стилістичний словник. Львів: З друк. Наук. т-ва ім. Шевченка, 1924, с. 439.

¹³ Огієнко, І.: Етимологічно-семантичний словник української мови: [у 4 т.]. Ред. й допов. М. Ласло-Куцок. Вінніпег: Волинь, 1979 – 1994, т. 4, с. 436.

¹⁴ Бузук, П.: Українські етимології. Ін: Записки історично-філологічного відділу. За гол. ред. акад. А. Кримського. Кн. VII-VIII. Київ: 1926, с. 69.

χαλεπά – ‘труднощі, тягарі’), яке також стало основою для низки фразеологізмів: *халепи натворила, халепя спіткала*.¹⁵ І, нарешті, одна з останніх грецьких версій у сучасному українському мовознавстві належить К. М. Тищенкові: «Халепя. Відоме гр. χαλεπός ‘небезпечний, страшний, злий’».¹⁶ Привертає увагу, що в цьому ж етимологічному сюжеті, розглядаючи основи українських прізвищ, варіанта *Халепя* К. М. Тищенко не відзначає, хоча в українських ареалах це прізвище дуже поширене.

Грецький слід в українській лексемі *халéпа* можна було би пов’язати з творчістю письменника і філософа XVIII століття Г. С. Сковороди. У його трактаті «Беседа, нареченная двое, о том, что блаженным быть легко» (1781) є слово *халéпа*, записане грецькою мовою, що згодом послідовно цитувалося іншими авторами, пор.: «*Фарра*. Ей-ей, они! От их-то гортани глас сей: «Халепя та кала». Тó Κάλλος χαλεπόν ’εστι – Трудна доброта...».¹⁷ Однак цей контекст не дозволяє пояснити способи, за допомогою яких семантика ‘трудність’ трансформується в ‘непогода’.

Досить лаконічним у своїх коментарях був М. Фасмер. Посилаючись на дані В. І. Даля (халепя «хуртовина з дощем»), вчений не дає ніяких пояснень щодо природи цього слова, а лише спростовує його зв’язок з *халуї* ‘твань, баговиння’, серб.хорв. *хала* ‘бруд’ і вірм. *xil* ‘брудний’ (< *khēlo-).¹⁸

Згідно з матеріалами «Етимологічного словника слов’янських мов» за редакцією О. М. Трубочова, *халéпа* – «важке слово». У словниковій статті зазначається, що воно могло виникнути додаванням експресивного префікса *ха-* і дієслівного кореня **l̥p-*/**lip-*, що, зі свого боку, наближає це лексичне утворення «до варіантного спорідненого префікса російського діалектного *шáлепа* ‘сира погода з дощем або мокрим снігом, сльотою’».¹⁹

Для повноти картини додамо, що в давньогрецькій мові існує ціла група похідних слів з коренем *халеп-* (*халéп-*), пов’язаних однією семантичною ознакою: *χαλεπαίνω* ‘лютувати’, *χαλεπών* ‘суворість, різкість’, *χαλεπός* ‘важкий, болісний, жорстокий; небезпечний, страшний; суворий, грізний; лютий, злий, злісний’, *χαλεπότης* ‘суворість, жорстокість’, *χαλεπτο* ‘утискати, пригнічувати, переслідувати; тиснути, знищувати’.²⁰ Тільки значення, наведене у словнику І. І. Срезневського, не вписується в цей асоціативний ряд: «халепя — калифъ: Поидѣ къ халепѣ, испроси себѣ закон».²¹ Але, як здається, це не може вплинути на південнослов’янський вектор наших пошуків.

Лексема *халéп(а)* в літописах. Важливо зазначити, що українська лексема *халéпа* має літописну аналогію. На думку істориків, на території сучасних сіл Трипілья і Халеп’я (розташовані за 45 км від Києва в Обухівському районі) було виявлено поселення Трипільської культури, а також залишки давньоруських поселень Треполь і Халеп, пор.: «Халеп, стародавнє місто великого князівства Київського».²² Є згадка про Халеп, як про вже існуючу

¹⁵ Ларин, Б. А.: История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. Москва: Просвещение, 1977, с. 160.

¹⁶ Тищенко, К. М.: 42 епохи українських мовних контактів. Енциклопедія 3000 запозичених реалій античності й середньовіччя у мові, прізвищах і топонімах. Київ-Броди: Просвіта, 2020, с. 281.

¹⁷ Сковорода, Г.: Беседа, нареченная двое, о том, что блаженным быть легко. URL: <<http://litopys.org.ua/skovoroda/skov111.htm>> (15.05.2022).

¹⁸ Фасмер, М.: Этимологический словарь русского языка. Т. 4. Москва: Прогресс, 1987, с. 217-218.

¹⁹ Трубочев, О. Н. (ред.): Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. Москва: Наука, 1981, с. 14.

²⁰ Дворецкий, И. Х.: Древнегреческо-русский словарь. Том. II. Москва: Государственное издательство национальных и иностранных словарей, 1958, с. 1760.

²¹ Срезневский, И. И.: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1912, столб. 1359.

²² Лукашевич, П.: с. d., с. 662.

че на той час поселення, в «Повчанні» Володимира Мономаха: «І знову, після смерті отця і при Святополці [Ізяславичі], на [ріці] Стугні бившися з половцями, до вечора ми були коло [города] Халепа. А потім мир учинили ми з Тугорканом і з іншими князями половецькими».²³ Вірогідно, як пишуть історики, Трепіль і Халеп були побудовані в 1032 році, коли Ярослав Мудрий, зміцнюючи кордони Київської Русі, будував поселення по річці Стугні. Лінгвісти звернули також увагу, що сучасні українські назви Трипілля і Халеп'я мають паралелі в районах Близького Сходу. Ось як про це пише ономаст О. С. Стрижак: «Ще й досі залишається без відповіді питання, коли й у який спосіб континуанти близькосхідних топонімів типу *Триполи* (в колишній Фінікії, сучасний Ліван) і *Халеп* (варіант *Алеппо*, в сусідній Сирії) перемандрували, за словами О. І. Соболевського, на територію Середньої Наддніпрянщини, де (сучасний Обухівський р-н на Київщині) з ними перекликаються назви сіл *Трипілля* (відоме з 1031 р. як *Триполь*, *Трьполь*, *Треполь* тощо) і *Халеп'я* (згадується з 1093 р.) на однойменній (Халеп'я) річці».²⁴

Послідовно зазначаючи різні форми цієї назви в літописах, – *Халъльъ*, *Халепля*, *Халепие*, *Халепье*, *р. Халена* (ліва притока р. Здвиж і права р. Дніпро), – автори «Етимологічного словника літературно-географічних назв Південної Русі» дійшли висновку: «назва темна».²⁵

На перший погляд, українська лексема *халéна* і давньоруський онім *Халеп* дійсно мають спільні формальні риси, але проблема їх етимологічного взаємозв'язку вимагає глибшого обґрунтування. На думку К.М.Тищенка, назва *Халеп* співзвучна з угор. *keleperce* < *Хлепча* 'западня', пор. недалеко *Западинка* (і укр. *халена*).²⁶

Лексема *халéна* в російській і білоруській мовах. Стосовно інших східнослов'янських мов – російської і білоруської – слід зазначити, що аналізоване слово належить виключно їх діалектним різновидам і літературним мовам не відоме. Так, В.І.Даль витлумачував *халéна* як слово, наявне в південно-західних діалектах, зокрема в калужських і смоленських, у формі *халена*, *халива*, *халипа* 'зимова негода, мокрий сніг' і 'біда, чвари'.²⁷ В орловських говірках є форми *халéба*, *хальба*, *халéна*, *халéна*, *халéна*, *халéна*, *халéба* 'негода, що супроводжується дощем і снігом': «халéпа нь дваре, ну дош и снег вместе, нь зиму ни пахожа»²⁸. Примітно, що в одній з останніх лексикографічних праць з етимології російських діалектів на основі запозиченої лексики (акцентуємо на цьому увагу), згадано слово *халéна* поряд з варіантом *шáлена*, *шáлина* і констатовано, що «на даному етапі досліджень для цього гнізда досить складно запропонувати якусь етимологічну версію».²⁹

Наслідком діалектних ознак слова *халéна* в російській мові стало те, що сучасний Національний корпус російської мови фіксує всього 6 входжень в літературні контексти, і всі вони є фрагментами з творів письменників кінця XIX ст., пор.: «Я был у Синтянина, и выхожу, а дождь как из ведра, и ветер, и темь, и снег мокрый вместе с дождем – словом **халéпа, а не погода**» (Н. С. Лесков. На ножах. 1870); «Одним словом, самое непостоян-

²³ Мономах, В.: Літопис Руський. Поучення. URL: <http://izbornyk.org.ua/litop/lit27.htm> (16.05.2022).

²⁴ Стрижак, О. С.: Етніонімія Геродотової Скіфії. Відп. ред. О. Б. Ткаченко. Київ: Наукова думка, 1988, с. 22.

²⁵ Железняк, І. М. – Корепанова, А. П. – Масенко, Л. Т. – Стрижак, О. С.: Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. Відп. ред. О. С. Стрижак. Київ: Наукова думка, 1985, с. 169.

²⁶ Тищенко, К. М.: Мадярський пласт у топонімії України: імена арпадидів. In: Східний світ, 2007, № 4, с. 141.

²⁷ Даль, В. І.: Толковий словарь живого великорусского языка. URL: <https://u.to/xpU1HA> (10.05.2022).

²⁸ Макушева, О. А.: Словарь метеорологической лексики орловских говоров. Орел: Издательство Орловского государственного университета, 1997, с. 35-36; 87.

²⁹ Мызников, С. А.: Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. Москва – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019, с. 905.

ное время, и как по тамошнему месту зовется уже **не погода, а просто халепа**, так оно ей и пристало **халепою** быть» (Н.С.Лесков. Запечатленный ангел. 1873).³⁰

Таку саму особливість демонструє білоруська мова: *халіпа* 'погана, сира погода, сльота', «Куды ты поедзешь в гетакую халипу»,³¹ *халепа* «обл. сльота; сніг з дощем». ³² Фразеологія російської і білоруської мов не представлена жодним висловом із цим компонентом.

В українській мові, навпаки, слово *халепа* належить до активного розмовного й літературного дискурсів та отримало чимало фразеологічних варіантів, зафіксованих у різних фразеологічних і тлумачних словниках, пор.: *викрутитися* (*вилізти, вибратися* і т. ін.) з *халеми, збутися халеми* 'позбутися якого-небудь горя, неприємностей', *вскочити в халепу* [*по самі вуха*] 'зазнати неприємності, біди', *заварити халепу* 'розпочати неприємну, клопітливу справу, щось нерозв'язне', *звалиться* (*наскочить*) *халепа на кого* 'трапляється зненацька з ким-небудь нещастя, біда, неприємність', *набиратися* (*набратися*) *халеми з ким* 'потрапляти в складне становище, зазнавати неприємностей через кого-небудь', *наробити халеми* 'наробити біди, неприємностей, клопоту', *потрапляти* (*потрапити, попадати, попасти, попадатися, попастися, встрявати, встряти, влипнути* і т. ін.) *в халепу* 'зазнавати неприємностей, біди', *мати халепу* 'мати неприємності', *підсувати халепу/підводити під халепу* 'завдавати кому-небудь неприємностей, клопоту'.

Одним із перших зразків використання слова *халепа* в староукраїнській мові є Різдвяна драма 1760 року: «Так і він, не хотів/ Да и **наробив халеми**, що за одну кислицу³³ заперь всім людям до рая границу».³⁴

Наведений матеріал показує, що семантика слова *халепа* в східнослов'янських мовах вирізняється домінуючою рисою: яскраво вираженою негативною конотацією. Проте його мотивувальне підгрунтя, з одного боку, *біда, неприємність, нещастя*, а з другого – *погана погода, негода* залишається затемненим. У нашому дослідженні звернемося до мов і духовної культури південних слов'ян. Імпульсом до пошуків у цьому напрямку стало зауваження М. Ф. Сумцова: «У словнику Закревського слово *халепа* пояснюється 'біда, напасть'. Але цього замало. Зі словом «халепа» поєднуються якісь темні уявлення. Я думаю, що і тут ми маємо цікавий рудимент південнослов'янської демонології. <...> *халепа* залишається фрагментом давніх малоруських відносин з болгарамими».³⁵ Отже, вихідним для нашої розвідки служитиме застаріле значення слова *халепа* 'негода' у проекції на південнослов'янський демонологічний персонаж (*х*)*ала*.

Міфологія атмосферних явищ у балканських слов'ян. Міфологічний аспект слов'янських народних вірувань про негоду, атмосферні явища і повітряні стихії пов'язаний переважно з негативними природними явищами: сильним вітром, вихором, бурею, градом, блискавкою і т.ін. І навпаки, ніяк не позначена, міфологічно нейтральна є «нормальна» погода – тиха, безвітряна, сонячна, морозна.

³⁰ Национальный корпус русского языка. URL: <<https://ruscorp.org.ru/new/>> (8.04.2022).

³¹ Носович, И. И.: Словарь белорусского наречия. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1870, с. 675.

³² Півторак, Г. П. – Скопненко, О. І.: Білорусько-український словник. Київ: Довіра, 2006, с. 680.

³³ Ідеться про сюжет з Біблії про гріхопадіння перших людей Адама і Єви після споживання забороненого плоду – Райського Яблука.

³⁴ Сімович, В.: Хрестоматія з пам'ятників староукраїнської мови (старого й середнього періоду до кінця XVIII стол.) – з додатком вибору зі староболгарських пам'яток зі словничком. [Б. м.]: Видавн.тов. «Січ», 1932, с. 418.

³⁵ Сумцов, Н. Ф.: Опыт исторического изучения малорусских пословиц. Харьков: Типогр. Губернского правления, 1896, с. 3.

У спеціальних дослідженнях, присвячених народній демонології балканських слов'ян, описуються різні персонажі, дії яких метафорично співвідносяться з атмосферними і небесними явищами. «Типовими і водночас специфічними для балканського слов'янського ареалу є повітряні демони. <...> Явища непогоди в балканських слов'янських регіонах приписують змію, дракону. В мовно-культурних традиціях балканських слов'ян цей змієподібний демон непогоди має різні назви: сх.-серб. *ала*, *аждаја*, півд.-серб. *аламуња*, півд.-серб. *ала*, *ламња*, мак. *ламја*, з.-болг. *хала*».³⁶ Конкретизуючи наведене судження, А. Плотникова пише: «Згідно з віруваннями балканських слов'ян, *хала*, *аждаја* і *лама* – це змії, дракони, що літають. Як повітряні демони, вони уособлюють бурю, сильний вітер, вихор. За віруваннями сербів з околиць Болевця, *ála* – чорна і страшна істота у вигляді вітру. <...> У селах поблизу Княжевця (східна Сербія) *ála* – величезна, темна, як туман, істота, сильний вихор, який змітає все навколо».³⁷

Народні уявлення болгар про ламію і халу дуже подібні до уявлень про змія і дракона. У деяких казках і легендах під ламією розуміли дружину або сестру змія. Її звали *зіна* 'зло, злодіяння'. У неї були крила, за допомогою яких вона піднімала сильний вихор і викорчувувала дерева («има и криле, с които хвърчи. Тогава се вдига силна вихрушка, която изкоренява вековни дървета, вдига купи сено и хора»³⁸). Найпоширеніше уявлення у болгар про халу – чорна хмара, туман, який падає на поля і перешкоджає дозріванню врожаю. Інші джерела повідомляють, що в болгарських і македонських віруваннях, коли в повітря дме розлючена *хала* або *лама*, виникає вітер. «Назва *хала* як позначення сильного вітру з дощем, градом і громом відома в діалекті банатських болгар, на північному заході Болгарії *хала* – це вихор, який викорчуває дерева і руйнує будинки. В околицях Софії *Піроцька хала* – це вітер, який жене хмари з градом з боку сербського міста Пірота в сторону Софії, і навпаки, серед сербів *Тимочка хала* – це східний вітер, що дме від річки Тимок на захід, в регіон Ресави. У македонців вихор ототожнюють з невидимим змієм-драконом *ламја* (його атрибутами вважаються темний туман і хмара)».³⁹

Семантика та етимологія південнослов'янських слів *ламя*, *хала*, *ала*. Семантика демонологічних персонажів *хала* і *ламя* зафіксована в болгарській мові. У кінці XIX ст. вийшла енциклопедична праця професора Московського університету О. Л. Дювернуа, в якій словникові статті не тільки інтерпретують значення слів, а й у деяких випадках вказують на їх походження, символічне значення, контексти, пор.: «ламя, ламя (з грецької мови *λάμια*) 'змії';⁴⁰ бѣда 3) використовується при осуді: *Страшна беда Хала-халетина*, *Халетина царна*;⁴¹ *бура* 'буря', теж *хала*;⁴² *хала* – 'чудовисько, яке за народними повір'ями спричиняє вихор, грозу';⁴³ *халовитъ* 'лютий, злий': *Тамо иматъ зміа халовита*».⁴⁴

Академічний словник сучасної болгарської мови фіксує лексеми *хала* і *лама* в кількох значеннях: «хала 1. Міфічна істота, яка посилає грозові хмари і вітри, що нагадують дра-

³⁶ Плотникова, А. А.: Южнославянская народная демонология в балканском контексте. In: *Studia Mythologica Slavica*, 1998, № 1, с. 121.

³⁷ Плотникова, А. А.: Мифология атмосферных и небесных явлений у балканских славян. In: *Славянский и балканский фольклор*. Москва: Индрик, 2000, с. 245-246.

³⁸ Георгиева, И.: *Българска народна митология*. София: Наука и изкуство, 1993, с.118.

³⁹ Плотникова, А. А.: Мифология атмосферных и небесных явлений, с.д.

⁴⁰ Дювернуа, А. Л.: *Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати*. Том II. Москва: Университетская типография, 1889, с. 1098.

⁴¹ Дювернуа, А. Л.: с.д., с. 71.

⁴² Дювернуа, А. Л.: с.д., с. 173.

⁴³ Дювернуа, А. Л.: с.д., с. 2465-2466.

⁴⁴ Дювернуа, А. Л.: с.д., с. 2466.

кона; 2. Сильний, штормовий вітер, буря; 3. Прикметник *сильний, буйний*; ламя 1. Згідно з фольклором – міфічна багатоголова, крилата змієподібна істота, що випускає вогонь зі своєї пащі; змії, хала; 2. Зазвичай в переносному значенні, в образливих висловлюваннях або вигуках, напр.: *Дее, ламя, цял свят да изядеш, няма да се наядеш!* — *изруга го той*.⁴⁵

Обидва слова – *хала* і *ламя* – утворюють фразеологічні одиниці: *и хала, и врана; скочили на мене и хала, и врана; хала и неведа; влизам/ вляза (отивам / отида) в уста на ламята; зинал съм като ламя; като ламя ям; отварям / отворя <едни> уста като ламя*. А синонімічні ряди цих слів об'єднані однією семантичною домінантою і взаємно перетинаються, пор.: **хала** 1. дракон, змії, ламя; 2. вихор, буря, заметіль, фурія (перен.); **ламя** – дракон, змії.⁴⁶

У сербській мові назвами демонічних істот служили слова *ала* ‘міфологічне чудовисько, схоже на дракона або змія’, *аждаха* ‘дракон’, відмічені у словнику сербської мови ще В. Караджичем як у прямому, так і в переносному значеннях, пор.: *аждаха, аждаја* ‘дракон’, *ала* ‘змії’, *ал, ала* ‘біда, напасть’, *Ал те нашао!* ‘Щоб на тебе біда!’. У сербів і хорватів вважалося, що *ала* був наділений особливою духовною силою від дракона, він літає, жене хмари і посилає град на врожай: «За алу се мисли да има од аждахе особиту духовну силу те лети и води облаке и град наводи на љетину».⁴⁷

Слова *хала* і *ламя* в сучасній болгарській мові є запозиченнями, вони відповідають загальнослов'янській лексемі *змії* – **zmbjъ*.⁴⁸ Уте Дукова стверджувала, що така диференціація не випадкова. З одного боку, у ній відобразилися стародавні діалектні відмінності, з другого – табу на назви істот, що викликали страх: небезпечне, незрозуміле і непояснене явище навмисно замінювали чужим. «Причиною утворення нових імен була також різна народна оцінка демонічних істот та їх учинків. Оскільки, згідно з південнослов'янськими народними повір'ями, градові хмари ведуть дракони, битва яких викликає бурю, то у південних слов'ян у слів *ала* — *хала* розвинулося міфологічне негативне значення щодо дракона, який знищує посіви, завдає шкоди полям, і слов'янське слово *змії*, *змај* – покровитель родючості полів».⁴⁹

Проблема запозичення демонологічної лексики досить складна з огляду на численні семантичні, асоціативні й метафоричні зв'язки цих назв, на що неодноразово вказували дослідники: «Етимологія багатьох слів міфологічного характеру (особливо міфологічних імен) неоднозначна або ковзка».⁵⁰ Це зауваження має особливу вагу по відношенню до слов'янських мов Балкан, враховуючи ареал їх поширення і особливості історичного розвитку: «правило “слово запозичується разом з реалією”, характерне для предметної лексики, в лексичі духовної культури діє дещо інакше, не так чітко, як у випадку з грецькими або турецькими реаліями побуту».⁵¹ Якщо про лексему *ламя* можна сказати, що вона сягає традицій давньої Греції, а потім південних слов'ян, то походження *хала* в болгарській мові та *ала/ ала* в сербській, хорватській і македонській мовах залишається предметом диску-

⁴⁵ Речник на българския език. URL: <https://ibl.bas.bg/rbe/> (8.04.2022).

⁴⁶ Речник на българския език: с. d.

⁴⁷ Караџић, В.: Српски рјечник, 1818. URL: <https://inlkn.ru/kXGpMZ> (8.04.2022).

⁴⁸ Български етимологичен речник. URL: <https://ibl.bas.bg/ber/> (8.04.2022).

⁴⁹ Дукова, У.: Наименования демонов в болгарском языке. Москва: Индрик, 2015, с. 214.

⁵⁰ Топоров, В. Н.: Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера. In: Этимология 1967. Москва: Наука, 1969, с. 11.

⁵¹ Седакова, И. А.: К проблеме заимствований в балканославянских языковых и этнокультурных системах. In Николаева, Т. М. (отв. ред.): Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. Москва: ЯСК, 2002, с. 484.

сій серед лінгвістів. Сьогодні існує три різні версії: розглядаються етимони з турецької і грецької мов та праслов'янські форми.

Грецьке походження балкано-слов'янського слова *хала* підтримували С. Младенов, М. Філіпова-Байрова, А. Іонеску (див. огляд у М. Бјелетић⁵²), а також І. Георгієва,⁵³ У. Дукова,⁵⁴ І. Атанасова⁵⁵ та ін. Ця версія ґрунтувалася на нгрец. *χάλαζα* 'град', пор. також 'проливний дощ з градом', *χάλαζάω* 'падати градом, насилати град'.⁵⁶

Перші міркування щодо турецького походження слова (*х*)*ала* виклав Ф. Міклошич.⁵⁷ Згодом інші автори, зокрема А. Шкалич і А. Скок, цю етимологію послідовно підтримували. Однак, аналізуючи дослідження Ф. Міклошича про туркізми в південнослов'янських мовах, С. Петрович навела аргумент проти турецької етимології, оскільки тур. *ala* 'змія' не зареєстровано в турецьких словниках. Крім того, перевіряючи інтерпретацію Ф. Міклошича, дослідниця виявила, що висновки вченого ґрунтувалися не на писемних джерелах, а на усній інформації «одного носія турецької мови» («*einem praktischen Kenner des Türkischen*»). Вірогідно, на думку С. Петрович, це запозичення було зворотним: від південнослов'янських мов у турецьку мову.⁵⁸ Інший етимологічний недолік *хала* < тур. *ala* дослідники вбачали в тому, що турецьке слово не містить початкове *х-* у слов'янському *хала*.⁵⁹ З цим аргументом не погоджується німецька авторка Уте Дукова: «здається можливим за умови додавання гіперкоректного початкового *х-* (пор., наприклад, с.-х. діал. *haždàja = aždàja*)».⁶⁰

М. І. Толстой також обстоював турецьке першоджерело, а потім балканослов'янську сім'ю слів *хала* й *ала*: «Хáла, áла (від турецьк.-балк. «змій») – у південних слов'ян (у сербській, болгарській і македонській традиціях) дракон або змій. <...> Має велику силу, наситний, веде чорні мhari, градоносні хhari, веде шторми і урагани. <...> Хали можуть водити хоровод («коло»), і тоді піднімається вихор».⁶¹

Багата синонімія серед південнослов'янських імен демонів – *змій, ламя, хала, ала, аждая, аждаха*, а також широка палітра діалектизмів серб. *аліна* 'як вітер, непогода', мак. *áла* 'снігова буря', *алетина* 'як вітер з пилюкою', *алобіја* 'великий важкий чоловік', *алобитњак* 'громіздкий чоловік', *алосіја* 'ненажер', болг. *алá* 'як вітер', *áла* 'як буря з градом', *áль* 'сильна буря з дощем і градом', *хáль* 'буря',⁶² болг. розм. *халдóсам* 'сильно вдарити когось' дають можливість описати узагальнений образ південнослов'янського демона непогоди з такими характерними рисами: ненажерливе чудовисько величезних

⁵² Бјелетић, М.: Духовна култура словена у светлу етимологије: јсл. (*х*)*ала*. In Rusek, J. – Boryś, W. – Bednarczuk, L. (red.): *Dzieje Słowian w świetle leksyki*. Pamięci profesora Franciszka Sławskiego. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002, с. 75.

⁵³ Георгієва, І.: Българска народна митология. София: Наука и изкуство, 1993, с. 119.

⁵⁴ Дукова, У.: Наименования демонов в болгарском языке, с. d., с. 208.

⁵⁵ Атанасова, І.: Речник на говора в село Маноја, община Дряново. Велико Търново: Великотърновски университет "Св. Св. Кирил и Методий", 2019, с. 86.

⁵⁶ Дворецкий, И. Х.: Древнегреческо-русский словарь, с. d., с. 1759.

⁵⁷ Miklosich, F.: *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien: W. Braumüller, 1886, s. 85.

⁵⁸ Петровић, С.: О Миклошичевим турцизмима у језицима источне и југоисточне Европе и српском лексичком материјалу у њима. In: *Miklosichiana Bicentennialia*: Зборник у част двестоте годишнице рођења Франца Миклошича. Београд: Српска Академија наука и уметности, књига 58, 2013, с. 376.

⁵⁹ Бјелетић, М.: Духовна култура словена, с. d., с. 76.

⁶⁰ Дукова, У.: Наименования демонов в болгарском языке, с. d., с. 209.

⁶¹ Толстой, Н. И.: Хала. In: *Славянская мифология*. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Международные отношения, 2002, с. 476.

⁶² Бјелетић, М.: Јужнословенска лексика у балканском контексту. Лексичка породица имене *хала*. In: *Balkanica XXXIV*. Београд: Институт балканистики, 2003, с. 144-147.

розмірів з декількома головами, що посилає на землю бурю, зливи, град. Оскільки хала найчастіше ототожнюється з сильним штормовим вітром, бурєю, на міфологічному рівні його характеристики і функції слід в першу чергу порівнювати з особливостями і функціями демонів біди в українській демонології, передусім вітру й вихору.

Атмосферні явища в міфології українців. Між південнослов'янськими та українськими демонологічними персонажами, у фокусі котрих постають метеорологічні уявлення, виявляються практично тотожні риси. За українськими народними повір'ями, образ вихору – це злий дух: чорний, з крилами, великими нігтями і хвостом. Він живе в полі або у скелі, здійснює сильну бурю, що сприймалося як весілля чорта – «чорт з відьмою береться». Ось як зображала вихор одна з легенд: «А в скелі живе змії. І це нечиста сила. ... живе змії із крилами, – такі великі, як у вітряка... І тільки трохи махне крилами – схопиться вихор і закрутить по шляху... А як дуже махне крилами та вилетить із скель, то зареве буря, і ламаються дерева, і розвалюються хати».⁶³ У народі існувала ціла система магічних оборонних дій проти нападу вихору-чорта: вірили, що його можна вбити, якщо кинути в нього ніж, і тоді ніж стане кривавим.⁶⁴ Цей мотив у демонології слов'янських народів докладно описано у праці Л. Раденковича.⁶⁵ Інтерес становить українська форма *халендрія*, закріплена в народній демонології, подібна до лексеми *хала*: «Огненні птахи небесні, що звуться фенікси та *халендрії*».⁶⁶

Аналіз типологічних фактів, що стосуються міфології атмосферних явищ балканських і східних слов'ян, зокрема українців, а також аналіз семантики південнослов'янських мовних одиниць, що визначають мотивацію поняття 'негода', дозволяє запропонувати нову гіпотезу щодо етимології української лексеми *халéна*.

До питання про етимологію української лексеми *халéна*. Міфологічна, семантична і формальна (фонетична) близькість болгарського слова *хала* та українського *халéна* дозволяє визначити таку лінію запозичення: грецька мова (від *χαλώ*, *χαλνώ* 'руйнувати; псувати; знищувати, переводити')⁶⁷ → болгарська мова (*хала* «змій, дракон, що насилає град, бурю») → українська мова (*халéна* застар. 'негода, непогода', перен. 'біда, неприємність'). Можливість семантичного розвитку *хала* — *буря* — *вихор* — *град* — *непогода* — *неприємність* — *біда* — *халéна* уявляється нам цілком природною і навряд чи може викликати сумнів. Крім того, цю лінію зв'язку доводить загальна негативна семантика болгарської лексеми *хала* 'дракон, буря' та української *халéна* 'непогода; напасть, біда'. Показовим у цьому відношенні є застаріле в українській мові слово *нахаба* 'біда, напасть, нещастя' (напр., *Частенько* [люди] *дурущі снують, А доснуються до нахаби, — Тоді вже лихо тчуть*. Л. Глібов),⁶⁸ що є похідним утворенням від незасвідченого дієслова **нахабити* 'псувати' (пор. стел. *нахабити*), похідного від давнього **хабити* 'те саме',⁶⁹ **хав*-прасл. **хабити* (*se*) 'псувати, знищувати', **хавнѣти* 'ударити, звалитися, рухнути'.⁷⁰ У цьому

⁶³ Огієнко, І.: Дохристиянські вірування українського народу: історично-релігійна монографія. Київ: Обереги, 1992, с. 149.

⁶⁴ Гнатюк, В. М.: Нарис української міфології. Львів: Ін-т народознавства НАН України, 2000, с. 159.

⁶⁵ Раденкович, Л.: Нож в вихре: об одном мифологическом сюжете в славянском фольклоре. In: *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира. Москва: Индрик, 2013, с. 239-247.

⁶⁶ Огієнко, І.: Дохристиянські вірування українського народу, с. d., с. 76.

⁶⁷ Иоаннидис, А. А.: Новогреческо-русский словарь под ред. А. А. Белецкого. Москва: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1950, с. 707-708.

⁶⁸ Словник української мови: с. d., т. 5, с. 226.

⁶⁹ Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 2003, т. 4, с. 51.

⁷⁰ Трубачев, О. Н. (ред.): Этимологический словарь славянских языков, с. d., вып. 8, с. 9.

ж семантичному ряду стоїть слово *напасть*, похідне від *нападати* ‘накидатися у великій кількості на кого-, що-небудь’.

В українській літературі є приклади прямого покликання на *халéну*, яка за описом схожа на болгарський демонічний персонаж в образі вітру, бурі, грому, змія, пор.: «*Він, каже, з Русалиму мався давно бути, Да лихая халена як узяла дутти*»;⁷¹ «*Куди ж ми заховаємося? Каже йому Трохим: «бач, яке лихо по всьому лісу? Отто грім запалив дерево: бач горить! Та й по всьому лісу така халена!»*»;⁷² «*Поки вас буде поганяти ся тройчата халена, не ждите нас до гурту*»;⁷³ де *тройчата халена* – триголовий змій.

Вірогідний зв'язок семантики болгарського *хала* та українського *халéна*, що ґрунтується на міфологічних уявленнях, доповнює синонімія українських слів *халéна*, *біда*, *лихо*, які асоціюються з нечистою силою як причиною нещастя, що “звалюється” на людей звідкись згори. Не випадково в українській мові лексеми *біда* і *лихо* позначають *чорта*, пор.: *біда* ‘біс, бісовська сила, щось страшне’, *грім біди не б’є*,⁷⁴ *Хай (нехай) йому (їм, на нього, на вас і т. ін.) халена // Хай (нехай) йому (їм і т. ін.) біс!*⁷⁵ *Біда біду породила, а біду чорт; Нудьга за біду дочку оддав, а халена на весіллі грав*,⁷⁶ *лихо* ‘біда, чорт’, народно-поетичне *лишенько/ лихо напало* ‘у когось неприємності, нещастя’, *лиха напасть* ‘раптове нещастя’;⁷⁷ *Побий тебе лиха година! Хай на вас лиха година сяде (вдарить)*.⁷⁸ Звернімо увагу на одні з перших тлумачень слова *халéна* в «Граматиці» 1818 р. О. П. Павловського: *халéна* – ‘нелёгка’ з приміткою лайливе слово,⁷⁹ потім у словнику П. П. Білецького-Носенка (праця 30-40-х рр. XIX с., вперше видана 1966 р.): «халéна (халипа) ‘напасть, нелюккая. Нехай йому халéпа! Нелёгка его возьми!».⁸⁰

В етнографічній збірці 1853 р. ми виявили текст, в якому описано побут селян містечка Олександрівка Чернігівської губернії Сосницького повіту: «Который бы козак захотел на речке утя убить, сам от себя прибавляет: Да нема! *Нехай тобі халéна!*», тобто *Та нема нічого – хай тобі все зле!*».⁸¹ Примітно, що автор тексту пояснює значення вислову *Нехай тобі халéна!* через синонім *Цур тобі, нех тобі!*, що з погляду семантики є евфемістичною назвою чорта, нечистої сили. Див. інші приклади: *Нехай йому халéна. Ну его к чорту!*;⁸² *Пху! нехай на вас халéна!*⁸³ *Скрізь клопiт, халéна, сто лих!* (І. Котляревський), рос. *И он пошел на крыльцо, где маменька в страхе ждала, чем кончится эта суматоха. — А! Хай йому халéна! Ну его к черту! Оце якби знав!* (И. Е. Репин. Далекое близкое).⁸⁴ Так само у південних слов’ян слово (*х*)ала служило узагальненою назвою нечистої сили повітряно-

⁷¹ Сластёнъ, О.: Сатирические вирши 1786 г. Киевская старина, 1899, т. LXVII. Ноябрь, с. 73-74.

⁷² Квітка-Основ’яненко, Г. Ф.: Перекопиполе. Ін.: Твори. Т. 2. Повісті. Драматичні твори. Львів: Просвіта, 1913, с. 33.

⁷³ Куліш, П.: Твори Пантелеймона Куліша. Т. 6. Львів: У друкарні НТШ, 1910, с. 539.

⁷⁴ Грінченко, Б.: Словарь української мови: в 4-х т. Київ: Наукова думка, 1996, т. 1, с. 61.

⁷⁵ Словник української мови: с. д., т. 11, с. 13.

⁷⁶ Номис, М.: Українські приказки, прислів’я, і таке інше. Київ: Либідь, 1993, с. 131, 397.

⁷⁷ Грінченко, Б.: Словарь української мови: с. д., т. 2, с. 364.

⁷⁸ Номис, М.: Українські приказки, с. д., с. 193.

⁷⁹ Павловский, А. П.: Грамматика малороссийского наречия. Санкт-Петербург: Тип. В. Плавильщикова, 1818, с. 63.

⁸⁰ Білецький-Носенко, П. П.: Словник української мови. Підгот. до вид. В. В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1966, с. 373.

⁸¹ Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом, т. 1. Санкт-Петербург, 1853, с. 330.

⁸² Номис, М.: Українські приказки, с. д., с. 248.

⁸³ Грінченко, Б.: Словарь української мови: В 4-х т. Київ: Наукова думка, 1997, т. 4, с. 384.

⁸⁴ Национальный корпус русского языка. URL: <<https://ruscorpora.ru/new/>> (8.04.2022).

го походження, лайкою і прокльоном: *Хал да го сретне, та да го халоса* [Щоб його дракон зустрів і побив];⁸⁵ *«але, алевине «нечиста сила», Але те однеле, але те спалиле!* [Щоб тебе али понесли, щоб тебе али спалили!];⁸⁶

Деякі слова з коренем *хал-* і ремаркою «лайливе» мають в українській мові нез'ясовану семантику, хоча цілком очевидно виявляють зв'язок з демонологією: *халярес, Халярес мама твоя!*⁸⁷ *Халамаїдол*.⁸⁸ Сюди ж належить і слово *халяндра* 'старовинний циганський танець' досі не розшифрованої етимології,⁸⁹ «*халяндра* 'циганський танець; *халяндри скакати* 'танцювати по-циганськи',⁹⁰ напр.: «*Циганчата танцюють халяндри та кричать не своїм голосом*». ⁹¹ У сучасній українській мові слово *халяндра* збереглося в застарілому образному вислові *поскачеш (потанцюєш) [у мене, у нас] [циганської] халяндри* в негативному значенні погрози кому-небудь, пор. «*Постривай же, свекрухо! — говорила голосно Мотря сама до себе, розвішуючи сорочки по тину, — будеш ти в мене циганської халяндри скакати, а не я в тебе. І. Нечуй-Левицький*»;⁹² *У вікон школярі співали, халяндри циганки скакали* (І. Котляревський). Слово *халяндра*, на нашу думку, є спорідненим з румунським *hală* 'демон, чудовисько, злий дух'⁹³ і первісно могло означати якісь ритуальні («бісовські») танці. Зі словом *халяндри* можна пов'язати діалектне *халясувати* 'танцювати', напр.: «*А це, випивши ще чарку, як підбере [дяк] поли в балахона.. Тільки борода та коса майтолає [майталає], а він — так халясує, так халясує...* (Панас Мирний)».⁹⁴

У складному переплетенні українських слів, близьких за демонологічною семантикою, впадає в око слово *пеня* 'напасть, біда',⁹⁵ *пеня* 'напасть',⁹⁶ утворене від нього *пенюк* заст. 'чорт, який в усьому перешкоджає'.⁹⁷ Напевно, по відношенню до українського *халєпа* можна говорити про табування міфологічного персонажа *чорт*, оскільки, як відомо, пряме звернення до нечистої сили в народі розцінювалося як його виклик, що могло мати негативні наслідки для мовця.

На рівні демонології смисловий зв'язок вихор, буря < чорт підтверджується їхньою взаємозамінністю в народному фольклорі: *Крутить, як чорт дорогою/ як вихор на дорозі*, у формулах лайки чи прокльонів: *Щоб тебе буря вивернула! О, щоб їх вихром винесло! Щоб тебе взяло та понесло поверх дерева! Хай його поб'є те, що в хмарі гуде!*⁹⁸

Зв'язок семантики слова *халєпа* з різними явищами негоди підтверджують поліські діалекти української мови: *халєпа, халєпа, халѡпа* 'погана, дощова погода; негода',⁹⁹ *халє-*

⁸⁵ Дукова, У.: Наименования демонов в болгарском языке, с. d., с. 208.

⁸⁶ Плотникова, А. А.: Хала. In: Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. Москва: Международные отношения, 2012, с. 407.

⁸⁷ Франко, І.: Галицько-руські народні приповідки. Т. III. Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2007, с. 331.

⁸⁸ Етимологічний словник української мови, с. d., т. 6, с. 150; Грінченко, Б.: Словарь української мови: в 4-х т. Київ: Наукова думка, 1997, т. 4, с. 384.

⁸⁹ Етимологічний словник української мови, с. d., т. 6, с. 152.

⁹⁰ Пискунов, Ф.: Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австрийско-Венгерской империи. Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1882, с. 273.

⁹¹ Словник української мови, с. d., т.11, с.15.

⁹² Словник української мови, с. d.

⁹³ Етимолошки речник српског језика. Св. 1, А. Израд. Марта Бјелетић ... [и др.]; уредно Александар Лома. Београд: Институт за српски језик: САНУ, 2003, s. 97.

⁹⁴ Словник української мови, с. d.

⁹⁵ Грінченко, Б.: Словарь української мови, с. d., т. 3, с. 106.

⁹⁶ Білецький-Носенко, П. П.: Словник української мови, с. d., с. 275.

⁹⁷ Етимологічний словник української мови, с. d., т. 4, с. 336.

⁹⁸ Номис, М.: Українські приказки, с. d., с. 182, 190-191, 194.

⁹⁹ Лисенко, П. С.: Словник поліських говорів. Київ: Наукова думка, 1974, с. 222.

па 'мокра, сира, із затяжними дощами погода', *халепа, хал'єпа, халєпа* 'грязюка впереміж зі снігом', *халепа* 'сніг з вітром', 'перші опади снігу восени', *хал'єпа пл'ажит* 'сніг з дощем'.¹⁰⁰

Інші точки дотику між болгарським словом *хала* та українським *халєпа* підтверджують українські застарілі та діалектні лексеми з коренем *хал-*, у яких актуалізовано основні риси демонологічного персонажа та похідна від нього семантика:

1) *халавкати* 'жадібно їсти, жерти', *халандрусь* 'ненажера', *халасати* 'жадібно їсти, жерти', *халасун/ халує* 'лакомка'. Цікаво, що в етимологічних реконструкціях цього семантичного ряду автор словникової статті акад. Г. П. Півторак відмічав: «не зовсім ясне; можливо, пов'язане з болг. хала 'ненажера'»;¹⁰¹

2) *халазія* 'прочухан, биття різками; неприємність, лихо', етимологічно споріднене з укр. *ожелєдь, ожелєдиця* 'сніг з дощем', споріднене з гр. *χάλαζα* 'град', в українських формах початкове *о* приставне,¹⁰² увійшло в мову, мабуть, із семінарського жаргону;¹⁰³ *халазія* 'покарання, бійка; *халазію дати* 'побити різками';¹⁰⁴

3) *халавсувати* 'їсти нажерливо';¹⁰⁵

4) у буковинських діалектах *халасувати* 'їсти поспішно, пожадливо'; заст. *халасун* 'чоловік, який їсть пожадливо, поспішно'; *халасунка* 'жінка, яка їсть пожадливо, поспішно'; рідк. *халати* 'їсти, не пережовуючи страву, голосно ковтаючи її';¹⁰⁶

5) *халєва* перен., лайл. 'неохайна, розпунта людина', напр.: «*Тут Бахус п'яний обізвася, Венеру ляяти начав...* – *Пійди [пиди] лиш ти к чортам, плюгава, Невірна, пакосна, халєва!* (І. Котляревський);¹⁰⁷

6) *халаман* 'негідник';¹⁰⁸

7) *халамцдник* 'бешкетник, пустун';¹⁰⁹

8) заст. *нахалом* 'насилно, силою, силоміць';¹¹⁰

9) *халєстра* 'негідник'.¹¹¹ Староукраїнське *халєстра* – від нгр. *χάλαστρα* 'пролом, зруйнування', похідне від гр. *χάλω* 'руйную, псує'.¹¹²

Фольклорні тексти доповнюють картину діалектних значень, близьких до тих, що походять від слова *халєпа*. Так, у збірці народних пісень П. Чубинського записано слово *халувати*: *Ой б'єш мене, не жайлуєш, літа мої ти/та халуєш*.¹¹³ Б. Грінченко у своєму словнику трактує його як сумнівне, замість якого мало би бути записано *марнувати*. На нашу думку, застаріле дієслово *халувати* у цьому контексті реалізує значення 'губити,

¹⁰⁰ Никончук, М. В.: Матеріали до лексичного атласу української мови (Правобережне Полісся). Київ: Наукова думка, 1979, с. 107; 109; 110; 112; 122.

¹⁰¹ Етимологічний словник української мови, с. д., т. 6, с. 150.

¹⁰² Етимологічний словник української мови, с. д., т. 4, с. 164-165.

¹⁰³ Етимологічний словник української мови, с. д., т. 6, с. 150.

¹⁰⁴ Пискунов, Ф.: Словарь живого народного, с. д., с. 273.

¹⁰⁵ Франко, І.: Галицько-руські народні приповідки, с. д., с. 331.

¹⁰⁶ Гуйванюк, Н. В. (заг. ред.): Словник буковинських говірок. Чернівці: Рута, 2005, с. 609.

¹⁰⁷ Словник української мови, с. д., т. 11, с. 15.

¹⁰⁸ Спанатій, Л. С. (заг. ред.): Словник українських говірок Бузько-Інгульського межиріччя. Миколаїв, 2018, с. 796.

¹⁰⁹ Етимологічний словник української мови. Київ: Наукова думка, 2012, т. 6, с. 150.

¹¹⁰ Етимологічний словник української мови, с. д., т. 4, с. 52.

¹¹¹ Пискунов, Ф.: Словарь живого народного, с. д., с. 273.

¹¹² Пономарів, О. Д.: Лексика грецького походження в українській мові. Київ: Видавничий центр «Просвіта», 2005, с. 24.

¹¹³ Чубинський, П. П.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Т. V. Санкт-Петербург: Типография М. Майкова, 1874, с. 610.

знищувати, вбивати', що імпліцитно вказує на функції, що їх "виконує" демонологічний персонаж *хала*. Пор. також з мови народних лірників: *халяти, халити* 'вмирати'.¹¹⁴ Цей аргумент, певно, верифікує зв'язок *хала* – *халепа*. Діалекти, таким чином, як лексично ізольовані від літературної мови одиниці, допомагають розкрити первинне значення слова, на яке не впливає аналогія мовної системи.

Образно доповнює мотивацію лексеми *халéпа* українська фразеологія. Окремі ознаки наявні в дієслівних компонентах, значення яких виражають ідею руху в просторі зверху вниз: демон > нападати зверху у швидкому польоті > *звалиться / наскочить халепа на кого*; буря > крутитися > *викрутитися/вилізти/вибратися з халепа*. Або образ *халéпи* створює лексика, дотична до типових результатів дії прототипу: демон > завдавати неприємностей > *чинити халепу*; непогода (дощ, багнюка, сльота) > потрапити в неприємні умови > *вскочити/потрапити/попастися/встряти/влипнути в халепу*; демон > напрям дії на суб'єкт > *хай/нехай їм/на нього/на вас халепа*. У російській мові образ *нелёгкая* (причому лише у формі жіночого роду) можливий лише у сполученні з дієсловами руху *занесла, принесла, дёрнула* тощо.

Також важливо зауважити, що до псл. **xala-/xalъ-* є близькими слова з контамінованими основами **xlast- /xlest- /xlyst- /xl'ušĕ* ономапоетичної семантики, які характеризують дії, типові для демонологічного персонажа, що спричиняє погану погоду, та мають подібну семантику, пор., *халасати, халасувати* 'жадібно їсти жертви' і *хлистати* 'пити жадібно, швидко', а також *хлебстати* 'бити, хлистати; пити', *хлебеснути* 'сюрбнути, ковтнути', *хлебтати* 'пити (про тварин)', *ненахлепка* 'ненажера',¹¹⁵ *хлюскати* 'плескати; литися з шумом (про дощ)', *хлющ* 'струмені дощу; дощова погода'¹¹⁶ – звуконаслідувальні лексичні утворення, пов'язані з основами псл. **xlast- /xlest-* 'лити, литися, прориватися потоком'. Семантична гетерогенність 'лити, сильно литися', 'пити', 'бити, шмагати' підтверджується різними лексичними паралелями, пор.: *дощ ллє, дощ січе*, рос. *дождь хлещет; Ветер неистово свищет, дождь сечёт лицо*. (И. А. Гончаров),¹¹⁷ *хлющ* 'сильний дощ, злива' (пор. *Ідуть дощі — Густі хлющі, Почався листопад*. Платон Воронько), як *хлющ змокнути* 'стати зовсім мокрим', як *хлющ [мокрый]* 'дуже, наскрізь мокрий',¹¹⁸ *хлюща* 'ожеледиця', словен. *hlīšč* 'сильний вітер', 'злива', 'піщана буря'.¹¹⁹

Можна вважати, що слово *халéпа* – утворення, що узгоджується з міфологічною семантикою болг. *хала* та виникло в результаті розширення експресивним формантом **-еп**, пор. лайливі українські слова *шерéпа, шелéпа, гéпа, гергéпа*: *шерéпа* 'страхотлива фантастична істота; страховище – про велетенську тварину, що вражає розмірами свого тіла',¹²⁰ 'страшна на вигляд дівчина або жінка',¹²¹ напр.: «*Лиха година тебе б взяла, бісову шерепу! І чорт тебе нагнав сюди, гаспидська дочко! П. Мирний*»,¹²² *шелéпа* (чол. і жін.р), спільне зі словотворчим гніздом *шелéпнути* 'упасти із шумом; із силою вдарити', *ушелéпатися* 'ускочити', діал. *ушелéпкатися* 'ускочити в халепу'; вигук *ше́леп* 'шелесть; геп, хряп',¹²³

¹¹⁴ Студинський, К.: Лірники. Львів: Накл. ред. «Зорі», 1894, с. 44.

¹¹⁵ Етимологічний словник української мови, с. д., т. 6, с. 179.

¹¹⁶ Етимологічний словник української мови, с. д., с. 185.

¹¹⁷ Национальный корпус русского языка <<https://ruscorpora.ru/new/>> (8.04.2022).

¹¹⁸ Словник української мови, с. д., т.11, с. 90.

¹¹⁹ Етимологічний словник української мови, с. д., т. 6, с. 185.

¹²⁰ Словник української мови, с. д., т. 7, с. 399.

¹²¹ Білецький-Носенко, П. П.: Словник української мови, с. д., с. 397.

¹²² Словник української мови, с. д., т. 11, с. 443.

¹²³ Етимологічний словник української мови, с. д., т. 6, с. 403.

géna, gergéna лайл. «велика, але незграбна жінка»¹²⁴ – похідне слово від вигуку *gen* (дієслів *génnutи, gergénnutи*) на позначення падіння, удару чогось важкого», *génтатися* «ляятися» – «неясне; можливо пов'язане з *gen* «вайло», *géna* «незграбна жінка» і первісно означало «обзивати гепом, гепою»;¹²⁵ пор. кашуб. «*chala* 'чоловік високого зросту', міфол. *ochala* 'людина або звір величезного зросту'».¹²⁶

Зіставлення східнослов'янського кореня *chal- з *šal-/ *šel-/ *šer-, на що вказував на початку ХХ ст. Г. А. Ільїнський,¹²⁷ демонструючи чергування формантів *-ap/*-op і *-er, є продуктивним і проливає світло на звуконаслідувальну природу *xáléna*. Матеріал свідчить, що слова з коренем *hal-* спеціалізувалися на негативних характеристиках живої і неживої природи – істот і неістот.

Висновки. При аналізі лексики міфологічного характеру ефективним є звернення до текстів духовної культури слов'ян, які сприяють верифікації етимологічних гіпотез. За слухним зауваженням В. М. Топорова, «врахування семантичних особливостей позамовного рівня допоможе установити низку нових етимологій (які не могли б бути відкриті в межах виключно мовного рівня)».¹²⁸ Наші висновки ґрунтуються на аналізі південнослов'янської міфології, що отримала вербальні форми в південнослов'янських мовах. Специфіка аналізу полягає в тому, що дані південнослов'янської народної традиції використано для виявлення подібних рис у східнослов'янській народній традиції.

Пошуки етимології слова *xáléna* в українській мові в плані його зв'язку з болгарською лексемою *hala* відобразили всю складність балканської мовної ситуації з характерними для неї взаємовпливами, переплетіннями і нашаруваннями мов і культур, про що неодноразово зауважували у своїх дослідженнях балканісти (зокрема, М. Б'єлетич, Л. М. Виноградова, І. Георгієва, У. Дукова, А. А. Плотникова, І. О. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цив'ян та ін.).

Є підстави вважати, що в сучасній українській мові слово *xáléna* можна оцінювати як культурний балканізм, точніше воно є спорідненим з міфологічною семантикою болгарського *hala*. Узагальнений за своїм змістом образ, який розгортає первісну семантику, – це міфологічний і мовний образ повітряної стихії, непогоди, в українській демонології співвідносний з поняттям 'вихор – нечиста сила/ чорт', що підсилювало причинно-наслідковий зв'язок цих понять, і згідно з народною традицією отримав табу на використання у вигляді лексеми *xáléna*. Сполучною ланкою між мовною і міфологічною семантикою болгарського лексеми *hala* і мовною і міфологічною семантикою української лексеми *xáléna* служив комплекс значеннєвих ознак, релевантних для демонологічного персонажа, – злий, страховинний, жадливий, тяжкий, небезпечний, несподіваний, що привело до сучасного значення 'біда, неприємність'.

Відносно хронологічного критерію можна припустити, що *xáléna* – лексичне утворення в українській мові пізнішого часу (в лексикографічних джерелах з'являється з кінця ХVІІІ ст.), звідки воно поширилося в деяких південних діалектах російської мови, наближених до українських ареалів, а також в діалектах білоруської мови. На відміну від локальних діалектів російської та білоруської мов, у яких слово *xáléna* позначає мокрий сніг

¹²⁴ Яворницький, Д. І.: Словник української мови. Катеринослав: Слово, 1920, Т. 1. А-К, с. 139.

¹²⁵ Етимологічний словник української мови, с. д., с. 496-497.

¹²⁶ Boryś, W. – Popowska-Taborska, H.: Słownik etymologiczny Kaszubszczyzny. T. 2, D-J. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1997, s. 278.

¹²⁷ Ильинский, Г. А.: Звук sh в славянских языках. Петроград: Тип. Имп. Академии наук, 1916, с. 89-90.

¹²⁸ Топоров, В. Н.: Из наблюдений над этимологией, с. д., с. 11.

або дощову погоду, в українській мові це слово має широке значення *непогода* ‘холодна, вітряна, дощова погода; негода’, пор.: «*А вітер осінній аж кости проймас. Коли б він не дув та негода утихла*»;¹²⁹ «*Вітер так ялини шарнав, Аж гули! Зненацька збіглись темні хмари... от негода!*».¹³⁰

Якщо міркувати про шляхи проникнення *хал-(а)* в українську мову, можна вважати за ймовірне, що з північно-західної території Болгарії через Румунію (пор. вищезазначене рум. *hală* ‘демон, чудовисько, злий дух’¹³¹) воно потрапило на Буковину, де з коренем *хал-* зафіксовано найбільшу кількість діалектних лексичних дериватів. З діалектів слово *халепа* перейшло в літературну українську мову, чого не відбулося в літературних російській та білоруській мовах.

The Ukrainian lexeme *halepa* (халепа) in the light of Balkan Slavic ethnolinguistics (from the field of etymological discussions)

Liudmyla Ivanivna Danylenko

In the modern Ukrainian language, the word *halepa* (*xálepa*) belongs to the active vocabulary, however, its archaic background is felt quite clearly, and the etymology remains obscured. The most widespread is the version about the origin of the word *halepa* from the Greek language *χάλεπος*. The purpose of this article is to try to offer an alternative etymology based on the background of the Balkan Slavic linguistic and ethnocultural areas. The starting point is the obsolete meaning of the word *halepa* ‘bad weather’ in the projection onto its South Slavic demonological character (h)ala. The search for the etymology of the word *halepa* in Ukrainian language in terms of its hypothetical connection with the Bulgarian lexeme *khala* (*xala*) reflected the complexity of the Balkan situation with its characteristic mutual influences, interweaving and layers of languages and cultures. This is confirmed by several versions of the origin of the word (h)ala in this linguocultural area.

When analyzing the lexicon of a mythological nature, it seems productive to turn to the texts of the spiritual culture of the Slavs, which contribute to the verification of etymological hypotheses. Almost identical features are found between the South Slavic and Ukrainian demonological characters, which are characterized by meteorological signs. The mythological, semantic and formal closeness of the Bulgarian word *hala* and the Ukrainian word *halepa* allows us to determine the following line of interconnection: *hala* – *storm* – *whirlwind* – *hail* – *bad weather* – *misfortune* – *trouble* – *halepa*. The analysis leads to the conclusion that in the Ukrainian language initially the word *halepa* meant bad weather, force of nature, then acquired the taboo meaning ‘devil’, which reflected the causal relationship of these concepts, and finally received the modern meaning ‘problem, trouble’.

¹²⁹ Костомаров М.: Поцілунок. Ін: Руська письменність. IV. Твори Амвросія Метлинського і Миколи Костомарова. Львів: Просвіта, 1906, с. 291.

¹³⁰ Леся Українка: Зібрання творів у 12 томах. Том 2 (Поезія). Київ: Наукова думка, 1975, с. 213.

¹³¹ Етимолошки речник српског језика. Св. 1, А. Израд. Марта Бјелетић ... [и др.]; уредио Александар Лома. Београд: Институт за српски језик: САНУ, 2003, с. 97.

OLGA IERMACHKOVA – TAMARA MUJKOŠOVÁ*

Language as a Mirror of Globalization from the Linguocultural Aspect (on the Materials of Newspaper Headlines from Selected Periodicals of Three Slavic Countries)

IERMACHKOVA, O. – MUJKOŠOVÁ, T.: Language as a Mirror of Globalization from the Linguocultural Aspect (on the Materials of Newspaper Headlines from Selected Periodicals of Three Slavic Countries). *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 2, pp. 118-136 (Bratislava).

Globalization, one of the most distinct features of the 21st century, is not related only to the economic sphere but to a certain extent influences all aspects of social life. It brings a seeming breaking down of boundaries along with it, as a consequence of which the mixing of diverse cultures comes about, which is afterwards also reflected in language. The image of today's language represents primarily spoken and mass media language, and specifically that one is the most important working tool for a journalist. It is for this reason that language in mass media and mainly in newspaper headlines (the concentrated form of mass media texts) is able to reflect specific peculiarities of national cultures. This study focuses on the linguoculturological aspect of newspaper headlines of selected Slovak, Russian and Czech periodicals with regard to the influence of globalization processes. The analysis of excerpted newspaper headlines enables to define some peculiarities of the individual linguocultures with interesting results, which are subsequently compared.

Globalization, culture, language, linguo-cultureme, newspaper headline, linguoculture

Introduction

The term 'globalization' is derived from the word 'global' (summary, whole) and the theorists who deal with this phenomenon agree that it is an uncontrolled, spontaneous process of increasingly intense integration of world countries into a single economic system.¹ Even though globalization is most commonly connected to the economic field, in reality it has a much wider meaning. The factors that are a part of it are not only economic but also political, social, cultural or spiritual and all of these fields are affected by globalization processes. The efficiency of globalization is further increased by information technology, which enables not only a faster, but also a more extensive spread of sociocultural information. While in the past communication among different societies had been complicated because of distance, in the present day it is simplified and accelerated by the employment of information technology, mainly mass communication media and the internet. In connection with globalization, we can talk about imaginary break-

* Mgr. Olga Iermachkova, PhD., Department of Russian Studies, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Nám. Jozefa Herdu 577/2, Trnava, olga.iermachkova@ucm.sk; Mgr. Tamara Mujkošová, Department of Russian Studies, University of Ss. Cyril and Methodius in Trnava, Nám. Jozefa Herdu 577/2, Trnava, mujkosova1@ucm.sk.

¹ Mezřický, V.: *Povaha globalizace, základní problémy, její pozitivita i negativa*. In Dlouhá, J. – Dlouhý, J. – Mezřický, V. (ed.): *Globalizace a globální problémy*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2006, s. 11.

ing down of boundaries, where a kind of contamination of individual national cultures occurs, which, of course, also reflects itself in language. The language becomes saturated with a number of neologisms and mainly terms borrowed from foreign languages, primarily from English. A certain paradox of globalization processes is the fact that the awareness of the importance of one's own national identity, of guarding and preserving the culture created by entire generations of their ancestors is growing stronger. National culture which can be considered to be a kind of mirror into the mentality of a nation, its customs, stereotypes etc., manifests itself strongly in language, which, within its dynamic, constantly testifies about revaluation or, on the contrary, devaluation of a given culture. It is thus evident that both phenomena are very closely related. And it is their mutual relationship that is the object of research in the field of linguoculturology.

Theoretical bases

Linguoculturology

It is natural that we learn about the spiritual wealth of different nations through language. This fact also confirms the idea that language is to a certain extent formed by national culture.

V. Vorobjov² who stood at the birth of this scientific discipline, considers the fundamental quantities to be the language, the culture, but also the nation (he calls them the main triad of linguoculturology). He emphasizes the importance of language in the accumulation of cultural information and notes that the role of language is not only the usual mediation of communication.

J. Bartmiński³ is also convinced that the identity of nations and their culture are very well visible in language. At the same time he underlines that the interaction between language and culture is greatly influenced by the current increased migration of people, which means that the mutual relationship of the mentioned phenomena is not as strong as it used to be in the past, although, despite this, language can still be considered the basic element that enables the identification of a nation, as well as a stable point connecting its members.

Hence, linguoculturology works with the idea that language is very closely related to culture. And although this thought has been occupying scientists for a few centuries already, linguoculturology (on the intersection of linguistics and culturology) in the form of an independent scientific discipline has formed at the end of the 20th century. Not even the initial scepticism of the scientists hindered the further development of this scientific discipline, in which language is regarded as the cultural code of a nation.⁴

Linguoculturology constitutes a scientific movement with a vast capacity at its disposal, because present globalization allows different cultures and languages to be closer to each other, which is the reason for the constant changes in culture and in language. These facts influence the continuous development of this modern and still not sufficiently explored scientific discipline, which from even this point on holds the potential to provide scientists with an abundance of diverse research material. The present day linguistic studies are focusing more and more on the linguistic image of the world, which means the relationship between language and culture, the mentality, the reflection of culture in language.⁵

² Воробьев, В. В.: Лингвокультурология. Москва: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2008, с.13.

³ Bartmiński, J.: Jazyk v kontextu kultury. Praha: Karolinum, 2016, s. 14-17.

⁴ Маслова, В. А.: Лингвокультурология. Москва: Издательский центр Академия, 2001, с. 3.

⁵ Tyshchenko, O. – Iermachkova, O. – Malaniuk, M.: Nomination of extramarital relations in the language of traditional folk culture (based on the material of Slavic languages and cultures in comparison with English). In: Slavica Slovaca, 2021, 56, č. 2, pp. 205-225.

The intersection with other similar linguistic disciplines (e.g., ethnolinguistics, sociolinguistics, cognitive linguistics, etc.) is the reason for a certain indefiniteness in the area of research methods or the extent of the terminological apparatus of linguoculturology.

V. Vorobjov,⁶ too, is confident about the interdisciplinary nature of linguoculturology, while pointing out its integrative standpoint of studying the relationship of language and culture. He claims that during the complex examination of the interaction between language and culture it is very important to single out the unit in which both of the mentioned phenomena are synthesized. A study of linguo-culturemes is needed in order to understand their mutual relationship, primarily of their meanings, which directly reflect the extralinguistic reality. For this reason it is important to not only focus on their form but also on their content. V. Vorobjov⁷ clarifies that a linguo-cultureme is a unit with a substantially greater depth than a word. He defines it as a complex intermediate unit consisting of linguistic as well as extralinguistic content.

A linguo-cultureme might not be comprised of only a single word, but rather of an entire text with cultural meaning. Many scientists of today are already working with it as a basic unit of linguoculturological analysis. Studying them brings interesting findings while comparing languages where their content diversity is apparent and the cultural particularities of societies whose languages were studied are prominent.⁸

These particularities are becoming the foundation for defining the individuality of different linguocultures. This term is becoming increasingly popular. According to V. Krasnychova,⁹ it is about culture expressed through language. She points out that even though a synonymic confusion of the term 'linguoculture' with the term 'linguistic image of the world' still occurs, these terms are not identical. She explains that the linguistic image of the world needs to be understood as a strictly linguistic phenomenon, while on the other hand she defines linguoculture as a linguocognitive phenomenon, which is formed by the images of consciousness in verbal clothing. The semantics of linguoculture is composed of cultural meaning, which is externalized in the language character.

We can add that linguoculture presents a much more complicated concept, whilst the linguistic image of the world creates its component. Unmistakably, the research of linguoculture holds great significance because it offers an objective piece of evidence about the character of a studied culture.

Newspaper headline

A headline (from Latin *titulus*) is a term for establishing a title, a sign, a place of honor etc. In no case does it only serve as a title to a specific text, it often plays a part as the main attention grabber, which influences the overall effect of the newspaper.¹⁰

The headline is an important element of a newspaper that provokes the reader to read the entirety of a text, but can also cause the opposite – demotivate the reader, and they will leave the text (or the entire newspaper) unnoticed. A newspaper headline should therefore be interesting

⁶ Воробьев, В. В.: Лингвокультурология, с. д., с. 36.

⁷ Воробьев, В. В.: Лингвокультурология, с. д., с. 44-45.

⁸ Елисеева, Е. Б.: Лингвокультурема как единица декодирования культурных смыслов при переводе художественного текста. In: Филологические науки, 2013, № 3 (21) в 2-х ч., с. 67-70. Доступ: <http://www.gramota.net/materials/2/2013/3-2/16.html>.

⁹ Красных, В. В.: Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? In Экология языка и коммуникативная практика. 2013, № 1, с. 133-141. Доступ: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2013/12/V.V.-Krasnykh.pdf>.

¹⁰ Halada, J. – Osvaldová, B.: *Slovník žurnalistiky*. Praha: Karolinum, 2017, s. 250.

to the extent to be able to earn the attention of the reader. For this reason, journalists think of various ways for its creation – they can leave it only as an announcement of a certain fact, or they might engage their own originality in order for the headline to fulfil one of its basic tasks – to capture the reader’s attention, for which they utilize different literary devices. The mentioned statement is evidenced by an entire series of professional works dedicated to the given subject.¹¹

A headline in a newspaper fulfils several basic functions and the majority of journalism scientists¹² consider the following to be the most important:

- title, naming of a text – subjective function;
- information about the content of an article – informational function;
- capturing the attention of a reader – advertising (expressive) function;
- the emotion, or the opinion of the author about the content of an article – evaluation (emotive) function;
- influencing the reader, challenge to a certain activity – conative (persuasive) function;
- graphic distinctiveness – structural function.

Material and methods

Linguoculturological analysis of newspaper headlines

Mass media texts, primarily headlines, constitute a rich base for linguoculturological analysis because the appearance of today’s language is represented by the language in mass media together with colloquial language. Mass media language often reflects the culture of a certain society and it is because of this potential that mass media texts are frequently studied in different scientific fields. From a linguoculturological aspect, they are interesting because of their capacity that enables them to uncover some particularities of different linguocultures.

In this study, we focused on newspaper headlines from Slovak, Russian and Czech periodicals (which belong to the most read in the countries of their origin and at the same time have a similar reader base) in their internet format – daily journals Plus 1 deň (P1D),¹³ Kommersant (K)¹⁴ and Lidové noviny (LN)¹⁵ and weekly magazines Trend (T),¹⁶ Argumenty i fakty (AIF)¹⁷ and Respekt (R),¹⁸ which we excerpted simultaneously in a period of half a year, while focusing on their linguoculturological aspect. The object of our interest were

¹¹ Napr.: Magalová, G.: Frazeológia nielen pre žurnalistov. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, 2008, 87 s.; Mlacek, J.: Publicistická frazeológia v slovenčine. In: Studia Academica Slovaca, 1990, roč. 19, s. 223-239; Stanková, M.: Publicistická frazeológia na Slovensku (v kontexte výskumov Danuše Serafinovej). In Sámelová, A. (ed.): Od novinovedy k teórii a dejinám žurnalistiky: zborník k životnému jubileu Danuše Serafinovej. Bratislava: Združenie MASS-MEDIA-SCIENCE, 2020, s. 51-64; a iní.

¹² Bečka, J. V.: Jazyk a styl novin. Praha: Novinář, 1973, 216 s.; Křístek, V.: Současné novinové titulky. In: Naše řeč, 2011, roč. 56, č. 5, s. 229-237. Dostupné z: http://nase-rec.ujc.cas.cz/archiv.php?lang=en&art=5724#_ftn2; Srpová, H.: K aktualizaci a automatizaci v současné psané publicistice. Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, Filozofická fakulta, 1998, 168 s.; Верещинская, Ю. В.: Заголовки газетных статей в аспекте медиалингвистики (на материале испанского языка). In: Филологические науки в МГИМО: Сборник научных трудов, 2007, № 28 (43), с. 17-25. Доступ: <https://mgimo.ru/files/48314/48314.pdf>; Трубникова, Ю. В.: Текст и его заголовок: проблема структурного и семантического взаимодействия. In: Известия Алтайского государственного университета, 2010, № 2 (2), с. 121-126. Доступ: <http://izvestia.asu.ru/2010/2-2/phll/TheNewsOfASU-2010-2-2-phll-04.pdf>; Хаззагеров, Г. Г.: Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам Комсомольской правды): диссертация. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 1984, 159 с.; a i.

¹³ Plus 1 deň. Dostupné na: <https://www1.pluska.sk/> [01.2020-06.2020].

¹⁴ Коммерсантъ. Доступ: <https://www.kommersant.ru/> [01.2020-06.2020].

¹⁵ Lidové noviny. Dostupné na: <https://www.lidovky.cz/> [01.2020-06.2020].

¹⁶ Trend. Dostupné na: <https://www.trend.sk/> [01.2020-06.2020].

¹⁷ Аргументы и факты. Доступ: <https://aif.ru/> [01.2020-06.2020].

¹⁸ Respekt. Dostupné na: <https://www.respekt.cz/> [01.2020-06.2020].

therefore comprised of the headlines from the mentioned periodicals with the linguocultural information which held the potential to offer an image about whether and by which means is globalization reflected in language. During the mentioned period, we managed to excerpt 1418 such headlines. We based this on the basic thesis that the language of newspaper headlines can be studied from a linguoculturological aspect. We presumed that the authors work with linguo-culturemes while creating headlines, which means that the cultural information in language is used either in a denotative or in a connotative meaning. At the same time, we assumed that the cultural information participates in strengthening of one of the basic functions of a newspaper headline, mainly advertising and evaluation functions. We also expected that the individual cultures (linguocultures) carry elements of globalization processes, whether it is their mutual contamination or favouring one's own national culture. And this exactly is one of the factors why we regard the given study as up-to-date – because of the current strong trend of globalization and internet, but also because of the great influence of mass media on society.

We have realized this research through the following methods: the method of collection and excerpting of material; the deductive method (we worked with the theory of the connection of language and culture); the inductive method; the heuristic method; the semiotic method (the research of signs with a cultural background); the method of system-structural analysis; the statistical analysis of the material and the comparative method.

Besides searching for linguo-culturemes with a reference to phrasemes and paroemias, and linguo-culturemes expressed through standard or substandard vocabulary or through neologisms and borrowed vocabulary, we defined our goal to be to discover which of these authors use the most often. With phraseology and paremiology, we also focused on the transformation of individual expressions because the dynamic processes in language also significantly influenced this field, even though it was recently still considered a fairly stable part of vocabulary.¹⁹ We were interested in with what intention did journalists use linguo-culturemes in headlines. For that matter, we used all the discovered facts to determine some particularities of Slovak, Russian and Czech linguocultures and their subsequent comparison.

Newspaper headlines of Slovak periodicals

Linguo-cultureme expressed through a phraseme

The highlighting of the advertising function of the headline ***Tak tento záber Matečnej vám VYRAZÍ DYCH: Spoločná fotka so sexicou, ktorú preslávila NAHOTA!***²⁰ is helped by the phraseme *vyraziť dych niekomu*, which is used in the meaning of *šokovať*. In the article, the author informs about the former minister's visit to Florida, USA, where she met a former anchor-woman, who currently lives there.

In order to intensify the advertising and evaluation functions, the author of the headline ***Poriadny úlovok prešovskej polície: Zadržala osoby, ktoré majú prsty v drogách!***²¹ used figurative language and the phraseme *mať v niečom prsty*, which expresses someone's participation in something. The text underneath the headline is the information about the detention of persons suspected of drug crime.

¹⁹ Grigorjanová, T. – Spišiaková, A.: Štruktúrne-sémantické frazeologické modifikácie v slovenskom a ruskom mediálnom texte. In: *Slavica Slovaca*, 2020, 55, č. 2, s. 211-222.

²⁰ <https://www1.pluska.sk/spravyl/z-domova/tak-tento-zaber-matecnej-vam-vyrazi-dych-spolocna-fotka-sexicou-ktoru-preslavlila-nahota-2> [01.01.2020].

²¹ <https://www1.pluska.sk/krimi/poriadny-ulovok-presovskej-policie-zadrzala-osoby-ktore-maju-prsty-drogach> [11.02.2020]

In the headline **SLEDOVALI SME NAŽIVO Nekompromisný Matovič o kauze predražených testov: Budú padat' hlavy!**²² the phraseme *budú padat' hlavy* is used, which in figurative language means that someone will bear the blame for something. By putting an exclamation mark after the phraseme, the author emphasized the evaluation, as well as the advertising function of the headline. This way, the reader is motivated to read the article about the overpriced purchase of rapid tests for the presence of coronavirus.

In the headline **Objavujeme teplú vodu. Superodpočet na výskum vyvoláva otázky,**²³ it is possible to observe the contamination of the automated phraseme *objavovať Ameriku* by the updated phraseme *objavovať vlažnú/studenú vodu*, borrowed from the Spanish language. Both phrasemes express the same meaning – to discover something, what is already known. The use of such a phraseme adds an ironic impact to the given headline, which means that it greatly supports its evaluation function. The article is a criticism of the support for research and development in the form of super-subtraction of taxes.

While creating the headline **Ide proti prúdu. Elitný hatchback má priestor na zlepšenie,**²⁴ the author used the lexical transformation of the phraseme *plávať proti prúdu*, which is the figurative meaning of moving in a different direction than others. This is exactly what the author writes the text about, which is actually a review for the automobile Mazda 3. The phraseme in the quoted headline therefore fulfils not only the advertising, but in this case also the informational function.

The author of the headline **Slovenskí pekári už melú z posledného**²⁵ created an interesting play on words by developing the phraseme *mliet' z posledného*, which expresses work or an activity done with the last of one's strength. In the text, the author informs how the designation of minimal wage has influenced the loss-rate of production in the baking production. Mainly the advertising function is supported.

In Slovak periodicals, the authors often used phraseology in an updated form in the creation of headlines, and even though we managed to excerpt phrasemes and idioms in their automated forms as well, these did not constitute the majority. They were often updated in the form of colloquial language, by which the headlines gained in expressiveness that participated in the strengthening of primarily the advertising function. Their transformation cannot be considered overly imaginative, by using phrasemes the priority of the authors of Slovak periodicals was mainly to attract the reader's attention. The fact that phrasemes and idioms often repeated themselves which means that the selection was not extensive is also worth mentioning.

Linguo-cultureme expressed through a paremiological unit

The proverb **Dobrá rada nad zlato** lends a dose of irony to the headline **Dobrá rada nad zlato: Poslanec odporučil chudobnej babičke, aby predala psa, keď nemá na lieky.**²⁶ It thus fulfils the evaluation and advertising functions, as well as the informational function. In the article, the Ukrainian politician, Jevgenij Bragdar, is criticized for a suggestion he offered to a poor retired woman. He, of course, caused a great public outrage by doing this.

²² <https://www1.pluska.sk/spravy/z-domova/sledujte-nami-nazivo-matovic-rokoval-kicukrom-kauze-predrazenych-rusok-ako-to-dopadlo> [22.03.2020].

²³ <https://www.trend.sk/trend-archiv/objavujeme-teplu-vodu-superodpocet-vyskum-vyvolava-otazky> [10.01.2020].

²⁴ <https://www.trend.sk/trend-archiv/ide-proti-prudu-elitny-hatchback-ma-priestor-zlepsenie> [12.01.2020].

²⁵ <https://www.trend.sk/trend-archiv/slovenski-pekari-melu-posledneho> [14.02.2020].

²⁶ <https://www1.pluska.sk/spravy/zo-zahranicia/dobra-rada-zlato-poslanec-odporucil-chudobnej-babicke-aby-predala-psa-ked-nema-lieky> [05.02.2020].

In the headline *Všetko zlé je na niečo dobré: Vichrica Yulia vytvorila rekord vo výrobe veternej energie*,²⁷ in order to support the evaluation and advertising functions, the proverb *Všetko zlé je na niečo dobré* is used. The headline also fulfils the informational function because the main piece of information is disclosed in it.

While creating the headline *Detvanci sa v karanténe v Gabčíkove nevedeli vpratáť do kože: Upokojíť ich musela polícia!*,²⁸ the author made use of developing the proverb *Nemôže sa vpratáť do kože*, the meaning of which lies in the fact that a person loses self-control and cannot stop acting foolishly. In this sense, it is also used in the mentioned headline, which therefore fulfils mainly the evaluation function, but also the advertising and partly the informational function. In the article, the author informs about Slovaks working in Germany, who returned home, but in the institution designated for mandatory state quarantine started wreaking havoc to such an extent that the police had to be called.

In the headline *Vône sú ako čierna mačka, ktorá prejde cez cestu. Dokážu motivovať aj brzdiť*,²⁹ the author utilized the superstition about the *čiernej mačke, ktorá prejde cez cestu* with its origin in the middle ages, when people used to believe that black cats are transformed witches who bring misfortune. It fulfils the roles of primarily the advertising function, but the evaluation function as well in this headline. The reader wants to find out more after reading it and probably will read an article about how the human olfactory cells are able to perceive various smells.

In the headlines of Slovak periodicals, the authors did not make use of paremiological units that much. In the amount of excerpted materials, they only constituted an insignificant portion. Most often, they were used in the headlines directly or through structural transformation and aided the support of mainly the evaluation and advertising functions.

Linguo-cultureme expressed through standard and substandard lexicon

The colloquial verb *načapať* (to be caught in the act of something) is used in the headline *VIDEO NAČAPALI SME Trnku s pivom v ruke! Ihneď po prepustení už vysedával v KRČME*³⁰ in order to increase its advertisability. The article below the headline explains the reason for the detention of the former attorney general, Dobroslav Trnka, and reacts to his release.

The noun *čachre* (illicit business; careful, dishonest actions) is a part of colloquial lexicon and because of it the headline *VOEBY 2020 Príbeh Tomáša Druckera: Multifunkčný exminister a podivné čachre s pozemkami*³¹ acquires a strong advertising character. The article offers extensive information about the politician, Tomáš Drucker, to the reader.

The colloquial noun *basa*, which means prison, strengthens the advertising function of the headline *Čo zachránilo Trnku pred basou*.³² The article looks at the detention of the former attorney general, Dobroslav Trnka, from several angles.

²⁷ <https://www1.pluska.sk/spravy/zo-zahranicia/vsetko-zle-je-nieco-dobre-vichrica-yulia-vytvorila-rekord-vyrobe-veternej-energie> [25.02.2020].

²⁸ <https://www1.pluska.sk/krimi/detvanci-karantene-gabcikove-nevedeli-vpratat-koze-upokojit-ich-musela-policia> [05.05.2020].

²⁹ <https://www.trend.sk/trend-archiv/vone-su-ako-cierna-macka-ktora-prejde-cez-cestu-dokazu-motivovat-aj-brzdit> [02.02.2020].

³⁰ <https://www1.pluska.sk/spravy/z-domova/trnka-prepusteni-zasiel-miestneho-vycapu-venoval-aj-rodine-slobodu-uziva> [17.01.2020].

³¹ <https://www1.pluska.sk/spravy/z-domova/parlamentne-volby-2020/volby-2020-pribeh-tomasa-druckera-multifunkcny-exminister-podivne-cachre-pozemkami-2> [18.01.2020].

³² <https://www.trend.sk/trend-archiv/co-zachranilo-trnku-pred-basou> [22.01.2020].

The slang noun *absurdistan* (a place where laws do not apply, where bureaucracy and corruption rule) strengthens the advertising and evaluation functions of the headline ***Chceme viac slovenských potravín? Legislatívny absurdistan nepomáha***,³³ which lures the reader to an article about a consumer survey concerning the preferences for domestic or imported groceries.

Headlines containing colloquial and substandard lexicon constituted a relatively large group in Slovak periodicals. This kind of language enhanced primarily their advertising function, its task was to attract the reader's attention.

Linguo-cultureme expressed through neologism and borrowed vocabulary

The headline ***S novým rokom vytiahli bilbord! Tradičný Danko, inovatívny Sulík aj podporujúci Kiska!***³⁴ gains a strong advertising character thanks to the borrowed word *bilbord/billboard* (large-area advertising board). The text below the headline informs about the beginning of the pre-election fight in Slovakia.

The noun *líder* (a leading figure, institution, and so on) belongs to the borrowed words which became naturalized in the Slovak language. The author of the headline ***Budú vládnuť? Zásadné slová lídrov opozičných strán! Pozrite, ako sa tváril Kiska a Matovič***³⁵ used it in order to intensify the advertising function. He deals with the pre-election campaign and pre-election survey in the article.

The word *bos/boss* (šéf, vodca) is a borrowed word, which is a part of the substandard lexicon, it strengthens the advertising function of the headline ***Bos skupiny sykorovcov požiadala o podmienčné prepustenie: Na rováši má však toho až až***,³⁶ which stands above a text informing about the request of the boss of a mafia group, Fratišek Borbély, for his conditional discharge from imprisonment.

Bikesharing (public bicycles), a substandard word for the Slovak language borrowed from the English language, was used by the author of the headline ***Košice zvyšujú náskok v bikesharingu. Za akú cenu?***³⁷ which fulfils the advertising, evaluation and partly informational functions as well. In the article, he focuses his attention on the phenomenon of personal vehicle drivers who drive on their own and tries to motivate people to use alternative types of transport.

In the headline ***Crème de la crème francúzskych áut***,³⁸ the advertising and evaluation functions are strengthened by the phraseme *Crème de la crème* (the best of the best), which is borrowed from the French language. A new model of the car DS is introduced in the article.

Newspaper headlines with linguo-culturemes expressed through borrowed lexicon constituted a significant group among Slovak periodicals. The authors utilized these means of expression mainly for the purpose of supporting the advertising function of headlines, they tried to attract the reader and motivate them to read the entire article.

³³ <https://www.trend.sk/trend-archiv/chceme-viac-slovenskych-potravin-legislativny-absurdistan-nepomaha> [26.02.2020].

³⁴ <https://www1.pluska.sk/spravy/z-domova/novym-rokom-vytiahli-bilbordy-tradicny-danko-inovativny-sulik-aj-podporujuci-kiska> [02.01.2020].

³⁵ <https://www1.pluska.sk/spravy/z-domova/parlamentne-volby-2020/dokazu-spolu-vladnut-to-odpovedal-sulik-trubanhlina-kiska-matovic> [13.01.2020].

³⁶ <https://plus7dni.pluska.sk/domov/bos-skupiny-sykorovcov-poziadala-podmienecne-prepustenie-rovasi-ma-vsak-toho> [03.02.2020].

³⁷ <https://www.trend.sk/trend-archiv/kosice-zvysuju-naskok-bikesharingu-aku-cenu> [15.05.2020].

³⁸ <https://www.trend.sk/trend-archiv/creme-de-la-creme-francuzskych-aut> [02.02.2020].

Newspaper headlines of Russian periodicals
Linguo-cultureme expressed through a phraseme

In the headline *Ждать у моря победы*,³⁹ there is a clear reference to the phraseme *ждать у моря погоды*, which expresses the inactive expectation of an event without the person doing anything in order for it to happen. The author used its lexical transformation to strengthen the irony of the headline to the article in which he informs about the meeting of representatives of four countries at the opening of an already existing Turkish part of a gas pipeline, while not everything depended on them in this situation. It is clear from the headline that its main function is the evaluation function.

The evaluation function of the headline *Не смыкая газ*⁴⁰ is supported by the lexical transformation of the phraseme *не смыкать/сомкнуть глаз*, which means not to fall asleep for even a moment. The article informs about the fact that in the year 2019, Russian gas was able to strengthen its position even despite the great internal and external competition.

The author of the headline *Держи землю шире*⁴¹ utilized a lexical transformation of the phraseme *держи карман шире* to enhance its evaluation function. The mentioned phraseme is commonly used in an ironic sense – not to count on the acquisition of something. In the article, the author writes about the fact that leaseholders of land will be able to automatically extend their contracts. At the same time they warn that this extension of the lease without advantages will help the government more than it will help the business sector.

In the headline *Бочка дёгтя в ложке мёда. Почему продукт пчеловодства может быть вреден?*⁴² the syntactical transformation of the phraseme *ложка дёгтя в бочке мёда* is used, which expresses the reality that even an absolute triviality is able to ruin something big. The mentioned transformation emphasized primarily the evaluation and partly also the advertising functions of the quoted headline. The text below the headline informs about the overestimating of the beneficial qualities of honey and underestimating of the harmful ones.

The author emphasized the advertising and evaluation functions of the headline *Покрыто браком неизвестности. Можно ли научить счастливой семейной жизни?*⁴³ by utilizing the lexical transformation of the phraseme *покрыто мраком неизвестности*, expressing a certain lack of clarity, something unknown. The headline basically introduces an interview of the author with a professor of psychology, Arthur Rean,⁴⁴ about the problems of the contemporary family and school education.

The author of the headline *Расхлёбывать кашель. Можно ли избавиться от последствий COVID-19*⁴⁴ underlined its evaluation and informational functions by the lexical transformation of the phraseme *расхлёбывать кашу*, which means to handle a strenuous, unpleasant, difficult task. In the article, he writes about what consequences the disease Covid-19 leaves behind and how to handle them.

In Russian periodicals, phraseology had a great influence on the creation of newspaper headlines. Authors used phrasemes most often in a transformed form with the intent of creating a play on words, while the basic goal was to attract the attention of the reader towards the headline and

³⁹ <https://www.kommersant.ru/doc/4214992> [09.01.2020].

⁴⁰ <https://www.kommersant.ru/doc/4225372> [20.01.2020].

⁴¹ <https://www.kommersant.ru/doc/4332467> [27.04.2020].

⁴² https://aif.ru/health/food/bochka_dyogtya_v_lozhke_myoda_pochemu_produk_t_pchelovodstva_mozhet_byt_vreden [15.01.2020].

⁴³ https://aif.ru/society/people/pokryto_brakom_neizvestnosti_mozhno_li_nauchit_schastlivoy_semyeynoy_zhizni [12.02.2020].

⁴⁴ https://aif.ru/health/coronavirus/rashlyobyvat_kashel_mozhno_li_izbavitsya_ot_posledstviy_covid-19 [27.05.2020].

the resulting reading of the entire article. The phrasemes in the headlines of Russian periodicals helped to enhance the evaluation, as well as advertising and informational functions. The authors of the articles depended on the general range of knowledge of the readers to whom they could offer phraseology without having to explain its meaning.

Linguo-cultureme expressed through a paremiological unit

The author of the headline *Дорожает ложка к обеду*,⁴⁵ in order to emphasize the advertising, evaluation and informational functions, very imaginatively used the proverb *Дорога ложка к обеду, а там хоть под лавку*, the meaning of which lies in the fact that what is needed in the given moment is especially valuable, which means that everything needs to be done at the right time. By reducing the proverb and only using its first part, while also utilizing a syntactic transformation and switching the adjective with a verb, the author guided the reader to the content of the article in which he writes about the increase in prices of groceries.

The meaning of the proverb *На чужой роток не накинешь платок* lies in the fact that gossipy people cannot be forced to be quiet. Exactly for its meaning, the lexical transformation in the headline *На чужой поток не накинешь платок*⁴⁶ is very skilfully used, as it fulfils mainly the evaluation, but also advertising and partly informational functions. The article says that even though the construction of the Nord Stream 2 gas-pipe was slowed down because of the sanctions from the side of the USA, Gazprom was not harmed in any way.

In the headline *Ливия от Сирии недалеко падает*,⁴⁷ there is a visible lexical transformation of the proverb *Яблоко от яблони недалеко падает*, which can be explained in the way that a child often resembles their parents. The proverb therefore helps the headline fulfil primarily its evaluation, as well as informational and advertising functions. The article focuses on the meeting of Angela Merkel and Vladimir Putin in Kremlin, where the geopolitical ambitions of the Chancellor emerged because she was more interested in the situation in Libya than in the completion of Nord Stream 2.

The lexical transformation of the proverb *Гнев твой – враг твой* was used by the author of the headline *Диван твой – враг твой. Как за время карантина избежать сосудистых проблем?*,⁴⁸ which therefore fulfils the evaluation, informational and advertising functions. In the article, she writes about how people found themselves in self-isolation because of the pandemic and about its difficulties which can negatively reflect on a person's health.

Pareomias in the headlines of Russian periodicals were used similarly to phrasemes, which means that their various transformations helped the headlines to emphasize primarily the evaluation and advertising functions. In the materials that we excerpted, paremiological structures constituted a significant component in the headlines of Russian periodicals.

Linguo-cultureme expressed through standard and substandard lexicon

By the lexical transformation of the jargon expression *аффтар жжот* (автор зажигает – an expression of admiration), the author of the headline *Хафтар жжот*⁴⁹ created an interesting play on words, which strengthens the advertising and evaluation functions. In the article, it is

⁴⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/4215530> [10.01.2020].

⁴⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/4219071> [13.01.2020].

⁴⁷ <https://www.kommersant.ru/doc/4219007> [12.01.2020].

⁴⁸ https://aif.by/health/healthlife/divan_tvoy_vrag_tvoy_kak_za_vremya_karantina_izbezhat_sosudistyh_problem [16.06.2020].

⁴⁹ <https://www.kommersant.ru/doc/4220285> [14.01.2020].

written that Moscow is not losing hope for progress in the resolution of the conflict in Libya before the beginning of the international conference which will take place in Berlin. The field marshal. Khalifa Haftar, who is responsible for the initiation of another offensive on Tripoli, is mentioned in the headline.

The headline *Российский рынок набычился*⁵⁰ fulfils mainly the advertising and evaluation functions. It is helped by the verb *набычиться*, which is used in colloquial language to express gloominess, anger and so on. The article below the headline informs about the repeated attractiveness of the Russian stock market to foreign investors.

The expression *косить под кого-то* is used as slang in the meaning of resembling someone, imitating someone and so on. The headline *Бульдозеры косят под комбайны*⁵¹ has a strong advertising and evaluation character thanks to utilizing this expression. The article informs about the request of Russian producers of road technology for similar advantages while granting subsidies, as the producers of agricultural machines have been given.

The verb *накапать* in slang terms means not only to inform, disclose confidential information and so on, but also to pile up, accumulate. The headline *Накапало. Почему взносы на капремонт растут, а жильё по-прежнему ветшает?*⁵² gains an ambiguous character because of the use of this expression and strengthens not only its advertising, but also evaluation functions. The article is an information for the reader about the tariffs for communal services and housing.

Colloquial language and slang in the headlines of Russian periodicals did not belong among often used elements. Their primary task was to enhance the advertising and evaluation functions of the headlines. The utilized expression often evoked an impression of ambiguity, which was probably the goal mainly because of emphasizing the two before mentioned functions.

Linguo-cultureme expressed through neologism and borrowed lexicon

The advertising but also informational functions are fulfilled by the headline *У фуд-холлов растет площадь*⁵³ with an originally English expression, which is already naturalized in other countries, including Russia. From the text, the reader finds out that another such large object will be opened in Moscow.

The headline *Клерки поработали на хакеров*⁵⁴ is, for the reason of emphasizing its advertising, created by using the neologism *клерк* (office worker) and *хакер* (computer pirate). The article informs about the suspicion that the main reason for a leak of information are bank employees.

The neologism *кэшбэк* (the return of money in cash, e.g., from payment for a purchase on the internet) and the metaphor *Наболевший кэшбэк*⁵⁵ emphasize its advertising and evaluation functions. From this article, the reader will find out about the advantages prepared by banks for their clients who are forced to stay at home during the times of the pandemic.

The headline *Кого накажут за нарушение карантина и распространение фейков?*⁵⁶ plays a strong advertising and evaluation role also because of the usage of the neologism *фейк*

⁵⁰ <https://www.kommersant.ru/doc/4320678> [13.04.2020].

⁵¹ <https://www.kommersant.ru/doc/4336776> [06.05.2020].

⁵² https://aif.ru/realty/utilities/nakapalo_pochemu_vznosy_na_kapremont_rastut_a_zhilyo_po-prezhnemu_vetshaet [13.03.2020].

⁵³ <https://www.kommersant.ru/doc/4252223> [13.02.2020].

⁵⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/4269795> [28.02.2020].

⁵⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/4293390> [20.03.2020].

⁵⁶ https://aif.ru/society/law/kogo_nakazhut_za_narushenie_karantina_i_rasprostranenie_feykov [08.04.2020].

(copy, imitation), which originates in English. The article offers an answer for the question in the headline.

The author of the headline *Как покупать товары дистанционно? Правила онлайн-шопинга*⁵⁷ used a neologism borrowed from English *онлайн-шопинг* (purchase through the internet) in order to strengthen its advertising function. This way, it motivates the reader to read the article, where they will find the answer.

Neologisms consisting of borrowed words in the headlines of Russian periodicals were used relatively often, even though in comparison with the headlines of Slovak and Czech periodicals, they constituted the smallest part. In the Russian newspaper headlines, borrowed words that have already naturalized in the language appeared frequently. Lexicon like this helped emphasize mainly their advertising function.

Newspaper headlines of Czech periodicals

Linguo-cultureme expressed through a phraseme

The headline *Vzdušné zámky a růžové brýle. Projev jako z 80. let, hodnotí Babišovu řeč opozice*⁵⁸ is an analytical transformation (contamination) of the phrasemes *stavět si vzdušné zámky* and *nasadit si růžové brýle*. Both phrasemes are similar in meaning and testify about the positive perception of reality and establishing unrealistic goals. In the mentioned headline, they fulfil not only the advertising, but also the evaluation functions. The article examines the New Year's speech of the Czech prime minister and also looks at it through the eyes of the opposition.

By using the lexical transformation of the phraseme *pít jako Dán*, which means drink oneself into a stupor, the author supported the evaluation and advertising functions of the headline *HUDEMA: Pít jako Čech. Proti regulaci vytáhli výrobci alkoholu tradici*,⁵⁹ which stands above an article which talks about the limitation of advertisement for alcoholic drinks. The producers are protesting and argue primarily on the basis of the thousand year old tradition of drinking wine and mainly beer.

The phraseme which expresses the hope that worries and suffering that an individual is exposed to will soon end – *světlo na konci tunelu*, helps to strengthen the evaluation and advertising functions of the headline *Korea: světlo na konci tunelu. Testy na koronavirus jsou zadarmo a fyzicky snadno dostupné*.⁶⁰ The article provides information about the improvement of the epidemic situation in South Korea.

The phraseme *vzduch je čistý* was used by the author of the headline *Vzduch je čistý*,⁶¹ in which case it is a play on words that adds a considerable portion of irony to the headline. While the phraseme, in a figurative sense, means that there is no danger, the headline provides the reader with an article about the increasingly polluted air under the Říp Hill. It therefore fulfils primarily the advertising and evaluation functions.

The use of the phraseme *ruka ruku myje* with the figurative meaning – finding an excuse for someone or something, is more of a play on words in the headline *Ruka ruku myje*⁶² and therefore emphasizes mainly its advertising, and in a certain sense also its informational functions.

⁵⁷ https://aif.ru/money/mymoney/kak_pokupat_tovary_distancionno_pravila_onlayn-shoppinga [28.05.2020].

⁵⁸ https://www.lidovky.cz/domov/vzdušne-zamky-a-ruzove-bryle-projev-jako-z-80-let-hodnoti-babisuv-projev-opozice.A200101_211654_in_domov_ele [01.01.2020].

⁵⁹ https://www.lidovky.cz/nazory/pit-jako-cech-proti-regulaci-vytahli-vyrobcu-alkoholu-tradici.A200218_212649_in_nazory_ele [19.02.2020].

⁶⁰ https://www.lidovky.cz/svet/korea-svetlo-na-konci-tunelu-testy-na-koronavirus-jsou-zadarmo-a-fyzicky-snadno-dostupne.A200313_212227_in_zahranici_vag [14.03.2020].

⁶¹ <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/4/vzduch-je-cisty> [19.01.2020].

⁶² <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/17/ruka-ruku-myje> [18.04.2020].

In the headline **Biden si spálil prsty**,⁶³ the phraseme *spálit si prsty* is used because of its meaning. It expresses the creation of difficulties by interfering with something. Strong advertising, evaluation and also informational functions are visible in the mentioned headline. The author of the article informs about the democrats, with Biden as the leader, are endangering their own presidential campaign with their approach to the #MeToo movement.

In Czech periodicals, the authors used phrasemes and idioms primarily to attract the attention of the reader, however, we often encountered headlines in which they used figurative speech to show their opinion on the topic they focused on in the article. On the basis of our findings, we can state that the usage of phrasemes in Czech periodicals mainly served to emphasize the advertising and evaluation functions. We also encountered headlines in which these literary devices fulfilled the informational function, these, however, constituted only a small part of the material we excerpted. The authors of Czech headlines, similarly to authors of Slovak periodicals, often used the updated forms of phrasemes and idioms. In comparison to Russian, but also Slovak periodicals, we found the least headlines containing phraseology in Czech periodicals be it in direct or transformed forms. The extent of used phrasemes and idioms was also relatively narrow and oftentimes the same ones were repeated.

Linguo-cultureme expressed through a paremiological unit

The children's oath *Na mou duši, na psí uši, na kočičí svědomí!* is used in its reduced form in the headline **PEKÁRKOVÁ: Na mou duši, na psí uši**,⁶⁴ where it helps to emphasize mainly the evaluation and advertising functions. The article below it is actually a very emotional story concerning the love of an older woman and a dog.

The lexical transformation of the proverb *Když se dva perou, třetí se směje* supports the evaluation and advertising functions of the headline **KAMBERSKÝ: Hon na Křečka. Když se dva perou, Zeman se směje**.⁶⁵ The article informs about the election of a new public advocate for human rights, who is, however, considered unsuitable for the position by many. The president, Miloš Zeman, whose power is greater than before, now that his political career is near its end, is also mentioned.

In the headline **Poslední slovo Ivana Krause: Lepší vrabec**,⁶⁶ there is a visible reduction of the proverb *Lepší vrabec v hrsti než holub na střeše*, which talks about the fact that it is better to be satisfied with a small but certain gain, rather than chase after something big but uncertain. The headline therefore fulfils mainly the advertising function because it tempts the reader to read an article where a sparrow is mentioned in connection with Japanese scientists discovering that it is able to tell English apart from Chinese.

The lexical transformation and reduction of the proverb *Babka k babce, budú kapce* is used in the headline **Miliony k milionům. Brněnské divadlo připravuje hru o nejbohatším Čechovi Kellnerovi**.⁶⁷ It is an interesting play on words because while the text is an information about a theatre play dedicated to the richest Czech, the proverb says that if a person wants to have something, they have to save up. The headline therefore fulfils primarily the advertising and evaluation functions.

⁶³ <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/20/biden-si-spalil-prsty> [10.05.2020].

⁶⁴ https://www.lidovky.cz/relax/lide/pekarkova-na-mou-dusi-na-psi-usi.A200126_183146_lide_vlh [27.01.2020].

⁶⁵ https://www.lidovky.cz/nazory/kambersky-hon-na-krecka-kdyz-se-dva-perou-zeman-se-smije.A200213_121104_in_nazory_vlh [13.02.2020].

⁶⁶ https://www.lidovky.cz/nazory/posledni-slovo-ivana-krause-lepsi-vrabec.A200218_194441_in_nazory_vag [19.02.2020].

⁶⁷ https://www.lidovky.cz/orientace/kultura/miliony-k-milionum-brnenske-divadlo-pripravuje-hru-o-nejbohatsim-cechovi-kellnerovi.A200525_143144_in_kultura_jto [25.05.2020].

The lexical transformation of the proverb *V nouzi poznáš přítele* assists the headline *V krizi poznáš kancléřku*⁶⁸ in strengthening the advertising and evaluation functions. The article is a probe into German politics in the time of the pandemic.

In the headlines of Czech periodicals, paroemias were used minimally. They were most often used by authors in cases when they wanted to support the evaluation and advertising functions of headlines. They utilized the transformation of paroemias mainly when they wanted to emphasize the advertising function.

Linguo-cultureme expressed through standard and substandard lexicon

The advertising and evaluation functions of the headline *At' jsme to zvorali, jak jsme to zvorali, byli jsme u toho, říká ,otec' kuponové privatizace Tríska*⁶⁹ are underlined by the usage of the colloquial verb with a prosthetic -v- *zvorat* (ruin). Below the headline, there is an interview with the economist, Dušan Tríska, one of the creators of the voucher privatization in the 1990s.

The slang phrase *sundat někoho* (shoot down somebody) was used by the author of the headline *PETRAČEK: Kdo ho sundal? V oblasti bojů by se civilní lety povolovat neměly*,⁷⁰ in order to emphasize its evaluation and advertising functions. The article focuses on the shooting down of a Ukrainian civil aircraft above Tehran.

The substandard pejorative expression *trouba*, referring to a person, adds a strong advertising and assessing character to the headline *Je to o identitě, troubo!*⁷¹ The article focuses on the senior consultants in Iowa.

The slang expression *padla* (a work shift ended) supports the advertising function of the headline *Čtyři dny a padla*.⁷² It stands above a text that informs about a research regarding the length of working hours in Nordic European countries.

In the headlines of Czech periodicals, colloquial or substandard lexicon was used very often. Authors used it primarily to strengthen the advertising and evaluation functions of the headlines. It was simple for the reader to understand the meaning of headlines like these.

Linguo-cultureme expressed through neologism and borrowed lexicon

Substandard lexicon in the form of borrowed words *fake news* (false news) and *trollové* (internet agitator) is a part of the headline *Jaké fake news vznikají o požárech v Austrálii? Stojí za nimi ekoteroristé nebo Čína, píší trollové*,⁷³ in order to strengthen its advertising and evaluation functions. In the article, various conspiracy theories about the origin of the fires in Australia are mentioned.

The word *remake* (rework, new adaptation, new issuance) borrowed from English is a part of the headline *Letošní rok je ve znamení remaků. Jaké nové verze filmových klasik se podívají do kin?*,⁷⁴ where it enhances the informational and advertising functions. In the article, movies that will be shown in theatres in the current year are introduced.

⁶⁸ <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/21/v-krizi-poznas-kanclerku> [17.05.2020].

⁶⁹ https://www.lidovky.cz/relax/lide/at-j sme-to-zvorali-jak-j sme-to-zvorali-byli-j sme-u-toho-rika-otec-kuponove-privatizace-triska.A191221_131106_lide_ele [01.01.2020].

⁷⁰ https://www.lidovky.cz/nazory/petracek-kdo-ho-sundal-v-oblasti-boju-by-se-civilni-lety-povolovat-nemely.A200110_221221_in_nazory_ele [11.01.2020].

⁷¹ <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/7/je-to-o-identite-troubo> [09.02.2020].

⁷² <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/3/ctyri-dny-a-padla> [12.01.2020].

⁷³ https://www.lidovky.cz/svet/jake-fake-news-vnikaji-o-pozarech-v-australii-stoji-za-nimi-ekoteroriste-pisi-dezinformacni-trollov.A200112_172201_in_zahranici_ele [12.01.2020].

⁷⁴ https://www.lidovky.cz/orientace/kultura/letosni-rok-je-ve-znameni-remaku-jake-nove-verze-filmovych-klasik-se-podivaji-do-kin.A200113_134656_in_kultura_jto [15.01.2020].

The advertising and evaluation functions of the headline *Geek, který přesvědčil svět*⁷⁵ is supported by the Anglicism *geek* (a person with deep knowledge, talent and strong passion for the area of their interest). One such person, who brought evidence to the world about how Chinese communists are holding more than a million people in modern concentration camps, is written about in the article below the quoted headlines.

The word *byznys* (business, entrepreneurship) with its origin in English helps support the evaluation and advertising functions of the headline *Identita a byznys*,⁷⁶ which stands above the text where an evaluation in the field of book publishing can be found.

The headline *Bike brašničky*⁷⁷ is formed with the help of the borrowed word *bike* (bicycle), for its advertising function to be strengthened. The reader can find out about innovation in the field of cycling luggage production in the article.

In the headlines of Czech periodicals, borrowed lexicon belonged among the most used linguo-culturemes, however, often, the same words repeated. Similarly, like in the Slovak headlines, lexicon like this supported mainly their advertising function.

Results and discussion

For the specified half-year period, we excerpted 1418 headlines with linguo-cultureme offering the potential for the comparison of linguocultural particularities. The quantities of individual particularities are shown in Table 1.

P1D	K	LN	T	AIF	R
356	397	380	143	92	50

Table 1: The quantities of excerpted newspaper headlines according to periodicals

We separated the excerpted newspaper headlines according to the means of expressing linguo-cultureme into four groups:

- linguo-cultureme expressed through a phraseme,
- linguo-cultureme expressed through a paremiological unit,
- linguo-cultureme expressed through standard and substandard lexicon,
- linguo-cultureme expressed through borrowed lexicon.

The numbers of excerpted newspaper headlines on the basis of the individual groups are presented in Table 2 and represented in Graph 1.

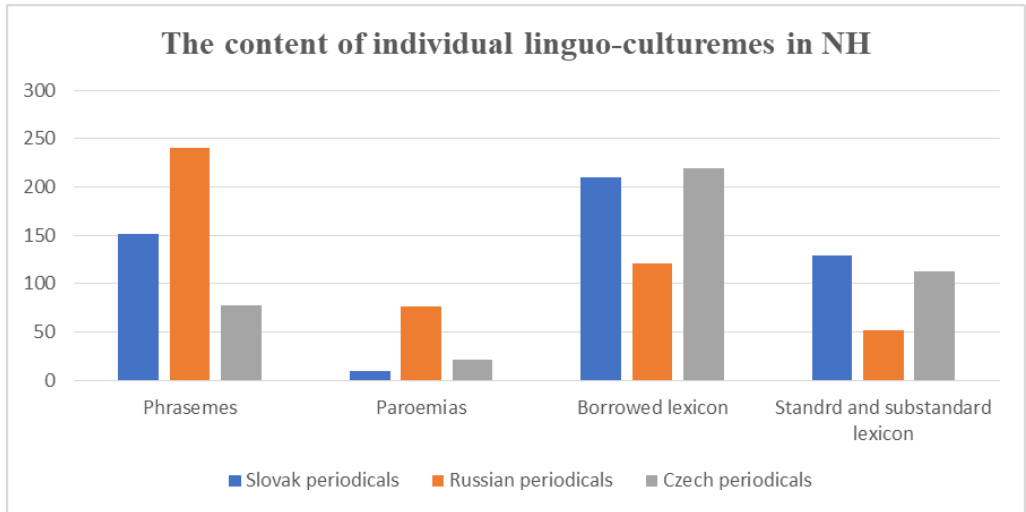
	Sk_periodicals	Rus_periodicals	Cz_periodicals
Phrasemes	151	240	77
Paroemias	9	76	21
Borrowed lexicon	210	121	219
Standard and substandard lexicon	129	52	113

Table 2: The content of individual linguo-culturemes

⁷⁵ <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/1/geek-ktery-presvedcil-svet> [29.12.2019].

⁷⁶ <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/4/identita-a-byznys> [19.01.2020].

⁷⁷ <https://www.respekt.cz/tydenik/2020/27/bike-brasnicky> [28.06.2020].

Graf 1: The content of individual linguo-culturemes

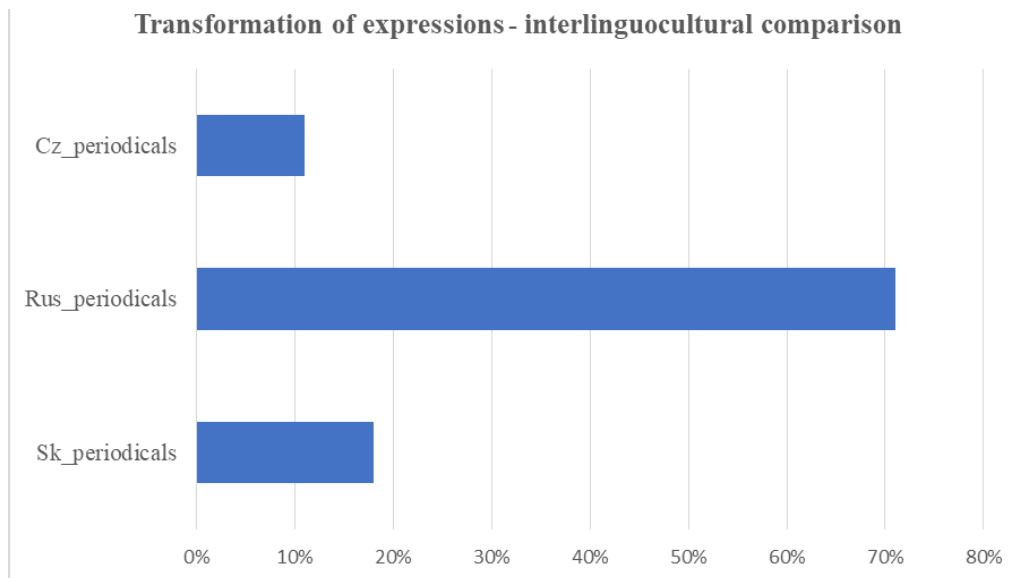
The mentioned results confirm our hypothesis that the individual linguocultures are marked by globalization, which manifests itself not only in the form of borrowing foreign (primarily English) lexicon, but also utilizing language resources which are connected with the local national culture – phrasemes and paroemias.

In this respect, there is a clear difference between the linguo-culturemes that we observed. While linguo-culturemes expressed through borrowed lexicon dominate in the newspaper headlines of Czech and Slovak periodicals, we see the majority of linguo-culturemes in Russian periodicals be expressed through phrasemes. The results point to the fact that the authors in Slovak periodicals also used phraseology when creating headlines. We have to point out, however, that they were mainly phrasemes in updated form, in which case the same ones repeated often.

The mentioned observations are followed by the findings which concern the transformations of individual phrasemes and paroemias in the excerpted newspaper headlines, which were used by the authors mainly in order to create a play on words. This was a tool for strengthening primarily the advertising and evaluation functions of the newspaper headlines, which means that it helped attract the attention of the reader or express the author's emotion. In Table 3 and Graph 2, the percentage of the transformations of the given expressions in an interlinguocultural comparison is shown.

Sk_periodicals	Rus_periodicals	Cz_periodicals
18%	71%	11%

Table 3: Transformations of expressions – interlinguocultural comparison

Graph 2: Transformations of expressions – interlinguocultural comparison.

It is clear from the results that from the total number of the transformed expressions, headlines of Russian periodicals constituted 71% of them, as they stood out because of their inventiveness. The most frequent form of transformations was the lexical and syntactical transformation, but also the extension and reduction of expressions.

Final findings, comparison of results

Headlines of Slovak periodicals represented a basis without a clear linguoculturological diversity and originality. Authors strived to attract the reader’s attention mainly with expressiveness and graphical emphasis of certain words. We consider it important to note that from among the headlines of Slovak periodicals, the biggest group was constituted of ones where borrowed lexicon and neologisms created from borrowed words were used. A significant group was also represented by headlines created with the help of standard and substandard lexicon, and while from the mathematical point of view it comes out as the second largest group of headlines with the linguo-cultureme expressed through a phraseme, we have to note that they were phrasemes in updated form (most often utilizing standard and substandard lexicon), which also frequently repeated. As indicated by our results, the authors of Slovak periodicals created wordplays with the help of transformations of phrasemes and paroemias only minimally. Most often, they worked with the extension or reduction of expressions, less commonly they chose lexical or syntactical transformations. These tools helped enhance mainly the advertising function of headlines. From our observations, it is clear that in most cases, instead of intellectual games with the reader, they chose to relay information directly with the frequent utilization of neologisms and borrowed lexicon, mainly from English, which added a colloquial feel to the headlines. The given phenomenon is connected with globalization and the extension of western culture into many areas of life and its strong influence on the Slovak language.

In Russian periodicals, headlines stood out with their originality and only a few linguo-culturemes repeated. On the basis of our results, it is noticeable that the authors often transformed

expressions in various ways while using mainly lexical and syntactical transformation, but also the extension or reduction of an expression. These shifts helped create wordplays and strengthened the advertising and evaluation functions of headlines, which means they served to attract the attention of the reader, or the authors showed their opinion on information offered in the article. We can therefore observe that Russian authors counted on high cultural literacy of the readers when creating headlines.

Neologisms and borrowed lexicon while creating newspaper headlines were most often used by authors of Czech periodicals. At the same time, they often worked with standard and substandard lexicon and only used very little phraseology or proverbs in order to create a wordplay for the reader. The interlinguocultural comparison of transformations of the expressions points to the fact that in Czech newspaper headlines, these means of gaining the reader's attention were not very frequent.

Therefore, if we take into consideration the fact that the language of mass media represents the current language to a certain extent, the material excerpted by us can be considered the basis for the characterization of some of the particularities of the given three linguocultures.

On the basis of our findings, we can state that a truly strong cultural literacy prevails in Russian linguoculture. We explain this with the fact that authors of Russian periodicals, to a high extent, created headlines with the use of linguo-culturemes expressed through phrasemes or paremiological units, often in their automatized form. At the same time, they used these literary devices to create wordplays for the reader, so they worked with the belief that the reader is well-oriented in the given lexicon.

The Slovak linguoculture is, to a considerable extent, contaminated by the influence of western culture, which manifests itself in the strong use of Anglicisms. Our research has shown that Slovak recipients are not willing to play intellectually high wordplays, they rather react to expressiveness and the use of colloquial language.

Globalization processes and the influence of western cultures connected with them reflect a bit more in Czech linguoculture than they do in Slovak linguoculture. From the results of our research, there is a clear and frequent use of borrowed, but also standard and substandard lexicon in newspaper headlines. Their authors only minimally created wordplays with the use of phraseology or paremiology, it is therefore clear that these linguistic tools are not a dominating part of the Czech journalistic language.

After the summarization of the given facts, we can see that globalization and the processes which are connected to it strongly reflect in language. This fact is confirmed by the observed particularities of Slovak, Russian and Czech linguocultures. While the active part of Russian linguoculture is still constituted of elements of phraseology and paremiology, in Slovak and Czech linguocultures, elements of borrowed lexicon, primarily from English, strongly manifest.

Because newspaper headlines and mass media texts constitute a rich research base for the field of linguoculturology, we consider further similar research to be promising. It would be appropriate to, for example, concentrate on the comparison of Slavic and non-Slavic languages and focus on the found peculiarities of the selected linguocultures.

Язык как зеркало глобализации в лингвокультурологическом аспекте (на материале избранных славянских языков)

Ольга Ермачкова – Тамара Муйкошова

В статье представлены результаты анализа газетных заголовков, выписанных из отдельных словацких, российских и чешских периодических изданий, причем основное внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту с учетом влияния глобализации. Внимание акцентируется на использовании лингвокультурем, выраженных фразеологией, паремиями, стандартной и субстандартной лексикой, а также неологизмами и заимствованной лексикой. Обнаруживаются интересные выводы, относящиеся к отражению процессов глобализации в отдельных лингвокультурах, которые в заключении статьи сопоставляются.

JANA SOKOLOVÁ – AUGUSTÍN SOKOL*

Status lingvistických premenných v metodológii analýz textu¹ (Náhl'ad do pomenovacích databáz slovenčiny)

SOKOLOVÁ, J. – SOKOL, A.: Linguistic variables in the methodology of text analysis. (A probe into Slovak terminological databases). *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 2, pp. 137-148 (Bratislava).

The subject of the study is the definitional understanding and reflection on the *linguistic variables* used in the methodology of text analysis. The impetus to write this paper was the definition of the very linguistic entities that text is made out of, and their conceptual and terminological designation from the point of view of text linguistics. The term *variable* was chosen for the flexibility of its status and value. *Linguistic variables* are presented from the perspective of systemic, textual, quantitative and corpus linguistics. Interpretation, which is used in the sense of explanation, is the methodological framework. The definition of *linguistic variables* is connected with the operational steps of segmentation, identification and classification. A distinction is made between the *linguistic variables* with a primarily systemic value, which traditionally show the linguistic (langue) and speech (parole) status, and the *linguistic variables* with a primarily textual and pragmatic value.

Variable, Segmentation, Status, Value, Text, Linguistics.

Úvod

V metodológii analýz textu sa často stretávame s rozkolísanosťou obsahovej náplne uplatňovanej terminológie. Pojmová nejednotnosť sa dotýka predovšetkým vymedzenia samotných lingvistických entít konštituujúcich text² a následne ich pojmovo-terminologického označenia z pohľadu lingvistiky textu. *Lingvistické premenné* sú spravidla bežne používané odborné výrazy, ktoré sú vystavované prehodnocovaniu, reinterpretácii a prispôsobovaniu príslušným metodológiám a teóriám. Mnohé patria k výrazom s interdisciplinárnym presahom a výstupy lingvistov, filozofov, logikov neraz ponúkajú čiastočne odlišné riešenia.

Predmetom našej štúdie bude definíčné uchopenie a reflektovanie *lingvistických premenných* v širších súvislostiach, čo značí, že budeme ad hoc aplikovať poznatky systémovej, textovej, kvantitatívnej a korpusovej lingvistiky. Sústredíme sa na vymedzenie nosných pojmov a termínov, uvedenie ich informačného obsahu a na ich systematizáciu. Kľúčové pojmy predstavíme

* Prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc., Katedra rusistiky FF UKF v Nitre, Štefánikova 67, 949 74 Nitra, Slovakia; jsokolova@ukf.sk; Mgr. Augustín Sokol, interný doktorand FF UKF v Nitre, Štefánikova 67, 949 74 Nitra, Slovakia; augustin.sokol@ukf.sk.

¹ Štúdia bola vypracovaná v rámci riešenia projektu VEGA 1/0650/22 Masmediálne komunikáty v digitálnej a printovej forme a ich komprehenzia u rôznych cieľových skupín a projektu UGA III/14/2022 K identifikácii úrovne porozumenia cudzojazyčných textov.

² Termín *text* tu uplatňujeme v zmysle verbalizovaného faktu, t. j. rezultátu rečovej činnosti. Zameriavame sa na písaný prozaický text.

v ponímaní etablovaných autorít slovenskej a českej jazykovedy. Definičné vyjadrenia uvedieme v preklade do slovenčiny.

Zastrešujúcim pojmom štúdie je pojem *premennej*, ktorá sa posudzuje ako prvok nadobúdajúci (a) rôzne hodnoty; (b) rôzne stavy (úrovne).

Na *lingvistické premenné* budeme nazerať v zmysle (a) jazykových premenných (entít jazykového systému konštituujuúcich text) a v zmysle (b) textových premenných (entít textu uplatňovaných s oporou aj bez opory premenných v jazykovom systéme). Jazykové premenné nebudeme striktné posudzovať len na pozadí protikladu jazyka ako *langue* a reči ako *parole*, ale aj ako na prvky jazyka v zmysle *langage*, teda nadradeného pojmu zahrnujúceho rečovú činnosť i jazyk ako potenciálny systém. Metodologickým rámcom sledovaných aspektov sa stane interpretácia, ktorú budeme uplatňovať v zmysle vysvetlenia, explanácie. Z priestorových dôvodov k *lingvistickým premenným* nebudeme uvádzať ilustračné príklady.

Vymedzenie *lingvistických premenných* sa spája s operačnými krokmi segmentácie, identifikácie a klasifikácie. Segmentácia je semaziologická operácia, v ktorej sa postupuje od formy k obsahu. Znamená proces (automatického) členenia celku na segmenty a výsledok tohto procesu. Segment je „uzuálne stanovený prvok ako jednotka analyzovanej roviny“.³ Spravidla býva najmenšou jednotkou analyzovanej roviny. Identifikácia *lingvistických premenných* súvisí s dvoma komplementárnymi pohľadmi, ktorým zodpovedajú dve smerovania: „od vety k textu“, t. j. analytický pohľad „zdola“ (tento smer uvažovania zaznamenávame napr. u F. Daneša) a smerovanie „od textu k slovám“, t. j. holistický pohľad „zhora“ (tento smer uvažovania zaznamenávame napr. u P. Karlíka). Klasifikácia *lingvistických premenných* znamená ich triedenie a organizáciu. Výsledkom je rozlišovanie *lingvistických premenných* s primárnou systémovou hodnotou tradične vykazujúcich jazykový (*langue*) a rečový (*parole*) status a *lingvistických premenných* s primárnou textovopragmatickou hodnotou. Systematizácia *lingvistických premenných* s primárnou systémovou hodnotou (ďalej jazykových premenných) odráža princíp usporiadania vysvetľujúci závislosť štruktúry medzi usporiadanými jazykovými prvkami. Prevažne reflektuje binárnu interpretáciu, ktorá vychádza z predpokladu, že každá opozícia je konštruovaná ako premenná, ktorá môže nadobúdať dve hodnoty. Zohľadňuje perцепčný prístup a princíp štruktúrovanosti, napr. *fonéma, morféma, lexéma, syntagméma, veta/vetný vzorec* a i. sú prvky so statusom *langue*, *fóna, morfa, lexa, výpoveď* a i. sú prvky so statusom *parole*. Systematizácia *lingvistických premenných* s primárnou textovopragmatickou hodnotou (ďalej textových premenných) má povahu nomenklatúrneho zaradenia do súboru (zoznamu) bez hlbších vzájomných vnútorných súvislostí, napr. *agregát, odsek, type, token, lema, textové slovo, základná textová jednotka, textéma, konektor, textový orientátor, odkazovací prostriedok* a i. V kvantitatívnej lingvistiky sa vymedzenie *lingvistických premenných* v texte poníma napr. aj v zmysle náhodných veličín majúcich lineárny rozmer. *Lingvistickou premennou* je napr. aj dĺžka slova, dĺžka vety, ale aj dĺžka slova a pozícia slova vo vete vo vzájomnej súvislosti a pod.

1. Jazykové premenné

Jazykové premenné tvoria databázu systémovej lingvistiky. Prezентujú stavebné zložky založené na predpoklade existencie abstraktných entít, ktoré nie sú priamo pozorovateľné a majú povahu teoretických konštruktov. Jazykové premenné majú status *jazykových výrazov, jazykových prvkov, jazykových prostriedkov* a *jazykových jednotiek*.

³ Šimková, M.: Segment. Výberový slovník termínov z počítačovej a korpusovej lingvistiky. 2006. Dostupné na: <https://docplayer.cz/105183454-Vyberovy-slovník-termínov-z-pocitacovej-a-korpusovej-lingvistiky.html> [cit. 10. 12. 2021].

Jazykový výraz sa v metodológii vedeckého výskumu posudzuje ako plnovýznamová jednotka jazyka, ktorá existuje v systéme daného jazyka a riadi sa určitými syntaktickými a sémantickými pravidlami.⁴ *Jazykové výrazy* prezentujú statusovú funkciu, ktorá v danom jazyko-vo-kultúrnom prostredí reťazcu fyzických zvukov pripisuje intencionalitu. Vzťah medzi *jazykovým výrazom* a tým, čo označuje je vzťahom označovania a základnou sémantickou reláciou.

Jazykový prvok je entita všeobecnejšieho rázu, ktorá podľa spôsobu použitia môže byť prevažne významovej alebo výrazovej povahy.⁵ Inventár jazykových prvkov a sieť vzťahov, zviazanosť týchto prvkov na základe ich podobnosti a rozdielnosti sú faktory systémovej koncepcie jazyka.

Jazykový prostriedok je prvkom výrazovej povahy patriaci do výrazového systému jazyka a majúci nástrojovú povahu.⁶ Jazyková premenná v zmysle *jazykového prostriedku* je výraz majúci určitý funkčný status, porov.: „elementy a jednotky majúce smerom hore platnosť prostriedkov, smerom dole platnosť funkcie“.⁷ F. Daneš rozlišuje dve triedy *jazykových prostriedkov*: (a) predznakové (elementárne) prostriedky a (b) znakové prostriedky.⁸ V korpusovej lingvistike je to „akýkoľvek prvok jazykového systému znakovkej (slovo, číslica, interpunkcia) aj neznakovkej (fonéma, slovosled) povahy“.⁹ Súpis, súbor jazykových prostriedkov rovnakého typu tvorí inventár.

Jazyková jednotka je vymedzená v zmysle bilaterálnej, t. j. významovo-výrazovej entity. Ako najmenšia jednotka je identifikovaná na príslušnej jazykovej rovine formou, obsahom a funkciou. Každá *jazyková jednotka* je systémovo ukotvená a vyznačuje sa statusom abstraktnej jednotky systému jazyka a jeho realizáciou v reči, napr. *fonéma* a *fóna*, *morféma* a *morfa*, *lexéma* a *lexa*, *veta* a *výpoveď* a pod. *Jazykové jednotky* nejakej roviny v ponímaní F. Daneša¹⁰ sú priesečníkom funkcií (z vyšších rovín) a stavebných prostriedkov (z nižších rovín a z oblasti elementárnych prostriedkov). Inými slovami: pri tvorení jazykových jednotiek danej roviny sa ako stavebné prostriedky používajú jednotky nižších rovín a niektoré elementárne prostriedky. Tieto elementárne prostriedky sa stávajú konštitutívnou zložkou týchto jednotiek a na vyššej rovine (vyšších rovinách) vystupujú už ako integrálna zložka komplexného znakového prostriedku (znakovkej jednotky). Funkčný vzťah medzi jednotkami nižšej a vyššej (vyšších) rovín F. Daneš¹¹ formuloval ako možnosť (a) normálnej funkčnej postupnosti (čes. poslounosti), (b) preskakovania rovín, (c) simultánneho fungovania na niekoľkých rovinách, (d) rekurzívneho fungovania, (e) regresívneho fungovania (prevrátenej funkčnej postupnosti). Hovorí sa napr. o fonologickej (fonematickej), morfolologickej, lexikálnej (lexematickej), syntaktickej rovine. Každá rovina sa javí vzhľadom k nižšej rovine ako oblasť jej funkcií a zároveň vzhľadom k nadradeným rovinám sa javí ako oblasť ich prostriedkov. Čím je rovina vyššia, tým sú jej jednotky zložitejšie a komplexnejšie. Jazykové prvky a jednotky majú smerom nahor platnosť prostriedkov a smerom nadol platnosť funkcií.

Jazyková jednotka z pohľadu korpusovej lingvistiky značí „najmenšiu jednotku jazykového systému na konkrétnej rovine“.¹²

⁴ Bielik, L. – Halas, J. – Hanzel, I. – Kostelec, M. – Marko, V. – Zouhar, M.: Slovník metodologických pojmů. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2016, s. 62.

⁵ Kačala, J.: Syntaktický systém jazyka. Pezínok: Formát, 1998, s. 27.

⁶ Kačala, J.: Syntaktický systém jazyka, c. d., s. 27.

⁷ Daneš, F.: O pojmu „jazykový prostředek“. In: Slovo a slovesnost, 1967, roč. 28, č. 4, s. 344.

⁸ Daneš, F.: O pojmu „jazykový prostředek“, c. d., s. 346.

⁹ Porov.: <https://terminologickyportal.sk/> [cit. 22. 07. 2022].

¹⁰ Daneš, F.: O pojmu „jazykový prostředek“, c. d., s. 348.

¹¹ Daneš, F.: O pojmu „jazykový prostředek“, c. d., s. 347.

¹² Šimková, M.: Jazyková jednotka. Výberový slovník termínů z počítačové a korpusové lingvistiky, c. d., [cit. 22. 07. 2022].

Ako bolo spomínané, v rámci *jazykových jednotiek* so systémovou platnosťou sa rozlišujú (a) predznakové a (b) znakové jazykové jednotky, resp. dištinktémy a signémy.¹³ Predznakovou jazykovou jednotkou (segmentálnou dištinktémou) je **fonéma** ako minimálna funkčná jednotka jazykového systému (na fonematickej rovine) schopná rozlíšiť formálno-sématické jednotky a **graféma** (písmeno) ako základná jednotka grafického systému jazyka. *Fonémy* sú vyabstrahované zo súborov *alofón* s prihliadnutím na ich vzťahy a majú dištinktívnu funkciu. Vzťah medzi *grafémou* a *fonémou* môže byť obojstranne jednoznačný, t. j. jednej *graféme* zodpovedá jedna *fonéma* a naopak, alebo jednostranný, t. j. jednej *graféme* zodpovedá viac *foném* alebo jednej *fonéme* zodpovedá viac *grafém*. K neznakovým jednotkám sa zaraďuje aj **slabika** ako sled foném, z ktorých jedna je nosičom slabičnosti. Je to fonicko-rytmická jednotka s jedným vrcholom zvučnosti fungujúca ako nositeľ všetkých suprasegmentálnych javov príslušného jazyka.¹⁴ *Slabika* v definičnom vymedzení J. Sabola je „médiom prepájajúcim segmentálny a suprasegmentálny podsystem (je zložená zo segmentov, v jadrovej sylabickej štruktúre realizujúcich „nerozčleniteľné“ spojenie konsonantickej, striktúrnej a vokalickej, apertúrnej fázy, a je nositeľom všetkých suprasegmentálnych javov“.¹⁵ *Slabika* je aj segmentálnou rečovou jednotkou aj z fonologického hľadiska jazykovou jednotkou. Poníma sa tiež v zmysle technickej jednotky, ktorá sa len v niektorých jazykoch (napr. v čínštine) prekrýva s *morfom*.¹⁶ *Slabika* je jedným z nosných pojmov versológie. Izosylabizmus predstavuje metrickú konštantu sylabického a sylabotonického veršového systému.¹⁷ Dĺžka *slabiky* nie je konštantná, je premenlivá a nie sú vypracované jednotné kritériá, ktoré by presne definovali hranice *slabík*. *Slabika* je štandardná premenná, ktorou sa v kvantitatívnej lingvistike meria dĺžka slova.

K jazykovým znakovým bilaterálnym jednotkám majúcom nominatívnu platnosť štandardne patrí *morféma*, *lexéma*, *frázéma*.

Morféma je najmenšia významovo-výrazová jednotka morfematickej roviny. Podľa J. Horeckého obsahom morfémy je odkaz na isté prvky v oblasti významu, kým formou morfémy sú jednotlivé fonémy a súhrn vzťahov, do ktorých môže daná morféma vstupovať.¹⁸ Z pohľadu funkcií sa rozlišujú (i) lexikálne (koreňová, derivačná), (ii) gramatické (relačná, samostatná gramatická) a (iii) lexikálno-gramatická (modifikačná) morféma.¹⁹ Pre účely deskripcie celej morfematickej zásoby jazyka V. Krupa navrhol súbor štyroch parametrov umožňujúcich multidimenzionálne hodnotenie morfémy. Sú to: parameter formy, výskytu, významu a segmentovateľnosti. Každý parameter možno považovať za premennú, ktorá nadobúda najmenej dve rozličné hodnoty na nominálnej alebo ordinálnej škále.²⁰ **Morfonéma** je základná jazyková jednotka na morfonologickej rovine. Je zložená z morf a reprezentovaná morfou. Rozpoznáva sa vtedy, keď dve a viac morf jednej morfémy nie sú odlišené v dôsledku syntagmatickej alternácie, ale keď táto alternácia nesie gramatický alebo derivačný význam.²¹

¹³ Dolník, J.: Základy lingvistiky. Bratislava: Stimul, 1999, s. 67.

¹⁴ Mistrík, J. a kol.: Encyklopédia jazykovedy. Bratislava: Obzor, 1993, s. 384-385.

¹⁵ Sabol, J.: Semiotické pozadie segmentov a suprasegmentov. In Bohunická, A. (ed.): Jazykoveda v pohybe. Bratislava: Univerzita Komenského Bratislava, 2012, s. 62.

¹⁶ Hřebíček, L.: Vyprávění o lingvistických experimentech s textem. Praha: Academia, 2002, s. 51.

¹⁷ Porov.: <https://beliana.sav.sk/heslo/izosylabizmus> [cit. 22. 08. 2022].

¹⁸ Horecký, J.: Morfematická štruktúra slovenčiny. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964, s. 20.

¹⁹ Dolník, J.: Základy lingvistiky, c. d., s. 67.

²⁰ Krupa, V.: Jednota a variabilita jazyka. Bratislava: Veda, 1980, s. 122-123.

²¹ Šefčík, O.: Morfoném. In Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny online. Dostupný na: <https://www.czechency.org/slovník/MORFONÉM> [cit. 30. 08. 2022].

S *morfémou* a *lexémou* (najmenšou významovo-výrazovou jednotkou lexikálnej roviny) sa spájajú výrazy *seméma* ako lexikálny význam morfémy a *graméma* ako gramatický význam morfémy a lexémy. S *lexémou* sú prepojené výrazy *pomenovanie* a *slovo*. Tvoria tri druhy lexikálnych jednotiek vyčlenených podľa rôznych aspektov.

Lexéma je jednotka lexikónu. Ako samostatná lexikálna jednotka je v lineárnej postupnosti vo vete voľne premiestniteľná. Na *lexému* (slovo, pomenovanie) možno nazerať z troch aspektov, a síce ako na: (a) **útvár** zložený z komponentov nižšej roviny; (b) **jednotku** vo vzťahu k iným jednotkám: (i) rovnakej funkčnej alebo sémantickej triedy: t. j. vertikálne vzťahy v systéme jazyka (oblasť lexikálnej paradigmatiky); (ii) inej funkčnej alebo sémantickej triedy in absentia: t. j. horizontálne vzťahy v systéme jazyka (oblasť lexikálnej syntagmatiky – kolokabilita); (iii) inej funkčnej alebo sémantickej triedy in praesentia (v texte), ktorá je buď sémanticky pravidelná (oblasť bežnej syntaxe a oblasť odbornej terminológie), alebo sémanticky nepravidelná (oblasť idiomatickej a frazeológie, oblasť autorských metafor); (c) **komponent** – vyššie jednotky ponímané ako štruktúrny model, v ktorom plní funkciu povahy: (i) *kolokačné štruktúry* predstavujúce horizontálne vzťahy lexikálnej kolokability; (ii) *vetné štruktúry* ako horizontálne syntaktické vzťahy; (iii) *nadvetné (viacvetné) štruktúry* prezentujúce syntaktické textové vzťahy.²² V korpusovej lingvistike sa *lexéma* posudzuje ako „formálna a významová (aj viacсловná) jednotka slovnjej zásoby reprezentovaná základným, slovníkovým tvarom“.²³

Pomenovanie je označenie javu reality alebo myšlienkového obsahu formou, jazykovým názvom (jednoslovným alebo viacсловným), ponímané ako proces alebo jeho výsledok.²⁴ Pomenovania v zmysle lexikálnych jednotiek majú podobu (i) jednoslovných pomenovaní (lexémy, slová) a (ii) viacсловných pomenovaní (združené pomenovania; výraz sa používa tak na neterminologické, ako aj terminologické slovné spojenia). Zoskupenie jednoslovných a viacсловných pomenovaní do synonymických radov (synsetov) a ich prepojenie sémantickými vzťahmi sa v počítačovej lingvistike nazýva **wordnet**. Ide o sémantické vzťahy najmä medzi hyponymami a hyperonymami, meronymami a holonymami a o paradigmatické vzťahy medzi opozitami. V lexikológii a lexikografii sa uplatňuje pojem **tezaurus**, ktorý v slovníkovej forme prezentuje onomaziologicky organizovaný lexikálny systém príslušného jazyka.

Pri viacсловných pomenovaniach sa v procesoch idiomatizácie konštituuju *frazémy*. **Frazéma** (frazeologická jednotka, frazeologický zvrät) je spravidla viacсловné pomenovanie, ktoré charakterizuje obraznosť a petrifikovanosť lexikálnej a gramatickej formy. *Frazéma* je funkčnou a formálnou jednotkou frazeológie, ktorá je podľa F. Míka unikátnym prípadom „kríženia parole a langue“, kontamináciou „výpovede a prostriedku výpovede“.

Slovo patrí k tradičným a zároveň najviac diskutovaným výrazom. Označuje sa ním formálna, celostná a intuitívne vymedzená jednotka. Kritériami delimitácie slova sú tieto určenia: (a) minimálna dištinktívna sémantická jednotka; (b) premiesniteľnosť; (c) určité fonetické stvárnenie a ustálená neprerušiteľná forma; (d) izolovateľnosť v texte (možnosť pauzy na jeho oboch koncoch); (e) nositeľ prízvuku.²⁵ V závislosti od slovných druhov sa delia na slová s funkciou (a) **deznátora** – majú funkciu označovania (substantíva, adjektíva, verbá a adverbia) a slová s funkciou (b) **operátora** – abstraktné výrazy relačnej povahy (v podstate synsématická).²⁶

²² Čermák, F. – Holub, J.: Syntagmatika a paradigmatika českého slova. I. Valence a kolokabilita. 3. vydání. Praha: Karolinum, 2005, s. 10.

²³ Porov.: <https://terminologickyportal.sk/> [cit. 22. 07. 2022].

²⁴ Čermák, F.: Lexikon a sémantika. Praha: Lidové noviny, 2010, s. 272.

²⁵ Čermák, F.: Jazyk a jazykověda. Přehled a slovníky. Praha: Karolinum, 2001, s. 174.

²⁶ Čermák, F. – Holub, J.: Syntagmatika a paradigmatika českého slova, c. d., s. 18.

Za elementárne syntaktické jednotky sa považuje *syntagma, fráza a veta*.²⁷

Syntagma (syntagméma) je syntaktické spojenie minimálne dvoch plnovýznamových lexikálnych, sémanticky kompatibilných jednotiek s rôznou mierou syntaktickej celostnosti. *Syntagma* je štruktúra skladajúca sa z jedného alebo niekoľkých (v prípade valenčnej *syntagmy*) určených členov a z člena bezprostredne určujúceho na identickom princípe.²⁸ *Syntagma* je celkom utvoreným zo spojenia prvkov patriacich do rozličných paradigiem.²⁹ *Syntagma* je syntaktický útvar, ktorý tvorí konfigurácia jazykových jednotiek, spravidla slov, takže sa hovorí o *slovnom spojení* a v užšom ponímaní na úrovni lexém o *kolokáciách*.

Kolokácia je v lexicológii a lexikografii typické, zmysluplné, ustálené, syntagmatické spojenie dvoch (resp. viacerých) slovných tvarov. V korpusovej lingvistiky sa takto označuje spoločný výskyt dvoch, troch, výnimočne viacerých syntagmaticky a sémanticky spätých (lexikálnych) jednotiek.³⁰ V základe *kolokácie* je aplikácia princípu predurčeného výberu. Obmedzená kolokabilita výrazov je markantným rysom frazeologických jednotiek.

Fráza (zložka, konštituent)³¹ je v porovnaní so *syntagmou* všeobecnejším pojmom. Rozlišujú sa jednoduché a komplexné (zložené) *frázy*. *Fráza* môže byť (teoreticky neobmedzene) rekurzívne rozvinutá.³² *Fráza* v zmysle zložky vo formálnej gramatike prezentuje hierarchickú syntaktickú štruktúru XP, napr. NP je (nominálna fráza), VP (verbálna fráza), AdjP (adjektívna fráza), AdvP (adverbiálna fráza), PP (predložková fráza) a pod. Zapisuje sa buď v podobe závislostného stromu alebo vo formáte anotovaného zátvorkovania. Oba formáty zaznamenávajú syntaktickú štruktúru vety z hľadiska hierarchie fráz. Zložka VP sa považuje za najdôležitejšiu súčasť klauzy. Rozdiel medzi frázou a klauzou spočíva v tom, že každá klauza je fráza, ale nie každá fráza je klauza.³³

Veta je jazyková jednotka abstraktného jazykového systému; veta ako abstraktný vzorec je lexikálne realizovanou **vetnou schémou**.³⁴ *Veta* ako prirodzený gramaticko-sémantický systém majúci komunikačný rozmer uplatňuje tieto výstavbové princípy: (i) aktualizačný princíp; (ii) gramatický princíp; (iii) (lexikálno)sémantický princíp; (iv) informačný princíp; (v) princíp jadra a periférie vety.³⁵

Klauza je predikačná jednotka, „podveta súvetia“.³⁶ To znamená, že prirad'ovacie aj podrad'ovacie súvetie sú biklauzálnymi útvarmi (klauzami sú aj hlavná veta aj podradená veta). Klauza môže byť jednočlenná aj dvojčlenná veta. Pojem klauzy sa používa vtedy, keď sa nevyjadrujú vzťahy viet medzi sebou.³⁷

Propozícia je základ sémantickej stavby vety. Vo funkčnej gramatike propozícia je konfigurácia obsahových entít predstavujúcich odraz nejakého výseku skutočnosti (nazývame ju denotatívnou situáciou alebo „stavom veci“).³⁸ Vo funkčne generatívnom opise (FGP) sa chápe ako

²⁷ Mluvnice češtiny 3. Praha: Academia, 1987, s. 18.

²⁸ Mluvnice češtiny 3, c. d., s. 18.

²⁹ Krupa, V.: Metafora na rozhraní vedeckých disciplín. Bratislava: Tatran, 1990, s. 161.

³⁰ Porov. <https://terminologickyportal.sk/> [cit. 22. 07. 2022].

³¹ Termíny nie sú plne synonymné. Platí, že každá *fráza* je *zložkou* alebo *konštituentom*, ale nie každá *zložka* je *frázou*.

³² Mluvnice češtiny 3, c. d., s. 20.

³³ Panevová, J. – Karlík, P.: Klauze. In Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny, c. d., [cit. 05. 07. 2022].

³⁴ Dolník, J.: Všeobecná jazykoveda. Druhé, doplnené a upravené vydanie. Bratislava: Veda, 2013, s. 38.

³⁵ Kačala, J.: Syntaktický systém jazyka, c. d., s. 21.

³⁶ Wimmer, G. – Altmann, G. – Hřebíček, L. – Ondrejovič, S. – Wimmerová, S.: Úvod do analýzy textov. Bratislava: Veda. 2003, s. 43.

³⁷ Mistrík, J. a kol.: Encyklopédia jazykovedy, c. d., s. 237.

³⁸ Mluvnice češtiny 3, c. d., s. 9.

pravdivostná podmienka vetnej výpovedi a využíva sa ako pojmový nástroj k uchopeniu zmyslu vety.³⁹ V modálnej logike je jedným z jej kľúčových pojmov. V intenzionálnom modeli významu sa propozície ponímajú „ako významy či sémantické obsahy viet, prípadne ako ich denotáty či to, o čom dané vety hovoria.“⁴⁰

Status bilaterálnej jednotky patriacej do langue aj parole má **štyléma**. Vymedzenie *štylémy* súvisí s postulovaním roviny textu „in abstracto“ opierajúceho sa o funkčnú komplexnosť textových útvarov a predpokladom uplatňovania určitého súboru textových vzorcov a špecifických pravidiel pri produkcii a recepcii textu.⁴¹ *Štyléma* sa poníma ako základná jednotka štylistického plánu jazyka (štylistickej roviny jazyka) reprezentujúca alebo tvoriaca typ textu, ktorý sa realizuje ako konkrétny text. Z lingvistického hľadiska J. Mistrík rozlišuje jazykové a kompozičné *štylémy*. *Jazykové štylémy* ďalej delí na lexikálne, syntaktické (syntagmatické a vetné), morfológické (morfonologické) a fónické. *Kompozičné štylémy* delí na makrokompozičné a mikrokompozičné.⁴² *Štyléma* v ponímaní D. Slančovej je jednotkou štylistickej a štylovej kvality, ktorá má svoj obsah, formu a funkciu. Obsahovú zložku tvorí kategoriálna kvalita ako individuálne a/alebo socializovane konvencionalizované zovšeobecnené vedomie čiastkovej alebo komplexnej kvality rozličného typu. Forma štylémy je vnútorná a vonkajšia. Vnútornú formu štylémy tvorí vedomie asociatívne (napríklad a hlavne na báze synonymie) usporiadaných konceptuálnych (aj tematických), nominačných (vlastných jazykových) a interakčných (teda parajazykových) prostriedkov. Vonkajšiu formu štylémy tvoria konkrétne tematické, jazykové a parajazykové prostriedky, ktorými sa príslušná kategória realizuje v konkrétnom komunikačnom akte. Funkciou štylémy je vyvolať zamýšľaný štylistický účinok.⁴³

2. Textové premenné

Textové premenné sú textové jednotky (jednotky textu). Sú to prostriedky výstavby textu, ktoré možno adekvátne interpretovať len na pozadí textového celku. Jadro pojmového aparátu tvoria označenia jazykových premenných, ktoré sú základné operačné jednotky pre tvorenie textov (komunikátov).

Z definícií *textu*, v ktorých sa reflektuje jeho štruktúracia spomenieme ponímanie *textu* v zmysle komunikátu.⁴⁴ *Text* sa tu posudzuje ako istý komunikačný útvar, prvky ktorého sa z hľadiska štruktúry nachádzajú na troch rovinách: (a) vnútorná štruktúra sa týka jazykovej/semiotickej podoby textu; zahŕňa obsahové prvky (tému, motívy),⁴⁵ lexikálne a gramatické prostriedky, štylistické prostriedky, grafické a typografické prostriedky a i.; (b) vonkajšia štruktúra sa týka vzťahu medzi komunikačným konaním a sociálnymi štruktúrami;⁴⁶ zasahuje sociálne aspekty textu/komunikátu: spätosť s určitým komunikačným prostredím a s určitými typmi adresátov a inštitucionálnou distribúciou; (c) interakčná rovina sa týka situačnej realizácie (je

³⁹ Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): Encyklopedický slovník češtiny. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002, s. 347.

⁴⁰ Glavaničová, D.: Explikácia modálnych pojmov. In: Filozofia, 2017, roč. 72, č. 7, s. 558.

⁴¹ Mluvnice češtiny 3, c. d., s. 632.

⁴² Mistrík, J. a kol.: Encyklopédia jazykovedy, c. d., s. 442.

⁴³ Slančová, D.: K vymedzeniu pojmu a termínu štyléma. In: Slovo o slove 12. Prešov: Katedra komunikačnej a literárnej výchovy Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove, 2006, s. 14.

⁴⁴ Berger, P. L. – Luckmann, T.: Sociální konstrukce reality. Pojednání o sociologii vědění. Praha: Centrum pro studium demokracie a kultury, 1999. 214 s.

⁴⁵ Text nie je len usporiadaný sled textových jednotiek, ale aj sled motívov, pričom niet priamej zhody medzi jednotkami textu a motivickými jednotkami.

⁴⁶ Luckmann, T.: Observations on the Structure and Function of Communicative Genres. In: Semiotica, 2009, 173, pp. 267-282. DOI:10.1515/SEMI.2009.011.

odlišná v ústných textoch a písaných/tlačených textoch). V textovej lingvistike sa vymedzuje sedem konštitutívnych princípov, ktoré vo vzájomnej interakcii tvoria *textovosť* v zmysle základnej vlastnosti *textu*: (i) kohézia; (ii) koherencia; (iii) intencionálnosť; (iv) informatívnosť; (v) akceptovateľnosť; (vi) situatívnosť; (vii) intertextovosť.⁴⁷ Z pohľadu kvantitatívnej lingvistiky *text* predstavuje množinu, ktorá je dynamickým systémom s fraktálovou štruktúrou.⁴⁸ Pochopenie textu tu vychádza z Mandelbrotovej charakteristiky fraktálov ako množín majúcich nejakú podobnosť medzi štruktúrnymi časťami každej množiny a celkom.⁴⁹ Operuje s tromi základnými pojmami: (a) podobnosť, (b) časť a (c) celok. Ústredným bodom teórie fraktálov je pojem dimenzie. *Text* je útvar ľubovoľnej dĺžky. Môže byť jednoslovný, ale *text* je i útvar, ktorý má dĺžku aj niekoľkokozväzkového románu. Lingvistický vzťah pomeru počtu lexikálnych jednotiek a dĺžky textu je nositeľom informácie týkajúcej sa Herdanovho vzťahu a výskytu koreferencií, ktorý je týmto vzťahom ovplyvnený.⁵⁰

2.1 Segmentácia textu

Vymedzenie *textových* premenných sa spája s problematikou *segmentácie textu* v zmysle funkčnej štruktúracie. Vychádza sa z formy, ktorá leží akoby na povrchu textu a je ľahšie dostupná kvantitatívnej analýze. *Segmentácia textu* znamená: (1) *rozloženie* do funkčne diskretných úsekov (segmentov) a ich (2) *vťahnutie* do významu, resp. funkcie (spravidla vo vete). Rozloženie na funkčné úseky zvyčajne korešponduje s vymedzením pomenovaní (jednoslovných a viacslovných). Vťahnutie do významu, resp. funkcie sprevádza odstránenie dvojznačnosti a homonymie a zistenie skutočnej referencie pomenovania.⁵¹ Odstránenie ambiguity – sémanticky alebo syntakticky podmienenej viacvýznamovosti jazykových výrazov na rozličných jazykových rovinách v texte – sa nazýva *dezambiguácia*.

Text je mnohovrstevný útvar. Z lineárneho charakteru textu vyplýva jeho horizontálne (lineárne) členenie na *začiatok* – *stred* – *koniec*. Výpovede realizované na začiatku a na konci textu tvoria rámec textu.⁵² Nelineárne, vertikálne členenie textu je založené na obsahovej hierarchii jednotlivých segmentov textu. Horizontálne (plošné) a vertikálne (plastické) členenie textu sa poníma ako **tektonika textu**.⁵³

Segmentácia textu zahŕňa (i) paratextovú segmentáciu: titul, motto, poznámky pod čiarou a i.; (ii) grafickú segmentáciu: typy grafém (písma) a ich veľkosť; (iii) tematickú segmentáciu: vyčlenenie tematicky homogénnych úsekov – tematických blokov; (iv) obsahovo-pragmatickú segmentáciu: vyčlenenie obsahovo-pragmatických jednotiek, t. j. úsekov komunikačnej udalosti s istou komunikačnou funkciou – elementárnou komunikačnou intenciou; (v) sémantickú segmentáciu: členenie obsahovo-pragmatických jednotiek na základné významové vzťahy (predovšetkým slovesno-menné vzťahy a ich modifikácie); (vi) syntagmatickú segmentáciu: vyčlenenie syntaktických konštrukcií.⁵⁴ V kvantitatívnej lingvistike sa *segmentácia textu* spája s vymedzením rovin textu, pri ktorom sa uplatňuje (a) hľadisko jazykových prostriedkov a (b) hľadisko vzťahov.

⁴⁷ Nekula, M.: *Textovosť*. In Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): *CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny*, c. d., [cit. 24. 08. 2022].

⁴⁸ Hřebíček, L.: *Vyprávění o lingvistických experimentech s textem*, c. d., s. 65.

⁴⁹ Porov.: „Fraktál je štruktúra zložená z častí, ktoré sú v nejakom zmysle podobné celku“ (Mandelbrot, 1988; cit. podľa Hřebíček, 2002, s. 109).

⁵⁰ Hřebíček, L.: *Vyprávění o lingvistických experimentech s textem*, c. d., s. 134-135.

⁵¹ Čermák, F.: *Jazyk a jazykověda. Přehled a slovníky*, c. d., s. 91.

⁵² *Mluvnice češtiny 3*, c. d., s. 591-592.

⁵³ Mistrík, J. a kol.: *Encyklopédia jazykovedy*, c. d., s. 446-447.

⁵⁴ Dolník, J. – Bajžiková, E.: *Textová lingvistika*. Bratislava: Stimul, 1998. 134 s.

Z pohľadu jazykových prostriedkov sa vyčleňujú entity, ktoré sú súčasťou aj jazykových rovín textu a ktoré nemusia nevyhnutne korešpondovať s jazykovými rovinami v lingvistike. K *textovým premenným* patria: agregát (hreb) – veta – klauza – slovo – (morféma – slabika) – hláska.⁵⁵ **Agregát (hreb)** predstavuje nadvetnú úroveň. Hreby sú jazykový konštrukt, ktorého konštituentom sú vety.⁵⁶ Tvoria samostatnú rovinu medzi textom a vetou, a vytvárajú špeciálny typ linearizácie medzi mentálnou a gramatickou linearizáciou. Hreb je v zásade nespojitá jednotka textu. Jedna veta môže patriť súčasne k viacerým hrebom. Premenné *veta, klauza, slovo, morféma, slabika, hláska* sú jazykové jednotky, ktoré zmenou statusu nadobudli hodnotu *textových premenných*.

Z hľadiska vzťahov boli zásluhou F. Daneša⁵⁷ vymedzené tieto roviny textu: (i) rovina sémantických medzi-propozičných vzťahov, t. j. kognitívne jazyková reprezentácia vzťahov medzi predmetmi a situáciami (stavy vecí) v reálnom svete; (ii) izotopické vzťahy (totožnosť alebo afinita predmetu reči);⁵⁸ (iii) tematické vzťahy (v zmysle aktuálneho členenia a tematických postupností, tematických trás operujúcich sčasti na sieti izotopických vzťahov); (iv) kompozičné vzťahy, t. j. vzťahy medzi jednotlivými výpoveďami (alebo ich blokmi) v texte (výstavbové funkcie jednotlivých informačných častí v celkovom pláne textu); (v) rovina štruktúry performatívnej interakcie (funkcie výpovedí či zámery).⁵⁹ Vzťahy medzi jazykovými rovinami textu zachytáva Menzerath-Altmanov zákon: vyjadruje sa ku vzťahu dĺžky jazykových jednotiek a ich konštituentov.⁶⁰ Každá jazyková entita je vo vzťahu k vyšším jazykovým úrovňam konštituentom a vo vzťahu k nižším je konštruktom.

S procesom segmentácie súvisí aj uplatňovanie **parovania** (parsing). Pojem je z oblasti počítačnej lingvistiky a znamená syntaktickú analýzu textu, automaticky (na počítači uskutočňovaný) proces a výsledok priradovania syntaktických štruktúr vetám prirodzeného jazyka zadaným na vstupe – výsledné syntaktické štruktúry. Podobne v korpusovej lingvistike značí proces tvorby a aj výsledok procesu tvorby syntaktických štruktúr (vetných celkov a vzťahov medzi vetnými členmi) napr. v podobe závislostného stromu.⁶¹ *Parovanie* v psycholingvistike označuje psychický proces spracovania výpovede.

2.2 Segmenty textu (textové segmenty)

K segmentom textu, ktoré nemajú status textových premenných možno zaradiť napr. textové pasáže, textové úseky, textové fragmenty, textové celky, úryvky textu a pod. Sú to časti textov, ktoré sú delimitované na základe osobného rozhodnutia, iniciatívy, preferencií niekoho, kto narába s textom. Textové jednotky so statusom textových premenných majú isté vlastnosti, majú vzťahy, tvoria štruktúry a podliehajú procesom. Pre textové jednotky platia tieto princípy: (a) hranice – textová jednotka musí byť relatívne dobre odlišiteľná od svojho okolia; hranice textových jednotiek nemusia byť však fixné – v jednom texte je tá istá jednotka pri analýze považo-

⁵⁵ Wimmer, G. – Altmann, G. – Hřebíček, L. – Ondrejovič, S. – Wimmerová, S.: Úvod do analýzy textov, c. d., s. 212.

⁵⁶ Wimmer, G. – Altmann, G. – Hřebíček, L. – Ondrejovič, S. – Wimmerová, S.: Úvod do analýzy textov, c. d., s. 209.

⁵⁷ Daneš, F.: Odstavec jako centrální jednotka tematicko-kompoziční výstavby textu (na materiále textů výkladových). In: Slovo a slovesnost. Časopis pro otázky teorie a kultury jazyka, 1994, roč. LV, č. 1, s. 1-2.

⁵⁸ *Predmet reči* je podľa F. Daneša (Daneš, F.: Veta a text. Praha: Academia, 1985) nešpecifikovaná entita, čokoľvek, čoho sa jazykový prejav týka, čo má hovoriaci na mysli, čo v prehovore uvádza a pomenúva. Je to vedomá alternatíva k pojmu referent.

⁵⁹ *Poznámka*: elementy rovín (i) a (v) zobrazujú mimotextové vzťahy, elementy rovín (ii), (iii) a (iv) vyjadrujú vnútrotextové vzťahy.

⁶⁰ Porov.: <https://wiki.korpus.cz/doku.php/pojmy:menzerath> [cit. 22. 07. 2022].

⁶¹ Porov.: <https://terminologickyportal.sk/> [cit. 30. 07. 2022].

vaná za jednu textovú jednotku, v inom texte pri inej analýze je považovaná za dve; (b) identita – textová jednotka musí mať aspoň vägnu identitu, t. j. istú existenčnú stabilitu; (c) integrácia – textová jednotka musí byť súčasťou aspoň jedného systému.⁶²

Vymedzenie textových jednotiek v zmysle *textových segmentov* sa v korpusovej lingvistike spája so segmentáciou textu ako procesom a najmä výsledkom „(automatizovaného) členenia celku na segment“.⁶³ V korpusovej lingvistike sa spája prevažne s (a) tokenizáciou a (b) vetnou segmentáciou.

Tokenizácia je automatický proces, ktorý člení text na jednotlivé *tokeny*, t. j. na slovné tvary a interpunkčné znamienka pre účely ďalšieho (spravidla počítačového) spracovania.⁶⁴

Token (token) je najmenšia jednotka textu, spravidla slovo, resp. jeho konkrétna realizácia (slovný tvar), ktorá je vymedzená v opozícii k **type** (ako dekontextualizovanej jednotke, jednotke abstrakcie). V počítačovej a korpusovej lingvistike sa *token* poníma ako „základná textová jednotka použitá v analýze alebo spracovaní textu, znak alebo súbor znakov formálne oddelených od iného znaku alebo súboru znakov napr. medzerou (tvar slova v texte, interpunkčné znamienko, číslica a pod.)“.⁶⁵ *Token* sa najčastejšie asocjuje so slovným tvarom, t. j. „slovným útvarom medzi dvoma medzerami“.⁶⁶ *Typom* môže byť ľubovoľná jednotka, najčastejšie sa asocjuje s *lemou*.

Identifikovanie pomeru *typov* a *tokenov* vypovedá o povahe príslušného textu. Vysoký pomer naznačuje lexikálnu bohatosť a rôznorodosť textu, nízky pomer naznačuje vysokú mieru opakovania *lexém*. Pomer *typov* a *tokenov* sa využíva pri meraní **lexikálnej hustoty textu** (počet plnovýznamových lexikálnych jednotiek sa vydělí počtom všetkých *tokenov* v texte a vynásobí sa číslom 100) aj pri meraní **slovného bohatstva textu** – vzťah medzi počtom *typov* a počtom *tokenov* približuje index označovaný ako type-token pomer (TTR).

Lema je predovšetkým abstraktná entita korešpondujúca s jednoslovnou lexikálnou jednotkou vo svojom východiskovom tvare; slovníkové slovo; „kánonický tvar lexémy“.⁶⁷ V korpusovej lingvistike sa definuje ako „základný, slovníkový tvar, pri ohybných slovných druhoch reprezentujúci všetky tvary príslušného slova z ohybných slovných druhov“.⁶⁸ Súbor všetkých slovných tvarov príslušnej *lemy* tvorí *paradigmum*. V prípade slovenčiny ako flektívneho jazyka *lemy* ohybných slovných druhov reprezentujú celú paradigmum, napr. *lema* slovíes má tvar neurčitku, *lemy* menných slovných druhov majú tvar nominatívu singuláru a v prípade gramatického rodu – tvaru mužského rodu. Určenie základného tvaru slova (*lemy*), resp. formálne priradenie istého unikátneho reťazca znakov identifikujúceho lexému sa posudzuje ako **lematizácia**.

Slovný tvar je jeden konkrétny tvar *lemy*.⁶⁹

Textové slovo – konkrétna manifestácia slova v texte; jeho delimitácia sa riadi medzerami v grafickom zázname textu. *Textové slovo* je konštrukt, ktorý má dva rôzne typy konštituentov – morfy a slabiky.⁷⁰ V kvantitatívnej lingvistike sa dĺžka textového slova v zmysle lineárneho rozmeru textovej premennej spravidla vymedzuje počtom slabík alebo počtom grafém v slove.

⁶² Wimmer, G. – Altmann, G. – Hřebíček, L. – Ondrejovič, S. – Wimmerová, S.: Úvod do analýzy textov, c. d., s. 18-19.

⁶³ Porov.: <https://terminologickyportal.sk/> [cit. 22. 07. 2022].

⁶⁴ Petkevič, V.: Tokenizace. In Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny, c. d., [cit. 24. 08. 2022].

⁶⁵ Šimková, M.: Token. In: Výberový slovník termínov z počítačovej a korpusovej lingvistiky, c. d., [cit. 22. 07. 2022].

⁶⁶ Uhlířová, L.: O vztahu mezi délkou slova a jeho polohou ve větě. In: Slovo a slovesnost, 1997, roč. 58, č. 3, s. 174-184.

⁶⁷ Čermák, F.: Lexikon a sémantika, c. d., s. 233.

⁶⁸ Porov.: <https://terminologickyportal.sk/> [cit. 22. 07. 2022].

⁶⁹ Porov.: <https://terminologickyportal.sk/> [cit. 30. 07. 2022].

⁷⁰ Wimmer, G. – Altmann, G. – Hřebíček, L. – Ondrejovič, S. – Wimmerová, S.: Úvod do analýzy textov, c. d., s. 212.

Textová jednotka v korpusovej lingvistike korešponduje s *tokenom*.⁷¹

V korpusovej a počítačovej lingvistike sa používa spojenie **regulárny výraz** ako „textový reťazec pozostávajúci z alfanumerických znakov a špeciálnych symbolov utvorený na základe určitých konkrétnych syntaktických pravidiel, ktorý opisuje istú množinu reťazcov vyhovujúcich danému regulárnemu výrazu, napr. umožňuje vyhľadávať slovo vo všetkých jeho tvaroch v prípade nelematizovaného korpusu a/lebo rôzne kombinácie slov, tvarov a iných reťazcov znakov“.⁷² *Reťazec znakov* je „v programovaní a formálnych jazykoch usporiadaná postupnosť symbolov z danej abecedy“.⁷³

Vetná segmentácia v korpusovej lingvistike je automatický proces, ktorý člení text na *vety/výpovede*. Spravidla je to druhá fáza automatického spracovania textu.

Veta v zmysle *výpovede* v ponímaní M. Foucaulta predstavuje „atóm“ diskurzu.⁷⁴ V písaných textoch sú hranice medzi výpoveďami signalizované grafickými prostriedkami. Komunikačná platnosť *výpovede* je daná jej situačným ukotvením, t. j. jej určením z hľadiska determinantov komunikačnej situácie: miesta, času a aktérov. Vzťah *slova* a *výpovede* v prehovore aj v texte reflektuje *princíp kontextu*, ktorý sformuloval H. Putnam na základe sémantického holizmu G. Fregeho a podľa ktorého *slová* nemajú význam a mimo kontextu *výpovede*, ktorej sú súčasťou, na nič neodkazujú; význam určitej *výpovede* však nie je súhrnom významov slov, z ktorých je táto výpoveď zložená.⁷⁵ Počet *slov* vo *vete* sa v kvantitatívnej lingvistike spravidla vzťahuje na dĺžku *vety* v zmysle lineárneho rozmeru textovej premennej. Vzťah *vety/výpovede* a textu je vzťahom *vety/výpovede* a jej textového okolia.

Základnými pojmami komunikačného a textologického členenia *vety/výpovede* sú *téma* a *réma*. *Téma* (východisko, topik) predstavuje informáciu známu účastníkom výpovedného aktu, teda časť nadväzujúcu na predchádzajúci známy text. *Réma* (jadro, ohnisko, fokus) je aktuálna zložka *vety/výpovede* prinášajúca novú informáciu. Súvislosti medzi tematicko-rematickou štruktúrou výpovede v texte a izotopickými (anaforickými) vzťahmi v texte F. Daneš⁷⁶ označil ako *tematické postupnosti* a opísal ich typy, ku ktorým patrí (i) jednoduchá tematická postupnosť; (ii) tematická postupnosť s konštantnou témou; (iii) tematická postupnosť s odvodenou témou; (iv) tematická postupnosť s rozštiepenou rémou.⁷⁷ Pre rovinu významovej (hlbkovej) roviny vetnej stavby sa vo funkčne generatívnej gramatike používa termín *tektogramatická reprezentácia*, ktorá je dezambiguovaným zápisom významu *vety*.⁷⁸

Záver

V štúdií sme prezentovali výber a kvalitatívnu interpretáciu lingvistických premenných uplatňovaných v metodológii lingvistických analýz písomných textov. Impulzom bol nárast

⁷¹ Šimková, M.: Textová jednotka. In: Výberový slovník termínov z počítačovej a korpusovej lingvistiky, c. d., [cit. 22. 07. 2022].

⁷² Šimková, M.: Regulárny výraz. In: Výberový slovník termínov z počítačovej a korpusovej lingvistiky, c. d., [cit. 10. 12. 2021].

⁷³ Šimková, M.: Reťazec znakov. In: Výberový slovník termínov z počítačovej a korpusovej lingvistiky, c. d., [cit. 22. 07. 2022].

⁷⁴ Cingerová, N. – Motyková, K.: Úvod do diskurznej analýzy. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave 2017, s. 38.

⁷⁵ Porov.: <https://beliana.sav.sk/heslo/kontext> [cit. 24. 08. 2022].

⁷⁶ Daneš, F.: Veta a text. Praha: Academia, 1985, s. 198-207.

⁷⁷ Daneš, F.: Typy tematických poslopností v textu. In: Kultura a struktura českého jazyka. Praha: Karolinum, 2009, s. 420-440.

⁷⁸ Panevová, J.: Tektogramatika. In: Karlík, P. – Nekula, M. – Pleskalová, J. (eds.): CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny, c. d., [cit. 30. 07. 2022].

a prehodnocovanie pojmov v dôsledku postupne akcelerujúceho procesu konštituovania databáz slovenských terminologických sústav počítačovej, kvantitatívnej a korpusovej lingvistiky a definičného vymedzovania ich aparátu, ktoré vychádza a prirodzene využíva pojmoslovie systémovej lingvistiky. Výraz *premenná* sme si zvolili pre flexibilitu jeho hodnotového a statusového nastavenia. *Lingvistické premenné* sme posudzovali z pohľadu (a) jazykových premenných (entít jazykového systému potenciálne konštituujujúcich text) a (b) textových premenných (entít textu realizovaných s oporou aj bez opory jazykových premenných). Vychádzali sme zo skutočnosti, že vymedzenie textových premenných sa spája s problematikou segmentácie textu, ktorá je určená a limitovaná počítačovým spracovaním textu. Uchopovanie segmentov textu v zmysle jazykových prvkov, prostriedkov a jednotiek sa tu realizuje prioritne z aspektu povrchovej štruktúracie textu. Výrazová sústava textovej lingvistiky vo vzťahu s výrazovou sústavou systémovej lingvistiky vykazuje: (i) *aktualizáciu* výrazov systémovej lingvistiky, ktoré nepredstavujú jej nosné pojmy a nie sú v nej binárne ukotvené: *graféma* (v zmysle grafického znaku), *slabika*, *slovo*; (ii) *neutralizáciu* binárnej kategorizácie výrazov systémovej lingvistiky a používanie pojmov z oblasti langue vo funkcii parolových výrazov: *veta*, *morféma*; (iii) *nepotvrdenie* výrazov systémovej lingvistiky: *seméma*, *pomenovanie*, *frazéma*, *propozícia*, *štyléma*, *textéma*; (iv) *implementovanie* nových výrazov, ktoré absentujú vo výrazovej sústave systémovej lingvistiky: *token*, *lema*, *agregát (hreb)* a i. Je zrejmé, že pojmoslovia systémovej aj textovej lingvistiky prejavujú aj konzistentnosť aj akomodačné tendencie, t. j. asimilačné tendencie a prispôsobovanie meniacim sa metodologickým potrebám.

Linguistic variables in the methodology of text analysis.

(A probe into Slovak terminological databases)

Jana Sokolová – Augustín Sokol

In the study, we presented the selection and qualitative interpretation of linguistic variables, which are used in the methodology of linguistic analyses of written texts. The impetus to write this paper was the increasing number and re-evaluation of terms as a result of the gradually accelerating establishment of Slovak terminological databases of computer, quantitative and corpus linguistics and the definitions used in these databases, which are based on and naturally use the conceptual system (terminology) of systemic linguistics. The term *variable* was chosen for the flexibility of its status and value. We assessed *linguistic variables* from the point of view of (a) linguistic variables (entities of the language system potentially constituting the text) and (b) textual variables (entities of the text realized with and without the help of linguistic variables). We followed from the fact that the definition of text variables is connected with the issue of text segmentation, which is determined and limited by computational processing of text. In relation to the terminological system of systemic linguistics, the terminological system of textual linguistics shows (i) *updated meanings* of the expressions from systemic linguistics that do not represent its key terms and are not anchored in it; (ii) *neutralization* of the binary categorization of terms from systemic linguistics and the use of terms from the field of langue in the function of parole terms; (iii) *failure to confirm* the following expressions from systemic linguistics; (iv) *implementation* of new expressions that are absent in the terminological system of systemic linguistics. It is obvious that the terminology of both systemic and textual linguistics shows both consistency and accommodation tendencies, i.e. assimilative tendencies and adaptation to the changing methodological needs.

MARTA LACKOVÁ*

Sémantická analýza slov so zakončením na formant *-ing* v publicistickom subkorpuse Slovenského národného korpusu

LACKOVÁ, M.: Semantic analysis of words ending in *-ing* in journalistic texts of The Slovak National Corpus. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 2, pp. 149-155 (Bratislava).

The present study considers semantic features of a specific group of lexical units of English origin – with the terminal suffix *-ing* – that are functioning in the contemporary Slovak language. The aim of our research is to investigate their semantic adaptation within contemporary journalistic genres. The research sample is to be studied in the framework of the journalistic texts corpus from the database of the Slovak National Corpus utilizing the search tool Sketch Engine.

Corpus linguistics, journalistic style, frequency, adaptation

1. Úvod

Za posledných tridsať rokov sa korpusová lingvistika stala pokročilou vednou disciplínou, ktorá pracuje s jazykovými korpusmi ako prostriedkom na štúdium jazyka. Umožňuje výskumníkovi nové pohľady na rôzne črty komunikácie v reálnom živote. Vzhľadom na skutočnosť, že korpusové postupy nám poskytujú vhodné metodologické nástroje modernej aplikovanej lingvistiky, môžeme si za cieľ tohto príspevku stanoviť preskúmanie sémantických vlastností lexém anglického pôvodu so zakončením na formant *-ing* v rámci publicistického subkorpusu Slovenského národného korpusu. Zároveň chápeme, že masmédiá majú obrovský vplyv na širokú verejnosť a slovná zásoba sa prostredníctvom nich prirodzene stáva súčasťou každodenných komunikačných aktov.

V ostatných desaťročiach sa výskum využívajúci korpusovú lingvistiku a jej techniky na skúmanie rôznych lingvistických aspektov rozširuje. Ako vplyvný trend v štúdiu slovnej zásoby poskytuje korpusová lingvistika priamy empirický základ pre správanie sa slovnej zásoby namiesto spoliehania sa na intuíciu alebo tradíciu. V dôsledku toho korpusy modifikovali postupy, ktorými skúmame zložité systémy slovnej zásoby a ich prvky.¹

V našom regionálnom lingvistickom prostredí zaviedli korpusovú kvantitatívnu analýzu textov spolu s postupmi zisťovania jazykových zmien vedci ako Mária Šimková,² Michal Křen³

*PaedDr. Marta Lacková, PhD., Katedra anglického jazyka a literatúry, Fakulta Humanitných vied, Žilinská univerzita, Univerzitná 8215/1, 010 26 Žilina.

¹ Schmitt, N.: *Researching Vocabulary. A Vocabulary Research Manual*. New York: Palgrave Macmillan, 2010, s. 386; Friginal, E.: *Studies in Corpus-Based Sociolinguistics*. New York: Routledge, 2017, s. 382.

² Šimková, M. – Gajdošová, K. – Kmeťová, B. – Debnár, M.: *Slovenský národný korpus. Texty, anotácie, vyhľadávania*. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV – Vydavateľstvo Mikula, 2017, s. 168.

³ Křen, M.: *Odraz jazykových zmien v synchronných korpusech*. Praha: Ústav Českého národního korpusu – Nakladatelství Lidové noviny, 2013, s. 184.

a Václav Cvrček,⁴ ktorí poukazujú na to, že výskum realizovaný vo sfére korpusovej lingvistiky kladie dôraz na kvalitatívne metódy spolu s aplikáciou principiálnych lingvistických pojmov, akými sú napríklad *langue* a *parole*. Títo autori zároveň vyzdvihujú výhody práce v korpusovom prostredí, ktorými sú dostatočné množstvo empirických údajov a možnosť jednoducho kvantifikovať všetky kvantifikovateľné javy.

Počítačové korpusy a výpočtové nástroje preto predstavujú počiatočnú fázu analýzy kvalitatívnych znakov; umožňujú nám skúmať bezprostredný diskurz (prístup zameraný na komunikáciu), v ktorom sa analyzované lexikálne jednotky objavujú, a pozorovať významovú podobnosť medzi vzormi ako to vidíme napríklad v štúdií E. Lelákovéj;⁵ pričom je potrebné zvážiť aj širšie psychologické a sociálne súvislosti, v ktorých sa nachádzajú.

V našom príspevku skúmame vybrané lexikálne jednotky v textoch patriacich do publicistického štýlu. V zhode s J. Findrom⁶ pod modelovými štruktúrami publicistického štýlu chápeme nielen noviny, ale aj televízny, rozhlasový a internetový priestor, ktorý v 21. storočí nadobúda čoraz väčší vplyv.

V jazykovednej literatúre sa stretávame s viacerými definíciami publicistického štýlu. J. Mistrík⁷ ho definuje ako spôsob cieľavedomého výberu a tematického usporiadania spisovných jazykových prostriedkov slúžiacich na vytvorenie čo najaktuálnejších, najpresnejších a najpresvedčivejších informácií určených verejnosti. Prevládajúce charakteristické črty publicistického štýlu zosumarizované z viacerých zdrojov sú nasledovné:⁸ aktuálnosť, dôslednosť, variabilita, prevažne písomná forma, monologická povaha, koncepcnosť, publicita, úradná povaha, komunikačná funkcia.

Ako uvádza J. Findra,⁹ s komunikačnou funkciou v popredí sa modelové štruktúry publicistického textu spájajú s kognitívnymi procesmi členov konkrétneho komunikačného aktu, ktoré sa prejavujú najmä v znakoch objektivity, informačnej záťaže a presnosti. Vlastnosti sú zabezpečené aplikáciou vybraných lexikálnych prostriedkov. Lexikálne prostriedky typické pre novinársky štýl by mali poskytovať informácie zrozumiteľným a presným spôsobom. V súlade s tým autori nemajú používať slová typické pre hovorový jazyk, termíny s obmedzeným významom a špeciálne výrazy. O. Hundarenko¹⁰ doplňuje, že špecifickosť tohto štýlu je definovaná kombináciou explicitných a implicitných prostriedkov, z ktorých každý by mal byť silným prostriedkom presvedčovania a vplyvu.

2. Metodológia výskumu

Na analýzu sémantických vlastností lexém končiacich sa na *-ing* sme v tomto príspevku použili metódy korpusovej lingvistiky spolu so štatistickými metódami prepojenými v špeciálnom nástroji na vyhľadávanie v korpusoch NoSketch Engine (<http://www.sketchengine.co.uk>), konkrétne CQL príkaz [lemma="*.xxx"] s reťazcom xxx nahradeným koncom slova *ing*. Výsledné konkordancie sme použili na vytvorenie zoznamov frekvencií lém. Na tomto

⁴ Cvrček, V.: Kvantitatívni analýza kontextu. Praha: Ústav Českého národního korpusu – Nakladatelství Lidové noviny, 2013, s. 288.

⁵ Leláková, E.: Presentation on relations between lexical units and their meanings. In: Сучасні дослідження з іноземної філології, 2011, вип. 9, с. 271-276.

⁶ Findra, J.: Štylistika slovenčiny. Martin: Osveta, 2013, s. 186.

⁷ Mistrík, J.: Štylistika. Bratislava: SPN, 1989, s. 385.

⁸ Mlavec, J.: Sedemkrát o štýle a štylistike. Ružomberok: KU, 2007, s. 71.

⁹ Findra, J.: Štylistika slovenčiny, c. d., s. 188.

¹⁰ Гундаренко, Е.: Вербальные маркеры манифестации дискриминации в современном американском газетном дискурсе. In: Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы четырнадцатой международной научно-практической конференции. Самара: СГСПУ, 2019, s. 75-82.

mieste považujeme za dôležité v súlade s E. Friginalom¹¹ poukázať na skutočnosť, že na jednej strane korpusy umožňujú výskumníkovi vidieť jazyk v kontexte diskurzu; na druhej strane jazykové vzorky dodané korpusmi zobrazujú bezprostredne špecifické jazykové javy, nie ich fungovanie v jazyku v ich najvšeobecnejšej podobe. Z týchto dôvodov sme aplikovali aj metódy zovšeobecňovania a klasifikácie jazykových javov.

V rámci výskumu sme pracovali v Slovenskom národnom korpuse Jazykovedného ústavu Ľudovíta Štúra – slovenskom jednojazyčnom synchronnom anotovanom textovom korpuse, najmä v subkorpuse publicistických textov.¹² V subkorpuse informačných komunikačných aktov je umiestnených 1 194 435 396 tokenov (919 577 80 slov). Cieľom tejto korpusovej štúdie je rozpoznať opakujúce sa vzorce, v ktorých sa vyskytujú skúmané lexikálne jednotky, aby sme mohli študovať ich funkcie v danom diskurze. Ešte predtým sme manuálne identifikovali lexémy s koncovou *-ing* v Slovníku súčasného slovenského jazyka¹³, Krátkom slovníku slovenského jazyka¹⁴ a v Slovníku cudzích slov (akademický)¹⁵ s cieľom určiť ich sémantické kvality.

V niektorých prípadoch nebolo možné detegovať presný výskyt individuálnych lexikálnych jednotiek s príponou *-ing* v dôsledku ich polysémického alebo homonymického charakteru: Okrem toho sme boli nútení manuálne filtrovať (alebo pracovať s nástrojom na filtrovanie) formy, ktoré nie sú súčasťou paradigmy hľadanej výrazu. Takéto štruktúry zahŕňajú nasledujúce podskupiny:

- vlastné mená, napr.: *Boeing, Sting, Downing Street, Offspring*;
- slová pôvodne z anglického jazyka; napriek tomu nezodpovedajúce hľadanej paradigme:

king, smoking, haring;

- slová z iných jazykov (nie anglického): *Peking, Linköping, Jing, Jönköping*.

Používanie lexikálnych jednotiek anglického pôvodu s koncovkou *-ing* nepovažujeme za nový jazykový jav,¹⁶ no v korpusovej lingvistike sa im zatiaľ nevenovala náležitá pozornosť; v súčasnej spoločenskej situácii však výskyt a význam týchto lexikálnych jednotiek narastá – preto sa sústreďujeme na túto špecifickú oblasť slovnej zásoby; už v Dynamike slovnej zásoby súčasnej slovenčiny¹⁷ bola zdôraznená jej tendencia k internacionalizácii ponímaná ako zvyšovanie frekvencie prevzatých slov v odbornom, publicistickom a hovorom jazyku. Inými slovami, príspevok by mal odhaliť synchronnú dynamiku týchto lexikálnych jednotiek.

Dôležitosť lexikálnych jednotiek anglického pôvodu v súčasnom slovenskom jazyku je reflektovaná aj v lingvistických prácach, ktoré sa hojne venujú tejto problematike. Systematický výklad o slovtvornej adaptácii anglicizmov možno nájsť v publikácii M. Ološtiaka a kol.¹⁸ V kontexte semikategoriálnych derivačných morféme (kam zaraďujú aj formant *-ing*) konštatujú,

¹¹ Friginal, E.: *Studies in Corpus-Based Sociolinguistics*, c. d., p. 18.

¹² Slovenský národný korpus – prim-9.0-public-inf. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľ. Štúra SAV, 2020. Dostupné na: <http://korpus.juls.savba.sk>.

¹³ Slovník súčasného slovenského jazyka. A – G. Bratislava: Veda, 2006, s. 746, Slovník súčasného slovenského jazyka. H – L. Bratislava: Veda, 2011, s. 335, Slovník súčasného slovenského jazyka. M – N. Bratislava: Veda, 2015, s. 185, Slovník súčasného slovenského jazyka. O – Pn. Bratislava: Veda, 20021, s. 549.

¹⁴ Kačala, J. – Pisarčíková, M. – Považaj, M. (eds.): *Krátky slovník slovenského jazyka*. Martin: Matica slovenská, 2020, s. 491.

¹⁵ Slovník cudzích slov. Bratislava: SPN, 2005, s. 149.

¹⁶ Horecký, J.: Anglické slová na *-ing* v slovenčine. In: *Kultúra slova*, 1991, č. 10, s. 32-37; Horecký, J.: Miesto a funkcia slova lízing (leasing) v slovenčine. In: *Kultúra slova*, 1998, č. 5, s. 264-268; Dobrik, Z.: O funkčnosti anglicizmov a iných slov cudzieho pôvodu z pohľadu normatistiky a sociolingvistiky, resp. pragmaticky orientovanej jazykovej kritiky. In: Dolník, J. (ed.): *Jazyk a komunikácia v súvislostiach*. Bratislava: UK, s. 236-249.

¹⁷ Horecký, J. – Buzássyová, K. – Bosák, J. (eds.): *Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny*. Bratislava: Veda, 1989, s. 272.

¹⁸ Ološtiak, M. a kol.: *Kapitoly zo slovtvornej adaptácie prevzatých slov v slovenčine*. Prešov: Prešovská univerzita, 2021, s. 143.

že sa preberajú v oveľa menšom množstve, na druhej strane, ich inventár je rozsiahly v porovnaní s gramatickými morfémmi.¹⁹

Pri včleňovaní sa do systému slovenského jazyka prechádzajú lexikálne jednotky anglického jazyka adaptačným procesom, pričom prispôsobovanie sa štandardom preberajúceho jazyka je pri individuálnych lexémach iba zriedkavo absolútne. Adaptačné procesy sa týkajú týchto ich stránok:²⁰ distribúcia a využitie prebratého slova; jeho fonetická a morfológická charakteristika; jeho slovtvorba a sémantické začlenenie (začlenenie do synonymických, homonymických a antonymických vzťahov); jeho zaradenie do syntagmatických vzťahov; jeho štylistická charakteristika a prípadne vzťah prebratého slova k doterajšiemu vyjadreniu pojmu.

Ciele výskumu lexikálnych jednotiek – anglicizmov, ktoré v rámci slovenčiny nesú koncovú príponu *-ing*, sa preto rozvíjajú v nasledujúcich intenciách: poskytnúť charakteristiku špecifickej vrstvy lexiky odrážajúcej synchrónnu dynamiku koexistujúcu s integračnými zmenami od prieniku do systému slovenského jazyka cez slovtvorné procesy až po sémantické procesy; popísať, ako sa používatelia jazyka vyrovnávajú s procesom ich adaptácie s dôrazom na publicistický štýl; zobraziť súčasný charakter adaptačného procesu s prihliadnutím na jeho vplyv na jednotlivé komunikačné akty. Ide totiž o komunikačné potreby, ktoré ovplyvňujú otvorenosť slovenčiny voči iným jazykom a samotné preberacie procesy nových slov.

3. Výsledky výskumu

Pomocou vyššie uvedených postupov sme zaevidovali 5373 lexikálnych jednotiek anglického pôvodu s koncovkou *-ing*, ktorých výskyt a funkcie majú opodstatnenie v textoch publicistického štýlu v rámci Slovenského národného korpusu; tento počet zachytáva aj ojedinelé významy, ktoré prispievajú k pochopeniu dynamiky jazyka. Lexikálne jednotky predstavujú rozsiahly materiál na spracovanie; pre potreby tohto príspevku sme sa rozhodli pracovať so 102 lexikálnymi jednotkami zakončenými na *-ing*. Rozhodujúcim kritérium výberu bola ich najvyššia absolútna frekvencia v príslušnom subkorpuse (>499). Aby sme demonštrovali tento aspekt, vygenerovali sme 7 kategórií spomínaných lexém s rôznym výskytom v publicistickom subkorpuse; výsledky sú uvedené v nasledujúcej tabuľke.

Tabuľka číslo 1: **Kategórie lexikálnych jednotiek končiacich sa na *-ing* podľa ich absolútnej frekvencie**

Číslo kategórie	Absolútna frekvencia výskytu lexikálnej jednotky	Počet lexikálnych jednotiek
1	> 10 000	3
2	9 999 – 5 000	6
3	4 999 – 1 000	34
4	999 – 500	59
5	499 – 100	334
6	99 – 10	1361
7	9 – 1	4012

Z tabuľkového prehľadu je zjavné, čím vyššiu absolútnu frekvenciu lexikálne jednotky nadobúdajú, tým menej ich patrí do príslušnej kategórie; len tri slová končiace sa na *-ing* majú

¹⁹ Ološtiak, M. a kol.: Kapitoly zo slovtvornej adaptácie, c. d., s. 28.

²⁰ Blanár, V.: Porovnanie lexiky slovanských národov z diachrónneho hľadiska. Bratislava: Veda, 1993, s. 185. Buffa, F.: O slovtvornej adaptácii prevzatých slov. In: Slovenská reč, 1982, č. 6, s. 326-331.

vyššiu absolútnu frekvenciu ako 10 000 (*tréning, rating, marketing*) a šesť slov sa nachádza v rozsahu od 9 999 do 5 000 (*holding, míting, monitoring, consulting, racing, leasing*); na opačnej strane škály je viac ako 4 000 slov kategorizovaných v rozsahu od 9 do 1 hodnoty ich absolútnej frekvencie (napr.: *indexing, grading, motorcycling, reprinting, twisting, allocating*).

Tento diferencovaný výskyt ilustruje, že skúmané lexikálne jednotky prispievajú k napĺňaniu špecifických funkčných komunikačných potrieb; ich relatívne nízky počet a umiestnenie na periférii lexikálnej stratifikácie však neprerušuje komunikačný tok.

Väčšina lexém s incidenciou >100 bola zaznamenaná aj v Krátkom slovníku slovenského jazyka (napr.: *lifting, holding, dabing, puding*) a v Slovníku cudzích slov (akademický) (napr.: *parking, telešoping, forčeking, renting, sampling*). Prevažná časť z nich sa stále zaraďuje medzi odborné lexémy²¹ (napr.: *rating* – 1. (profesionalizmus) prehľad o stave, kvalite, vlastnostiach, vývoji niečoho podľa systematických pravidiel; doklad o tomto hodnotení). Existujú však profesionálne lexie koexistujúce s neutrálnymi²² (napr.: *timing* – 1. (profesionalizmus) časové riadenie; 2. synchronizácia rôznych udalostí) alebo s lexiami patriacimi do žurnalistiky²³ (napr.: *monitoring* – 1. (profesionalizmus) zisťovanie údajov o niečom, prieskum, sonda s následnou analýzou a hodnotením; 2. činnosť novinára a pod., zameraná na sledovanie masmédií a výber informácií, tém z ich obsahovej ponuky). Vykonaná analýza podporuje fakt, že slovo cudzieho pôvodu má pri dlhodobom používaní potenciál postupne nadobudnúť neutrálnu štylistickú hodnotu alebo sa preklasifikovať na žurnalizmus.

Na základe údajov prevzatých zo subkorpusu publicistických textov bolo možné nájsť dôkazy o lexikálnych jednotkách s koncovkou *-ing* vo viacerých sémantických poliach, ktoré vykazujú spoločné podobné lexikálno-sémantické znaky:

- obchod a ekonomika (napr.: *rating, marketing, holding, leasing, banking, trading, managing, klíring, marketing, internetbanking, factoring*);
- športové a voľnočasové aktivity (napr.: *tréning, skysurfing, rafting, racing, strečing, bowling, training, jumping, jogging, wrestling, jachting, snoubording, curling, dribbling, skauting, dancing, autocamping, moonwalking*);
- masmédiá a komunikačné prostriedky (napr.: *advertising, kasting, happening, brífing, roaming, networking, paging*);
- medicína (napr. *skríning, tejping*) a životný štýl (napr.: *peeling, pírsing, koučing, mentoring, tuning*).

Toto sémantické rozvrstvenie naznačuje, že lexémy používané v žurnalistických komunikačných aktoch kontinuálne prenikajú aj do iných sfér ľudskej činnosti a prípadne do jadra slovnej zásoby slovenského jazyka. Čiastková analýza okrem toho potvrdzuje, že polyfunkčný formant *-ing* je v anglickom jazyku sufixálnym koncovým prvkom, pomocou ktorého vytvárame verbá, gerundiá, deverbatívne substantíva a deverbatívne adjektíva,²⁴ pričom do slovenského jazyka sa lexikálne jednotky s týmto formantom adaptujú vždy ako substantíva s významom spredmetnenia deja alebo s významom to, čo má vzťah k motivujúcemu substantívu.²⁵

²¹ Slovník cudzích slov. Bratislava: SPN, c. d., s. 185.

²² Slovník cudzích slov, c. d., s. 203.

²³ Slovník cudzích slov, c. d., s. 152.

²⁴ Quirk, R. – Greenbaum, S. – Leech, G. – Svartvik, J.: A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985, s. 295.

²⁵ Ološtiak, M. – Ivanová, M. (eds.): Slovník slovtvorných prostriedkov v slovenčine. Prešov: Prešovská univerzita, 2021, s. 295.

Berúc do úvahy vzťahy medzi formou a významom lexém zakončených na *-ing*, konštatujeme, že zo sémantického hľadiska jadro skúmaných jednotiek predstavujú monosémické lexémy, napr.: *bowling* – hra s kolkami a ťažkou guľou na parketovej dráhe; *dressing* – nálev na dochucovanie jedál, zeleninových šalátov. Spolu s tým prípady polysémie a homonymie v slovenskom jazyku potvrdzujú hypotézu, že čím frekventovanejšie slovo je, tým markantnejšie sú tieto vzťahy, napr.: *windsurfing* – 1. jachting na plavidle zo špeciálnej dosky s plachtou; 2. takéto plavidlo, *trekking* – 1. náročnejšia, najmä horská turistika; 2. cestná cyklistika. Navyše len obmedzený počet skúmaných lexikálnych jednotiek vstupuje do vzájomne synonymických alebo antonymických vzťahov (napr.: *doping/antidoping*, *damping/antidumping*).

Korpusová i slovníková práca dokazujú, že lexikálne jednotky so zakončením na formant *-ing* môžu vykazovať rovnaký význam v dvoch alebo viacerých pravopisných formách, napr.: *antidumping/antidamping*; *paragliding/paraglaiding*, *snoubording/snowboarding*, *brifing/briefing*, *telerekording/telerecording*. Jednu z najbežnejších variácií predstavuje kontrast jednej a dvojitej spoluhlásky v koreni slova, napr.: *dresing/dressing*; *mobing/mobbing*; *lobing/lobbing*). Súčasne sa vyskytujú aj lexikálne jednotky písané spolu alebo oddelene s rovnakým významom, napr.: *home banking/homebanking*, *baby sitting/babysitting*. Tieto modifikácie sú v súlade s tendenciou prevzatých slov začleniť sa do systému preberajúceho jazyka podľa jeho vlastných pravidiel.

Ďalšie modifikácie významu sa dosahujú vďaka slovotvorným procesom dostupným v slovenskom jazyku. Slová končiacie sa na skúmaný prvok *-ing* majú sklon k tvorbe zložených slov; konkrétne ide o menné zloženiny vytvorené zo slovesného podstatného mena so zakončením na formant *-ing* plus predmet deja (napr.: *clearing house*); predmet deja plus slovesné podstatné meno so zakončením na formant *-ing* (napr.: *face-lifting*, *bungee jumping*, *brainwashing*). V neposlednom rade sa aj v nami skúmanom materiáli potvrdilo, že cudzie slová majú schopnosť prijímať slovenské prípony – 23% slov sa vyskytuje s príponou prídavného mena (napr.: *revolvingový*, *kempingový*) a príslovky (napr.: *dumpingovo*, *tréningovo*) v prim-9.0-public. inf corpus.

4. Závery

Analýza korpusového materiálu naznačuje určité charakteristiky v skupine lexikálnych jednotiek končiacich sa na *-ing*, ktoré prenikli do súčasnej slovenčiny z anglického jazyka, najmä do publicistického štýlu. Nie všetky skúmané lexikálne jednotky v danom období prešli analogickým adaptačným procesom. Jedným z možných dôvodov je, že ich sémantický obsah odkazuje na široké spektrum pojmov; inými slovami, procesy v oblasti preberania slov do slovenčiny nie sú homogénne. Nemôžeme poskytnúť striktné pravidlá ich fungovania na systémovej úrovni; na základe materiálneho korpusu vyzdvihujeme len určité tendencie integračných procesov.

Na záver by sme chceli poukázať na limity nášho výskumu; jeden z nich podčiarkuje skutočnosť, že naša analýza nie je založená na absolútnej úplnosti lexikálneho materiálu, pretože slovná zásoba predstavuje otvorený systém, ktorý sa rozvíja a obohacuje o nové lexémy. Výsledky našej štúdie naznačujú, že konkurencia medzi slovenskými a pôvodne anglickými slovami bude v budúcnosti ešte silnejšia a používatelia jazyka budú vyberať slovo, ktoré spĺňa ich komunikačné potreby bez ohľadu na pôvod slova.

Ďalšie výskumné perspektívy overovania danej problematiky vo veľkých korpusoch s využitím moderných korpusových metód môžu nasledujúce aspekty: ich fonetické charakteristiky; ich črty z diachrónneho hľadiska; ich začlenenie do vedeckého a hovorového štýlu; ich začlenenie do syntagmatických vzťahov slovenského jazyka a sémantické posuny v porovnaní s pôvodným významom v anglickom jazyku. Veríme, že štúdia môže byť impulzom

pre bádanie v oblasti korpusovej lingvistiky pri skúmaní aj iných skupín lexikálnych jednotiek cudzieho pôvodu.

Semantic analysis of words ending in *-ing* in journalistic texts of The Slovak National Corpus

Marta Lacková

The present paper deals with lexemes of English origin (with the terminal suffix *-ing*) that have penetrated into the contemporary Slovak language. At first, we provide fundamental principles of lexical unit adaptation together with general introduction into the characteristics of *-ing* lexemes; the attention is paid to primary features and functions of the journalistic style, as well. The aim of the research process is to investigate the semantic adaptation of these lexical units in the framework of contemporary journalistic genres. The entire linguistic material has been elaborated within the journalistic texts subcorpus of the Slovak National Corpus utilizing the search tool Sketch Engine in order to illustrate the potential of using corpora when studying manifestations of the language synchronic dynamics. To begin the research process, the frequencies of the chosen lexical units in the style have been elaborated since this numerical factor influences their behaviour from the lexicological perspective. Furthermore, we have analysed semantic relations, which the studied units of language have the capacity to demonstrate.

ROZHLADY

PETER ŽEŇUCH – SVETLANA ŠAŠERINA – MARÍNA HRÍBOVÁ*

Z výsledkov pramenného výskumu o usporiadaní a predstavách o svete v kontexte slovanských jazykových vzťahov: axiologické, etnolingvistické a kultúrne aspekty

ŽEŇUCH, P. – ŠAŠERINA, S. – HRÍBOVÁ, M.: From the results of source research on the arrangement and ideas about the world in the context of Slavic language relations: axiological, ethnolinguistic and cultural aspects. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 2, pp. 156-167 (Bratislava).

The relationship between language and culture is related to the naming of various objects, phenomena and attitudes that are part of the daily life of a person and society. Language is the source of anthropological knowledge of this relationship, while it itself reflects the development processes of society from the past to the present. The article provides an insight into the issue of research into Slavic cultural and spiritual thought, which Bulgarian, Polish, Russian, Serbian and Slovak Slavists discussed at the interdisciplinary Slavistics conference entitled „Interdisciplinary research of sources on language and spiritual culture – Slovak-Slavic connections“ (September 21–23, 2022) as part of international project cooperation.

Slavistics, ethnolinguistic, dialectology, axiology, heuristic.

Úvod

Pramenné texty naračnej i písomnej povahy petrifikujú rozmanité spoločensko-kultúrne i religiózne prejavy práve formou jazykových prostriedkov. Jazyk je nielen dôležitým svedectvom o živote a myslení v súčasnosti, ale aj v minulosti, a tak si zachováva status živého organizmu. Jazyk v každom spoločenstve však predstavuje dôležitý prostriedok na komunikáciu a na túto komunikáciu prirodzene tvorí, absorbuje a používa slová, ktoré na túto vedomú myšlienkovú činnosť nevyhnutne potrebuje. Jazyk používa na pomenovanie vecí, javov, dejov i predstáv vlastné prostriedky, alebo cudzie slová z iných jazykových systémov adaptuje vo svojom jazykovo-kultúrnom prostredí.

Práve rozmanité pramenné texty tvoria významný zdroj pre výskum jazykovo-kultúrnej pamäti o každodennom živote človeka a spoločenstva. Keďže je jazyk v prvom rade nástrojom na komunikáciu, jeho úlohou je sprostredkovať myslenie o rozmanitých viditeľných veciach, ktoré vnímame nielen zmyslami. Pomocou jazykových výrazových prostriedkov sa sprostred-

* Prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc. (orcid.org/0000-0002-5108-5425), Mgr. Svetlana Šašerina, PhD. (orcid.org/0000-0002-9130-0150), Mgr. Marína Hríbová, PhD., Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, v. v. i., Dúbravská cesta 9, 841 04 Bratislava.

kúva aj abstraktné myslenie človeka. V jazykovom spoločenstve sa tak pomocou jasne a presne dohodnutých a zafinovaných jazykových znakov dorozumievajú všetci jej členovia. Výskum prameňov o najstarších dejinách ľudskej civilizácie, o predstavách človeka o formovaní života, vesmíru a o jeho usporiadaní sa podnes nevyhnutne realizuje na základe rečovej a písomnej (literárnej) komunikácie.

Aj pamiatky materiálnej kultúry dokazujú existenciu jazykového myslenia spoločenstva, najmä ak sa podnes v jazyku nachádzajú petrifikované obrazy o kultúrnom systéme, ktoré predstavujú nielen rozmanité príslovia, pranostiky, povere, ale aj kroniky, listiny, legendy, sužety. Literárne písomné i tradované pramene sprostredkujú dobové svedectvá aj o materiálnych znakoch kultúry práve vďaka jedinečnosti jazykového znakového systému spoločenstva. Skúmanie jazyka ako kultúrnej hodnoty je preto dôležité pri poznávaní vzťahu medzi pojmom a predmetom či predstavou. Tento vzťah medzi pomenovaním a skutočnosťou sa usilujeme odkryť aj v kontexte výskumov o práve a spravodlivosti v interkultúrnom slovanskom prostredí. Treba však pripomenúť, že každý literárny zápis spravidla odráža najmä jazykové myslenie človeka o sebe samom a tiež o rozmanitých veciach, udalostiach, dejoch a súvislostiach v tých obdobiach vývinu kultúry, v ktorých jednotlivé písomné pamiatky vznikli. Tie však zároveň dokazujú aj stupeň rozvoja jazykového myslenia spoločenstva. Všetky duchovné i materiálne zdroje výskumu pritom umožňujú synergicky pochopiť formovanie symbolického myslenia človeka, a tým vytvárajú priestor pre analýzu komunikačných procesov v rámci jednotlivých jazykových spoločenstiev i medzi nimi. Treba poznamenať, že v ľudskej komunikácii (naratívnej i písomnej) sa uskutočňuje odovzdávanie informácií o aktuálnom stave myslenia spoločnosti iba prostredníctvom všeobecne zrozumiteľného komunikačného kódu.

Výber spôsobu komunikácie je pritom na pôvodcovi komunikátu. Literárny jazykový prejav však vzniká aj za účelom dokumentovať javy, myšlienky a skutočnosti, ktoré ovplyvňujú spoločenstvo v istom momente jeho vývinu. Literárny zápis komunikátu predstavuje svedectvo, ktoré nevzniká s cieľom zmeniť obsahovú súčasť myslenia o viditeľných i neviditeľných veciach a dejoch, ale práve preto, aby formou písma čo najvierehodnejšie zaznamenal aktuálny temporálny obsah jazykového myslenia človeka.

Pre súčasného vedca (jazykovedca, literárneho historika, kulturologa, etnológa, teológa) je však najdôležitejšie pochopiť význam napísaného slova nielen ako symbolu, ale najmä ako antropologického kódu myslenia. K jednotlivým znakom jazykového systému je pritom priradený konkrétny význam, ktorý je dokladom o živote človeka a procesoch kultivácie spoločnosti. Temporalita písomných prameňov pritom pomáha pochopiť práve určitý vývinový stupeň rozvoja spoločnosti a jazykovo-kultúrneho myslenia v rámci nej. Jazyk písomných prameňov predstavuje dôležitý dôkaz o hodnotových procesoch a kultúre spoločnosti.

Výskum lingvistických prameňov zahrnuje aj poznávanie jazyka ukotveného v tradovanej naratívnej kolektívnej pamäti, ktorú je rovnako možné doložiť v oblasti duchovnej a materiálnej kultúry.

Prvky tradovanej kultúrnej pamäti predstavujú aj súčasť písomných pamiatok rozmanitej tematickej povahy. Veľmi cennými sú najmä také písomne pamiatky, v ktorých sú zaznamenané práve prejavy naračného charakteru, napr. rozprávky, povesti, bájky, rozličné didaktizujúce texty a pod. Tieto naračné prejavy sa vynárajú zo zabudnutia vďaka letopisom, kronikám, kázňam, duchovným piesňam a pod. Kultúra konkrétneho jazykového spoločenstva zaznamenaná práve v takomto type písomných pamiatok dôkazy o samoidentifikácii spoločenstva, ktoré úzko súvisia s formovaním prvotných princípov o usporiadaní sveta, o práve, spravodlivosti a etickej interpolácii vzťahov v spoločenstve i s inými jazykovo blízkymi či vzdialenými spoločenstvami. Významnú rolu pri výskume takejto kultúrnej komunikácie sám jazyk predstavuje nevyhnutný

nástroj poznávania. V jazyku sa preto odráža štruktúrny vývin spoločenstva, ktorý dopĺňa práve pohľad zvonku, ktorý môže byť motivovaný aj snahami o vybudovanie medzijazykovej a medzikultúrnej komunikácie.

Práve v súvislosti s výskumami na projekte APVV-18-0032 „Mytologické predstavy o svete v naratívnych prameňoch na Slovensku v systéme slovanských jazykových a kultúrnych vzťahov“ [zodp. riešiteľka Svetlana Šašerina] sa vyššie spomínané výskumné tézy pertraktovali v dňoch 21. – 23. septembra 2022 na interdisciplinárnej medzinárodnej vedeckej konferencii, na ktorej sa zúčastnili nielen riešitelia projektu APVV-18-032, ale odzneli aj referáty slavistov, ktorí sa podieľajú aj na ďalšej výskumnej projektovej spolupráci, ktorá sa uskutočňuje na pôde Slavistického ústavu Jána Stanislava SAV. Na spomínanej konferencii sa zúčastnili najmä zahraniční odborníci zo slavistických pracovísk v Bulharsku, Poľsku, Rusku a Srbsku: z Ústavu bulharského jazyka BAV v Sofii (7 účastníkov), z Ústavu etnológie a folkloristiky s etnografickým múzeom BAV v Sofii (2 účastníci), z Cyrilo-metodského výskumného centra BAV v Sofii (2 účastníci), z Ústavu pre výskum kultúry Jagelonskej univerzity v Krakove (1 účastník), z Ústavu ruského jazyka RAV v Moskve (3 účastníci), z Ústavu ruských dejín RAV v Moskve (1 účastník), z Ústavu slavianovedenia RAV v Moskve (1 účastník), z Ústavu pre výskum slovanskej kultúry Ruskej štátnej univerzity A. N. Kosigina v Moskve (1 účastník), z Ústavu srbského jazyka SAV v Belehrade (1 účastník) a z Katedry slovenského jazyka a literatúry Univerzity v Novom Sade (1 účastník). Konferencia s názvom „Interdisciplinárny výskum prameňov o jazyku a duchovnej kultúre – slovensko-slovanské súvislosti“ prebehla v zmiešanej prezenčno-dištančnej forme a zameriavala sa na historicky a kultúrne podmienené diskurzy jazyka v kontexte duchovného vývinu spoločnosti a v rozmanitých spoločensko-religiózných podmienkach. Štyri tematické okruhy konferencie priblížili otázky súvisiace s výskumom prameňov, najmä historických a literárnych textov o pôvode, dejinách a kultúre národa. Prítomní odborníci sa venovali problematike výskumu textov, ktoré poukazujú na vnímanie duchovného, právneho a materiálneho sveta v národnom jazykovom povedomí. Osobitnú časť diskusie predstavovali aj výsledky výskumov materiálnych pamiatok poukazujúcich na vzťah medzi jazykom, religiozitou a konfesijnou identitou. Obsažnú súčasť odbornej diskusie predstavovala otázka úlohy a miesta liturgického jazyka, kresťanských náboženských obradov a učenia pri utváraní kultúrneho povedomia jazykového spoločenstva. Každý z prednesených referátov predstavoval vstup do odbornej diskusie, ktorá zdôrazňovala aplikačný kontext pramenného výskumu. Obsahovú os referátov predstavených na medzinárodnej vedeckej konferencii tvorili aj výsledky výskumov, ktoré súvisia práve s ďalšími projektovými úlohami, ktoré úzko zapadajú aj do tematických okruhov realizovanej interdisciplinárnej konferencie; ide o projekty: *VEGA 2/0002/21* Liturgický jazyk veriacich byzantsko-slovanskej tradície na Slovensku [zodp. riešiteľ Peter Žeňuch]; *MOB-OPEN-20-08* Duchovné hodnoty a tradičná kultúra [zodp. riešiteľ Peter Žeňuch]; *SASA-SAS-21-05* Slovensko-srbské jazykové vzťahy v kontexte výskumu duchovnej a materiálnej kultúry a etnických súvislostí [zodp. riešiteľka Marína Hríbová]; *VEGA 2/0067/20* Príprava a vydanie rukopisu ponaučení a výkladov k Svätému písmu z 18. storočia [zodp. riešiteľka Svetlana Šašerina] a *BAS-SAS-21-08* Jazykový obraz právneho a kultúrneho myslenia v textoch staršej slovenskej a bulharskej literatúry [zodp. riešiteľ Peter Žeňuch].

Trojdnňová interdisciplinárna medzinárodná vedecká konferencia sa uskutočnila v zhode so slavistickým vedeckovýskumným programom akademického pracoviska SAV, ktoré svoju činnosť vykonáva v úzkej spolupráci so Slovenským komitétom slavistov. Práve táto spolupráca umožňuje sieťovanie slavistických pracovísk a spolupracovníkov pôsobiacich v zahraničí, s ktorými sa uskutočňuje aj plnenie plánovaných vedeckovýskumných úloh. Sú to výskumné témy

z oblasti slovanskej axiológie a etnolingvistiky, slovanskej dialektológie a slovensko-srbských jazykovo-kultúrnych vzťahov, tiež výskumy zamerané na cirkevnoslovanský liturgický jazyk a cyrilské písomnosti v kontexte slovensko-východoslovanských a slovensko-južnoslovanských vzťahov.

Lingvisticko-historické poznávanie práva a spravodlivosti v kultúrnych dejinách Slovanov

Písomná kultúra zaznamenáva najdôležitejšie udalosti, miesta, osoby, dokumentuje panteón božstiev neba a duchov zeme i podsvetia, svedčí o hierarchickom usporiadaní duchovného i materiálneho sveta, o existencii vecí, javov, o vzťahoch v spoločenstve, v rode, rodine, o komunikácii so blízkymi i vzdialenými susedmi.

Na mytologické, historické a kresťanské počiatky dejín Slovanov v kontexte cyrilského edukačného kompendia Michala Bradača z konca 18. storočia poukázal vstupný príspevok na tému „Historický obraz o spravodlivom usporiadaní sveta u Slovanov v Bradáčovom edukačnom kompendiu z konca 18. storočia“ (P. Žeňuch, Bratislava). M. Bradač v ňom kladie dôraz nielen na dejiny cirkvi, ale aj na vzťahy, ktoré formovali kultúrne povedomie v slovenskom kontexte a vysvetľuje nimi aj osobité predkresťanské princípy slovanského religiózneho myslenia a duchovnosti.¹ Tieto princípy predstavujú spoločnú zložku mytologického myslenia Slovanov. Bradač sa zaoberá vzťahom medzi Božou pravdou a Božou vládou, ktoré vníma ako obraz spravodlivosti a teokracie, ako zdroj pre poriadok vo svete i ľudskej spoločnosti. Protiklad medzi mytologickými pohanským predstavami o svete a kresťanským myslením M. Bradač vysvetľuje nevyhnutnosťou uplatnenia kresťanských spoločensko-kultúrnych princípov v každom kultúrnom spoločenstve. Kresťanské hodnoty sú podľa tohto edukačného spisu zásadné najmä pre spravodlivé a konečné usporiadanie vzťahov ľudskej spoločnosti.

Na problematiku nadviazal príspevok „Slovanský svet a mytologická symbolika v epických skladbách Ľudovíta Žellu“ (E. Brtáňová, Bratislava), v ktorom sa Ľ. Žello predstavuje nielen ako most medzi generáciami „kollárovcov a štúrovcov“, ale sa vníma ako autor diel s klasicistickými námetmi, no s umeleckým spracovaním blízkym romantizmu.² Na túto skutočnosť poukazuje aj jeho rozsiahlejší a esteticky pôsobivý historický epos *Pád Mileducha*, v ktorom sa oživuje myšlienka slovanskej svornosti. O potrebe národnej slobody zas vypovedá kratšia lyricko-epická skladba *Rastislav*, ktorá nebola doposiaľ publikovaná v úplnosti, a tematizuje udalosti z veľkomoravských dejín. Pri znázorňovaní slovanského sveta Ľ. Žello efektívne využíva najmä motívy, výjavy a symboly inšpirované antickou i slovanskou mytológiou. Práve komparatívny pohľad na mytologické systémy Slovanov predstavila E. Brtáňová pri analýze umeleckých textov Ľ. Žellu.

Problematiku slovanského kresťanského práva na základe rozmanitých písomných prameňov priblížili dva príspevky: prvý z nich s názvom „Кой, кога, къде чете юридическите текстове“ (Kto, kedy a kde používal právne texty) bol venovaný hľadaniu odpovede na otázku, ako sa právne texty a právne normy šírili v prostredí stredovekej spoločnosti, keď ešte neexistovala knižnica, iba písárska tradícia. Tento referát sa osobitne zaoberal šírením právneho myslenia v rozličných prostrediach, napríklad v kontexte panovníckeho dvora či u aristokracie, medzi cir-

¹ Edukačné kompendium vyšlo v pramennej sérii Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae ako jej ôsmy zväzok. Žeňuch, P. – Zubko, P.: Michal Bradač – Rukoväť cirkevných dejín / Михаилъ Брадачъ – Слѣдътъмъ Исторіи Церковныя. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. VIII. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV – Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Slovenský komitét slavistov, 2021. 464 s.

² Brtáňová, E.: Na margo staršej literatúry: zo žánrovej problematiky 11. – 18. storočia. Bratislava: Ústav slovenskej literatúry SAV: Kalligram, 2012. 304 s.

kevnými predstaviteľmi a duchovnými alebo aj medzi obyčajnými veriacimi laikmi. Pri analýze komunikačného dosahu právnej literatúry autorka referátu D. Najdenovová (Sofia) vychádzala z porovnávacích textologických výskumov slovanských právnych textov,³ pričom poukazovala na fakt slabej až nízkej distribúcie rozsiahlych právnych zbierok, ktoré však boli zdrojom na ich zjednodušený výklad v podobe poučných rozprávání, úryvkov zo životov. Práve tie názorne približovali systém právnych noriem. Osobitnú rolu pri šírení cirkevno-právneho myslenia mali aj rozmanité fresky v kostoloch či ilustrácie v rukopisných knihách poučení a výkladov, ktoré sa šírili medzi ľuďmi.

Ďalší príspevok sa zamerl na odsudzovanie konania neprávostí, ktorých sa dopúšťajú vládnici. Téma tohto príspevku súvisí najmä s uplatňovaním biblickej tradície, ktorá poukazuje na skutočnosť, že neprávosti netreba nastavovať „druhé líce“, ale treba žiadať morálnu satisfakciu. Práve otázka morálnej satisfakcie dominuje v slovanskej právnickej spisbe. Príspevok na tému „«О учителя и священники, никакo же убо зло творящему не умолчите» [тема обличения неправедных властей в учительно-канонических текстах славянской книжной традиции]“ („Ó učitelia a kňazi, nemlčte pri páchaní zla“ [odsúdenie nespravodlivých autorít v poučných a kanonických textoch slovanskej literárnej tradície]) približuje najmä písomné pamiatky cirkevno-kánonického žánru, ktoré sú spoločným východiskom pre poznávanie kultúrneho vývinu pravoslávnych Slovanov, pričom etický obsah týchto textov často odsudzoval zakorenené pravidlá kniežacieho dvora a aristokratického prostredia. Už v textoch cyrilometodskej tradície, ako spomína J. Beľakovová (Moskva), bola morálna satisfakcia témou poučení a výkladov zameraných na odsúdenie vraždy či nespravodlivého súdu, ale aj chamtivosti, nezákonných manželstiev a pod. Kresťanské učenie totiž dôrazne vyžaduje od kniežat i kňazov neposudzovať bezprávny stav človeka, ba aj biskupská prísaha dokonca obsahuje ustanovenie brániť človeka pred pádom do bezprávia.⁴ Toto pravidlo sa J. Beľakovová podujala vysvetliť na príkladoch najstarších kresťanských kódexov práva ako je *Pseudozonar*, na príkladoch z poučení pre kňazov, na výkladoch zákonov cirkvi od Jána Zlatoústeho, v Poučení (Slove) o sudoch a vládcoch a tiež na základe textov Slov svätých apoštolov a svätých otcov o cirkevnej obete, ďalej Slov Simeona z Polockého, textov Kyjevsko-pečerského paterika a i. Nízky sociálny status nižšieho duchovenstva, mníchov a jednoduchých veriacich však takmer znemožňoval súdiť svetské alebo cirkevné úrady za konanie neprávostí, a preto už kyjevský metropolita Cyprián koncom 14. storočia priamo vyzýva mníchov k občianskej neposlušnosti.

Problematike času ako prvotného elementu sa v referáte „О годинахъ и часѣхъ: внимание часу а jeho одраз в писомныхъ памяткахъ карпатской провениencie“ venuje S. Šašerina (Bratislava). Poukazuje na prepojenie antropologického vnímania času v kresťanskom myslení o stvorení sveta so základným ontologickým vnímaním bytia, života, smrti, dejín a pamäti. Hoci sa dnes čas počíta v presne vymedzených úsekoch, napr. v hodinách, dňoch či rokoch, tieto časové úseky si človek zreteľne uvedomuje aj v retrospektívnom pohľade na minulosť, ktorá je antropologickou reflexiou času. Existencia minulosti je však tiež otázkou spojenou s jej opakovaným uvedením si existencie bytia, ktoré sa prejavuje v opätovnom individuálnom prežívaní spomienok. Kozmologické vnímanie času však pritom otvára priestor pre vnímanie paralelnej reality, ktorú možno prežívať napríklad v spánku alebo aj prostredníctvom rituálov, ktoré umožňujú sprítomniť minulé dej. Analýzu niektorých nadprirodzených javov v legendách

³ Najdenova, D.: Die byzantinischen Gesetze und ihre slavische übersetzung im Ersten Bulgarischen Reich. In *Scripta & e-Scripta*, 2006, vol. 3-4, s. 239-252.

⁴ Beљакова, Е. В.: „От того Божии гнев на нас и многие казни и последний суд“ (к проблеме осмысления кризисных ситуаций в православной книжности. In *Slavica Slovaca*, 2021, roč. 56, č. 3, s. 420-427.

a mytologických predstavách, ktoré sa týkajú výkladu času, autorka referátu stavia na pramených textoch zapísaných v Uglianskom zborníku Kľúč⁵ a v ďalších rukopisných písomných pamiatkach karpatskej proveniencie.

Právo a spravodlivosť: na príkladoch vzťahov v rodine, rode a spoločensve

Vývin myslenia Slovanov o pokrvných a duchovných rodinných vzťahoch a zväzkoch v kontexte pravidiel najstaršieho systému kresťanského práva priblížila téma „Осиновяването в южнославянски писмени паметници от късното средновековие“ (Adopcia v južnoslovanských písomných pamiatkach neskorého stredoveku), s ktorou vystúpila M. Tsibranská [Cibranská] (Sofia). Vysvetlila, že raný byzantský systém adopcie nezanikol ani v postbyzantskom období a preniesol sa aj do slovanského právneho myslenia, kde získal nový rozmer,⁶ ktorý M. Cibranská predstavila v kontexte nomenklatúry spojenej s najstarším slovanským právnym podložíom. Z antropologického hľadiska sa zložitý systém pomenúvania nepokrvného, nebiologického príbuzenstva začal u Slovanov používať vtedy, keď sa v komunikácii objavil aj termín označujúci osirotenosť. Termínom *sirota* označuje dieťa, ktorému zomrel jeden z rodičov alebo obidvaja rodičia. Už od čias byzantského cisára Leva Múdreho (866-912) sa adopcia v nepokrvnom vzťahu stala nielen občianskym aktom, ale aj liturgickým rituálom. Príspevok zhrnul najmä historické právne dispozície terminologického registra zameraného na adopciu, ktorý sa odvodzuje z textov najvýznamnejších byzantských kompendií prekladaných do staroslovienciny a cirkevnej slovančiny. Prameňným textom pre jej výskum je nomokánon zo 16. storočia od Zachariáša Marafaru, ktorého najstarší známy preklad v južnoslovanskom prostredí pochádza z druhej polovice 16. alebo zo začiatku 17. storočia. Svoje zistenia M. Cibranska porovnáva aj s ďalšími prameňmi, ktoré súvisia s politickou sférou i s tradičnou ľudovou duchovnou kultúrou.

Problematiku recepcie učenia svätých otcov cirkvi v starej bulharskej literatúre priblížil príspevok „За патериците и тяхната рецепция в старобългарската книжнина [„финансовите“ измерения на милосърдието]“ (O patristike a jej recepcii v starobulharskej literatúre [„finančné“ dimenzie dobročinnosti]). Analyzoval najmä poučenie o kresťanke, ktorá obrátila svojho gréckeho manžela na vieru, ktoré je zapísané v Berlínskom zborníku zo začiatku 14. storočia⁷ a ktorý je známy najmä vďaka svojmu špecifickému obsahu. Analyzované poučenie, ako ho priblížila E. Mirčevová (Sofia), tvorí aj súčasť sinajských, synoptických, abecedných jeruzalemských patristických spisov, ale šírilo sa aj samostatne ako ľudové čítanie a tiež v zbierkach výkladov a poučení rozmanitého charakteru v celom slovanskom prostredí. V kontexte recepcie staroslovienskej písomnej kultúry má práve analyzované poučenie dôležité postavenie.⁸ Vďaka textologickej analýze je možné sledovať premeny lingvistickej i obsahovej zložky didaktizujúceho textu, ktorý sa týka aj rodinných vzťahov.

Obrazom hodnotového systému rodu a príbuzenstva v dejinách ľudskej spoločnosti i v aktuálnom spoločenskom diskurze sa venoval aj príspevok na tému „Аксиологични аспекти

⁵ Šašerina, S.: Dva uglianske rukopisy poučenie a exempel z 17. storočia / Две углянские рукописи поучений и притч XVII века. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. VI. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV – Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2019. 656 s.

⁶ Tsibranska-Kostova, M. – Naydenova, D.: From the Nomocanon Cotelerii to the Slavonic Pseudo-Zonaras nomocanon: the history and reception of compilations of canon law among the 14th century Balkan slavs. In Travaux et mémoires, 2021, roč. 25, č. 1, s. 361-390.

⁷ Miklas, H. – Taseva, L. – Jovčeva, M.: Berlinski Sbornik. Sofia – Wien: Кирило-методиевски научен център – Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006.

⁸ Мирчева, Е.: Староизводните и новоизводните сборници – преводи, редакции, преработки, книжноезикови особености. София, изд. „Валентин Траянов“, 2018, 396 s.

в семейната обредност [прояви на опозицията свой – чужд]“ (Аxiологиче аспекты в роднинских обрeдoч [прeявy oпoзициe влaстнý – чyдзý]) (M. Kitanovová, Sofia). Zaoberal sa predstavami človeka o sebe samom, rodine, rode, o spoločnosti a o vzťahu k susedom i cudzincom, ktorých človek stretáva v rozmanitých situáciách každodenného života.⁹ Binárna opozícia, ktorá má silne antropocentrický charakter, sa spája s celým hodnotovým spektrom, ktorý sa odráža v terminológii. M. Kitanovová sa sústredila najmä na terminológiu svadobných a pohrebných obradov. Práve rituálne obrady a obradové texty na svadbu a pohreby sú vo svojej podstate antonymné oblasti, hoci rituálne prejavy môžu navodzovať pocit zrkadlového vnímania procesov súvisiacich so vznikom i zánikom rodinných vzťahov, ktoré sa potvrdzujú v rámci pohrebných i svadobných rituálov.

Prepojenie členov rodiny s rodinnou pamäťou predstavuje zaujímavý obraz o kontinuite vnímania rodu. Práve snaha pochopiť procesy zachovávanía rodovej pamäti sa stala ústredným miestom analýzy Rajny Roždestvenskej (Sofia) v príspevku s názvom „Rodinná konštelácia ako regulátor rodinných vzťahov v slovenskom a bulharskom prostredí“. Sústredila sa na psycholinguvistickú analýzu vzťahu príslušníkov rodiny k rodovej pamäti a jej odovzdávaniu z generácie na generáciu, pričom sledovala vplyv osudu jednotlivca na vnímanie rodovej línie.

Na špecifickú výskumnú terminológiu spojenú s pomenovaniami vlasov a účesov, ktoré T. Ilieová (Sofia) získala na základe excerpcie stredovekých slovanských literárnych pamiatok, poukázal príspevok „Външният вид на средновековния човек по езикови свидетелства в литературните паметници на Slavia Orthodoxa [коса и прическа]“ (Jazykové doklady o vonkajšom vzhľade stredovekého človeka v literárnych pamiatkach v kontexte Slavia Orthodoxa [vlasý a účes]). Príspevok nadviazal na výskum sémantiky vybraných pomenovaní,¹⁰ ktoré v prípade tohto príspevku súviseli so spôsobmi nosenia a udržiavania vlasov a účesov v minulosti. Okrem konkrétnych substantívnych pomenovaní boli analyzované aj lexémy označujúce procesy udržiavania účesov, išlo najmä o slovesá vyjadrujúce dej zameraný na starostlivosť stredovekého človeka o vlasy a účes, ďalej to boli pomenovania produktov vyrábané za účelom starostlivosti o vlasy a tiež pomenovania rozmanitých vlasových ozdôb.

Dialektologické a etnolinguvistické súvislosti slovanskej kultúry: naratívy, terminológia a tradícia

Pod označením mytologická próza sa rozumie prevažne ústne šírené folklórne rozprávanie, ktorého základom je opis či reflexia zážitku, ktorý je založený na osobnom kontakte človeka s bytosťami alebo javmi, ktoré sám rozprávač pokladá za neobyčajné, mytologické, nadprirodzené. V kontexte výskumov podstaty mytologickej prózy na Slovensku¹¹ sa do pozornosti Kataríny Žeňuchovej (Bratislava) v príspevku „Status mytologických naratívov vo svetle výskumov vzťahu jazyka a kultúry“ dostali aj otázky terminologickej rôznorodosti a jej nejednoznačnosti najmä vo vzťahu k žánrovému vymedzeniu prozaických mytologických textov. V príspevku sa poukázalo najmä na to, že mytologické texty obsahujú aj špecifické funkcie, ku ktorým patria napríklad rozmanité axiologické parametre a systémy, ktoré pôsobia najmä pri ochrane pred negatívnym pôsobením z prostredia ireálneho sveta démonov.

⁹ Китанова, М.: Род, семья и дом в болгарской культуре и языке. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. 184 с.

¹⁰ Илиева, Т. Терминологичната лексика в Йоан-Екзархovia превод на De Fide Orthodoxa. София: П-ца „П.П. Славейков“, 2013, 406 с.

¹¹ Женьухова, К.: Состояние и перспективы развития этнолингвистических исследований в Словакии. In Nebrzegowska-Bartmińska, S. – Głaz, A. (red.): Etnolingwistyka – bilans dyscypliny: stan badań. Metody i postulaty badawcze. Tom 1. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2022, s. 183-198.

K cenným pohľadom do problematiky mytologických naratívov patril aj príspevok Maríny Valencovovej (Moskva) s názvom „Образ духовного и материального мира в демонологических представлениях славян“ (Obraz duchovného a materiálneho sveta v demonologických predstavách u Slovanov). Poukázala v ňom na lingvistické a filozofické súvislosti vzniku mytologických predstáv o usporiadaní sveta u Slovanov. Sústredila sa najmä na vnímanie kauzálnosti medzi dobrom a zlom, pravdou a klamstvom, spravodlivosťou a nespravodlivosťou a tento vzťah analyzovala na príklade slovenskej kultúry.¹² Na tento svoj výskum nadviazala aj analýzou ďalších mytologických motívov v prozaických textoch s poverovými, axiologickými a didaktickými naratívami, ktoré autorka príspevku získala počas realizácie viacročných terénnych výskumov na Slovensku. Poukázala však aj na ďalšie rozmanité doposiaľ málo analyzované sužety, ktoré sa vyskytujú v naratívnych textoch na Slovensku. Patria k nim napríklad tie, kde démoni a zlé bytosti nielen škodia človeku, ale tým, že trestajú ľudí za zlé správanie, za chamtivosť, bezcitnosť, faloš či pretváрку, činia spravodlivosť ukrivdeným.

Základ slovenskej ľudovej kultúry predstavujú najmä ustálené mytologických predstavy. Rôzne oblasti etnokultúrneho priestoru však ovplyvnila a podnes ovplyvňuje kresťanská tradícia, ktorá v neskoršom období formovala aj vnímanie života človeka vo svete. Na prieniku slovenskej mytológie a organizovaného, kodifikovaného katolíckeho systému sa sformoval aj slovenský ľudový katolicizmus. Laura Belicajová (Bratislava) si v príspevku „Mytologicko-kresťanská symbolika rastlín počas slávenia sviatkov“ všíma najmä vzťah medzi kresťanstvom a mytologickým duchovným systémom ročného poľnohospodárskeho cyklu. Ľudová kultúra tento obsah dnes interpretuje nielen v kontexte s tradičnými prírodnými a mytologickými predstavami, ale aj cirkevnými sviatkami. Poukázala tak na prepájanie protikladných religióznych systémov: mytologicko-pohanského a kresťanského. Toto synkretické spojenie sa prejavuje práve aj pri slávení rozmanitých kresťanských sviatkov, v rámci ktorých dochádza napríklad k posväcovaniu rastlín. Na základe analýzy folklórnych rozprávání, ktoré zaznamenali najmä dialektológovia, je práve symbolika rastlín významným zdrojom výskumu medzijazykových a interkultúrnych súvislostí.

V spoločnom príspevku Rajny Roždestvenskej (Sofia) a Vladimíra Penčeva (Sofia) sa tiež analyzuje problematika ľudového názvoslovía tradičných kalendárnych sviatkov a ich interkonfesionálny pravoslávno-katolícky rozmer, ktorý dokumentujú na príkladoch z bulharčiny a slovenčiny. Obidvaja autori príspevku „Народные названия традиционных календарных праздников в православном и католическом мире [на примерах из болгарского и словацкого языка]“ poukazujú na to, že aj napriek konfesionálnym rozdielom sa v slovanských jazykoch v prevažnej väčšine udržali označenia sviatočných dní, období a udalostí, ktoré v kontexte duchovnej rozmanitosti národných konfesionálnych tradícií do veľkej miery reflektujú spoločný slovanský pohansko-kresťanský synkretizmus.

Na problematiku výskumu pohansko-kresťanského synkretizmu nadviazal aj príspevok Jakuba Kuráka (Bratislava) s názvom „Jazyk a religiozita v oblasti Potisia a pohraničia severovýchodných Karpát: obraz synkretizmu pohanskej a kresťanskej kultúry na prahu troch dynastií,“ v ktorom hlavnú konceptuálnu os predstavujú interpretácie dokladov religiózneho, jazykového a kultúrneho (materiálneho) charakteru. J. Kurák poukázal na viac aspektov synergického vnímania vzťahov medzi politicko-mocenskou dominanciou a subordináciou, ktorá je typická najmä v okrajových oblastiach formujúcich sa nových štátnopolitických priestorov. Periférne oblasti sú síce výrazne mimo dosahu mocenských centier, no ich vplyv na kultúrno-religiózny

¹² Валенцова, М.: Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. Москва: «Индрик», 2016. 616 с.

vývin sa prejavuje neustále v kontexte stretávania sa rozmanitých kultúrno-spoločenských systémov. Na prelome 10. a 11. storočia takýmto periférnym priestorom patrilo aj Potisie, ktoré sa nachádzalo na hranici politickej sféry vplyvu z uhorského, bulharského a rus'kého kultúrno-politického prostredia.

Jazykové a lingvokultúrne osobitosti vnímania seba samých v kontexte aktuálnych interkultúrnych identifikačných procesov dominovali v príspevku Vladimíra Penčeva (Sofia) s názvom „Vlast jako symbol, aneb ještě jednou o názvech organizací bulharských komunit v zahraničí“. Poukázal v ňom na jednoznačnosť bulharskej identity a na vysokú úroveň kultúrneho povedomia najmä v uvedomelom vzťahu k bulharskej vlasti a domovine.¹³

Tematicky príbuznej téme sa venovala aj Ivana Slivková (Prešov) v príspevku „Jazyk ako národný symbol v historickej pamäti Bielorusov.“ Na základe vybraných textov bieloruskej literatúry I. Slivková poukázala na rozdiely vo vnímaní pojmov národ a národnosť v rus'kom priestore, ktorý podnes ideologicky podmieňuje najmä politicky vyjadrovaný diskurz. Na základe analýzy rozmanitých literárnych textov sa pokúsila o interpretáciu kultúrnych špecifik, ktoré v kolektívnom povedomí Bielorusov tvoria východisko pre národné a konfesijné videnie rozdielov medzi poľským a ruským jazykovým prostredím.¹⁴

Vzťah medzi pomenovaniami jazyka ako anatomického orgánu a jazyka ako abstraktného pojmu (reč) v kontexte identity jazykového spoločenstva predložila na základe paremiologických výkladov Joanna Kirilova (Sofia) v príspevku „Развитие на концепта език – минало и настояще“ (Vývin vnímania pojmu jazyk v minulosti a prítomnosti).

Výskum vzťahu jazyka, nárečia, národného povedomia a kultúry súvisí s kultivovaným jazykovým myslením národných spoločenstiev. Ako príklad môžu poslúžiť napríklad srbsko-slovenské jazykové kontakty a súžitie slovenskej enklávy na Dolnej zemi so srbskou majoritou v Srbsku. Tomuto tematickému okruhu sa výskumne venuje Marína Hríbová (Bratislava) a svoje aktuálne výskumy jazyka dolnozemskej Slovákov¹⁵ prezentovala aj v príspevku „Súčasný stav slovenských nárečí v Srbsku (na príklade analýzy získaných nárečových prejavov)“. Poukázala však na to, že stav slovenských nárečí v enklávnom spoločenstve v Srbsku sa po uplynutí viac než polstoročia od uskutočnenia posledného rozsiahleho nárečového výskumu, ktorý viedol J. Štolc, do veľkej miery zmenil. Základnou ambíciou výskumu M. Hríbovej je na základe zozbieraného naratívneho materiálu sledovať kontexty vzťahu slovenských nárečí v Srbsku nielen k nárečiam na súvislom území materskej krajiny, ale predovšetkým k južnoslovanskému prostrediu. Aplikujúc metódy Jozefa Štolca zohľadňuje vlastnosti nárečového systému Slovákov prinesené zo starej vlasti a zakonzervované, ale aj viaceré modifikačné procesy, ktoré sa utvorili pod vplyvom nového jazykového okolia na Dolnej zemi. Tento postup umožňuje poznávať nielen vnútornú štruktúru jazyka, ale zároveň aj sledovať mieru kontaktov s inými jazykmi, kultúrami a vierovyznaniami, ktoré našli svoje pôsobisko v tom istom geografickom priestore Vojvodiny.

Slovanský priestor poskytuje mnoho dôkazov o kultúrnom rozvoji jazykového myslenia, ktorý bol ovplyvnený z jazykovo a kultúrne diverzifikovaného európskeho prostredia. Vďaka komunikácii latinských a byzantsko-gréckych antických a kresťanských spoločenstiev nastala

¹³ Пенчев, В.: Българските общности в Средна Европа. Формиране, битуване, идентичности. София: Парадигма 2017. 231 s.

¹⁴ Slivková, I.: Spisovný jazyk ako aspekt kultúrnej identity (slovensko-bieloruský kontext na základe prác S. Cambela a J. F. Karského). Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Filozofická fakulta, 2021.

¹⁵ Hríbová, M.: Konsonantický systém slovenských nárečí v Srbsku a vybrané suprasegmentálne javy. In Slavica Slovaca, 2021, roč. 56, č. 2, s. 153-168; Hríbová, Marína. Vokalický systém slovenských nárečí v Srbsku. In Slavica Slovaca, 2021, roč. 56, č. 1, s. 26-36.

slovenská konceptualizácia hodnotového spektra, ktorá je typická pre svetskú a cirkevnú tradíciu. Hodnotový systém Slovákov je tak odvodený z neustálej kultúrnej komunikácie a spolunažívania, ktorého výsledkom je hodnotová synergia prejavov, ktoré sa formovali v kontexte európskeho kultúrneho myslenia.

Synergia axiologických a liturgických systémov slovanskej každodennej kultúry

Jazyk je nielen nástrojom každodennej komunikácie, ale vníma sa aj ako národno-identifikačný a národno-integračný činiteľ. Je natrvalo spätý s trvalo platnými kultúrnymi a hodnotovými princípmi, ktoré odrážajú pravidlá života spoločnosti, ktorá jazyk používa ako základ svojej kultúrnej pamäti a ako dôkaz národného kontinua. Jazykové povedomie je vyjadrené v dejinách jazyka, ktorý tvorí systém znakov a termínov (pojmov, slov), ktoré vznikli v kontexte s historickým vývinom spoločnosti. Každý jazyk má preto etnoidentifikačnú funkciu, je nezameniteľným atribútom národného spoločenstva, ktoré ho používa a ktorým sa odlišuje od svojich blízkych i vzdialených susedov.

Axiologické a sémantické výskumné pohľady do problematiky jazyka preto svedčia nielen o jeho používaní v spoločenstve, ale poukazujú na jeho vzťahy s inými jazykovými spoločenstvami. Takým je napríklad aj o obraz vzťahu bulharského jazyka k prevzatiam z iných jazykov. Prevzatia dobre dokumentujú jazykové kontakty, do ktorých Bulhari vstúpili v priebehu storočí svojho vývinu.¹⁶ Obraz o bulharskom jazykovom areáli poskytujú príspevky zamerané na etnolingvistickú charakteristiku pomenovaní označujúcich *čiapku* (Названия на шапката в историята на българския език и култура). Vaňa Mičevová (Sofia) na príklade prevzatí *šapka, kolpak, gugla, kapela, kauk, kušma* poukazuje na rozmanité interetnické súvislosti a formanty uplatňovania tohto pomenovania pokrývky hlavy v jazykovom systéme bulharčiny.

Axiologicko-sémantický výskum termínov *smiech, plač* v príspevku „Смехът и плачът в българския език и култура“ (Smiech a plač v bulharskom jazyku a kultúre) Kalína Mičevová-Peješevová (Sofia) založila na excerpzii bulharských parémii, ľudových povier, legiend, verbálnych prejavov, a tak nadviazala na etnolingvistický výskum terminológie ovplyvnenej ľudovými rituálnymi praktikami.¹⁷ Analyzovala najmä sémantické jadro lexém a slovných spojení spätých s pomenovaniami radosti alebo smútku, ku ktorým patria aj sémantické opozície *smiech – plač, život – smrť, zdravie – choroba, mladost’ – staroba*.

Aj príspevok Mariany Vitanovovej (Sofia) „Пътят и пътуващият човек в българската лингвокултура“ (Cesta a cestujúci v kultúre bulharského jazyka) súvisí s výskumom axiologických lingvokultúrnych prejavov. Dôraz kladie na opozíciu *vlastný – cudzí, stagnácia – pohyb*, ďalej na pojmy *cesta, križovatka, cestovateľ, cudzinec, pirát* a pod., ktoré sa vyskytujú v bulharskom jazyku i v ďalších slovanských jazykoch, čím nadviazala na svoje lingvokulturologické výskumy axiologických konceptov *práca, dedina, mesto*, ktoré tvoria súčasť frazeológie slovanských jazykov.¹⁸

Pomenovania farieb v slovenčine a v srbčine poskytuje porovnávacia analýza ich definícií vo výkladových slovníkoch a v encyklopédiách dostupných v slovenčine a v srbčine. Príspevok Anny Makišovej (Novi Sad) a Dragany Radovanovičovej (Belehrad) poukázal na interferencie a zhody v pomenovaniach základných farieb a ich farebných odtieňov a kombinácií.¹⁹ Sledovalo

¹⁶ Мичева, В.: Паратактични отношения в историята на българския книжовен език. София: Диомира, 2013. 310 s.

¹⁷ Мичева-Пейчева, К.: Сакральная чистота и профанная нечистота. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2016. 116 с.

¹⁸ Витанова, М.: Языковые фрагменты. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. 93 с.

¹⁹ Problematike slovensko-srbských vzťahov sa A. Makišová venuje aj v monografii Slovenčina v kontakte so srbčinou. Nový Sad: Slovakistická vojvodinská spoločnosť, 2017.

sa najmä prispôsobovanie slovenčiny fonologickej a morfolologickej roviny v srbčine. Lexikálne jednotky pochádzajú z výkladových slovenských a srbských slovníkov.

Osobitný tematický okruh predstavujú aj príspevky s liturgickou tematikou, ktorá je viac či menej aktualizovaná na dnešné jazykovo-kultúrne pomery. Pre cirkevné povedomie súčasnosti sú charakteristické najmä archaizujúce tendencie, ktoré počítajú s uplatňovaním jazykového systému stredovekého kresťanského dedičstva, predsa však treba mať na zreteli najmä potreby moderného veriaceho človeka. Aj z tohto dôvodu je príspevok Aleksandra Kraveckého (Moskva) s názvom „В поиске единства традиции: опыты включения в богослужбную практику Нового времени средневековых текстов“ (Hľadanie jednoty v tradícii: Skúsenosti so začleňovaním stredovekých textov do liturgickej praxe modernej doby) mimoriadne aktuálny a užitočný pre širší slovensko-slovanský výskumný kontext, ktorý sa zameriava na revízie prekladov biblických a liturgických textov. Každá revízia liturgického či biblického textu musí byť zmysluplná a lingvisticky zdôvodnená,²⁰ aby klasický stredoveký liturgický alebo biblický text poskytol nový priestor na pochopenie zmyslu kresťanských antických i stredovekých textov. Nemožno preto zabúdať na to, že moderný jazyk používa moderné vyjadrovacie prostriedky, ktorých cieľom je podať sémanticky ucelenú informáciu. Na túto problematiku nadväzuje aj príspevok Aleksandry Pletnevovej (Moskva) s názvom „Гравированные молитвы XVII–XVIII веков как источник изучения религиозных практик и религиозного сознания“ (Gravírované modlitby zo 17. – 18. storočia ako prameň pre výskum náboženských praktík a religiózneho povedomia), v ktorom sa poukazuje na to, ako sa stredoveká písomná tradícia a kultúra modernej doby navzájom ovplyvňujú.

Problematiku liturgicko-religiózneho charakteru uzatvárajú tri príspevky poukazujúce na duchovno-didaktický rozmer bohoslužobného slávenia a pastorácie. Ide o príspevok Anny Lancevovej (Moskva), ktorá na príklade služby svätému českému kniežaťu Václavovi v príspevku s názvom „Стихиры-подобны в ранней службе святому Вячеславу Чешскому“ (Stichiry v službe svätého Václava Českého) vysvetľuje spájanie životopisu svätca s metaforickými pomenovaniami. Jednotlivé veršové slohy bohoslužobných spevov utierne a večierne často opisujú Václava ako milostivého otca, patróna ponížených, osloboditeľa väzňov, liečiteľa chorých a pod. Metafory, alegórie, zložité epitetá sú základnými výrazovými prostriedkami liturgického textu, ktorý poskytuje priestor pre úctu k svätému, ktorý sa vníma aj ako patrón kniežacej moci a kniežacích rodín.

Príspevok Šimona Marinčáka (Bratislava) s názvom „Гимнус *Svetlo tiché* в византийской церковно-литургической традиции“ analyzuje jednu z najstarších hymnografických pamiatok byzantského obradu, ktorá sa v 9. storočí spolu s ostatnými bohoslužobnými textami dostala aj do slovanského prostredia a na Veľkú Moravu. Príspevok Petra Zubka (Bratislava) s názvom „К проблематике словенских католических молитвенных книжечек з 19. столетия пре посполитý ľud“ zas vysvetľuje potrebu vydávania modlitebníkov vo vernakulárnych jazykoch pre ľud. Práve tie sú nedoceneným spirituálnym, historickým i literárnym a jazykovým prameňom.

Záver

V písomnej kultúre Slovanov sa uchováva obraz o jazykovo-historickom vývine spoločností a o ich vzájomných vzťahoch. Aj preto vývin myslenia spoločnosti o *práve* a *spravodlivosti*, o kontinuite *rodu*, *rodiny* a *spoločnosti* dokumentujú najmä písomné pramene. Sú to

²⁰ Кравецкий, А.: Проблема языка богослужения: 150 лет назад и сегодня. In Язык православного богослужения: история, традиции, современная практика. Нижний Новгород: ООО «Беремот-НН, 2019, s. 8-37; Кравецкий, А. Г. – Плетнева, А. А.: История церковнославянского языка в России (XIX-XX вв.). Москва: «Языки русской культуры», 2001.

nevyčerpatel'né a jedinečné svedectvá jazykovo-kultúrneho myslenia Slovanov od najstarších čias po súčasnosť. Obsahujú jednak odkazy na mytologické predstavy, na pohansko-kresťanský synkretizmus a tiež pomocou literárnych záznamov dokumentujú aktuálne a moderné formy vnímania kultúrnej identity. Písomnosť rozličného charakteru umožňujú sledovať jazykový vývin slovanského prostredia, jeho hodnotové a duchovné zdroje. Dovoľme si tvrdiť, že literárny zápis je vysoko cenená forma svedectva, ktoré umožňuje etnolingvistický, axiologický, kulturologický a jazykovo-historický výskum, ktorý sa uskutočňuje v synerгии rozmanitých výskumných prístupov zameraných na poznávanie slovesnej kultúry. Mnohí letopisci, kronikári, zberatelia naratívov a ďalší predstavitelia literárneho (písaného) umenia zdôrazňujú nielen jedinečnosť, ale aj autentickosť zápisov tým, že tradovaná slovesná kultúra postupne opúšťala svoju starobylú a pôvodnú podobu, preto temporálne identifikovaný záznam reči a jeho analýza je čo do obsahu i formy jedinečným dokumentom o vývine kultúrneho a jazykového povedomia.

Из результатов исследования источников об организации мира и представлениях о миропорядке в контексте славянских лингвистических отношений: аксиологический, этнолингвистический и культурный аспекты

Петер Женьюх – Светлана Шашерина – Марина Гриб

Письменная культура славян сохраняет картину историко-лингвистического развития и взаимоотношений отдельных славянских и неславянских культурных сообществ. Именно поэтому образ мышления общества о праве и справедливости, о преемственности рода, семьи и общества зафиксирован в письменных источниках. Они представляют собой неисчерпаемые и уникальные свидетельства духовной культуры славян с древнейших времен до наших дней. Статья представляет собой резюме взглядов на исследование славянской культурной и духовной мысли, представленных болгарскими, польскими, русскими, сербскими и словацкими славистами на интердисциплинарной славистической конференции “Интердисциплинарное исследование источников о языке и духовной культуре — словацко-славянские взаимосвязи” (21-23 сентября 2022) в рамках международного проектного сотрудничества.

ЗВОНКО ТАНЕСКИ*

Македонската книжевност во научниот и во преведувачкиот опус на словачкиот славист Јан Јанкович (1943 – 2021)

TANESKI, Z.: Macedonian literature in the scientific and translation oeuvre of the Slovak Slavist Ján Jankovič. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 2, pp. 168-177 (Bratislava).

The aim of the paper is to present in a complete and complex form the scientific and translation oeuvre of the renowned Slovak Slavist and academician Dr. Ján Jankovič dedicated to Macedonian literature and culture. In the study, we list precisely all bibliographic registers that will reflect and explain the rich stock of translations and texts of Ján Jankovič that have been published in magazines, in special books and in encyclopedic editions. We will also provide an overview of the news and critical echoes of his „Macedonian“ works that were published in a wider time range both in the Slovak and Macedonian cultural space, but also outside of it.

Macedonian-Slovak literary relations, Ján Jankovič, Slovak Slavistic, scientific oeuvre.

Намерата на нашата студија е да го претстави за прв пат кај нас и во комплексна форма научниот и преведувачкиот опус на словачкиот академик д-р Јан Јанкович посветен на македонската книжевност и култура. Јан Јанкович (1943 – 2021) е неспорно еден од најголемите агитатори на македонската литература во словачката културна средина до денес, погледнато и од квантитативен и од квалитативен аспект. Впрочем, Јан Јанкович беше долг период восприеман во пошироката јавност како етаблиран научник и докажан словачки стручњак за јужнословенските книжевности, а воедно е досега и најпродуктивниот преведувач и афирматор на македонската книжевност на словачко тло. Импозантен е неговиот научен и преведувачки опус кој е речиси целосно посветен на елаборирањето и растајнувањето на книжевно-историските идеи во словенскиот свет. Автор е на повеќе научни монографии и на публицистички книги, а на своето konto има дури 150 преведени и објавени дела од хрватската, српската, словенечката и македонската литература. Повеќето од тие преводи Јанкович ги објави во својата издавачка куќа „Југа“ со седиште во Братислава, каде што досега се објавени и собраните драми на Горан Стефановски, драмата „Р“ од Јордан Плевнеш, како и првата научна монографија за словачко-македонските книжевни и културни врски од Звонко Танески, каде што тој се јавува и во улога на стручен редактор и на главен рецензент.¹

Што се однесува поконкретно до македонската рефлексива и рецепција на научното и преведувачкото дело на овој словачки академик во македонскиот културен контекст, треба да се признае дека досега беше Јан Јанкович од македонска страна одликуван единствено со „Благодарница за ценет придонес во афирмацијата на македонската литература“ што

* Doc. PhDr. Zvonko Taneski, PhD., Katedra slovanských filológií Filozofickej fakulty Univerzity Komenského v Bratislave, Gondova 2, 811 02 Bratislava, Slovenská republika.

¹ Taneski, Z.: Slovensko-macedónske literárne a kultúrne vzťahy. Bratislava: Juga / Ústav svetovej literatúry SAV, 2009, 304 s. Vedecký redaktor: Ján Jankovič.

му ја доделило Друштвото на писателите на Македонија на 20 ноември 1977 година.² Оттогаш поминаа повеќе децении во кои Јанкович неуморно преведувал и ги популаризирал книжевностите од просторите на поранешна Југославија во ареалот на денешна Словачка, а во тие рамки ѝ се посветил несебично и на македонската литература. Токму и затоа, Институтот за македонска литература при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје му додели заслужено на акад. Ј. Јанкович посебна плакета за неговиот целоживотен ангажман во полето на презентацијата на македонската литература во Словачка. Плакетата му ја врачи директорката на институтот – проф. д-р Маја Јакимовска-Тошиќ во Братислава на 6 декември 2017 година, непосредно по свеченоста организирана од страна на Асоцијацијата на писателски здруженија на Словачка по повод доделувањето на наградата „Павол Ораг Хвиездослав“ за 2017 година за квалитетно реализираните преводи од словачката литература на македонски јазик на Звонко Танески.³

Според бројот на книжно издадените литературни дела, Јанкович го држи приматот во преведувањето книжевни дела од македонски на словачки јазик. Општите заслуги на акад. Јанкович што сметаме дека треба да им бидат познати на поширокиот културен круг во Словачка и во Македонија се тие дека братиславскиот театар *Нова сцена* го инсценирала преводот на Јанкович на драмата *Парадоксот на Диоген (Diogenov paradox)* од Томе Арсовски, досега единствената македонска театарска претстава (одиграна на словачки јазик) инсценирана на словачката професионална театарска сцена. Исто така, освен преводот на Кочо Рацин во 1990 година (Бели мугри / Biele úsvity), кој го подготви заедно со Вилијам Марчок, Јан Јанкович самостојно превел и две книги за деца и младина и тоа *Пријателите Бон и Бона (Priatelja Bon a Bona)* од Оливера Николова и *Летувалиците од Славино (Vzrušujúce leto)*, потоа драмата *Рацин (Racin)* од Борис Вишински во 1983 година, собраните драми на Горан Стефановски во 2009 година, како и драмата „Р“ од Јордан Плевнеш во 2010 година. Најпрвин, две драми од Г. Стефановски публикувал Јанкович и во периодиката. Амаатерскиот театар од Брезно го поставил на сцена преводот на драмата *Тетовирани души (Tetované duše)* во 1992 година. Податоци за неговата активност се наоѓаат, исто така, во различни енциклопедии и речници, а од негова страна е, пак, и македонската литература презентирани и афирмирани во репрезентативни словачки речници, енциклопедии и антологии.⁴ Тој е претставен со кратка белешка и во *Лексико-*

² Види повеќе: (а.к.н): Зголемено интересирање за македонската литература во Словачка. In: Нова Македонија, Скопје, 10. 7. 1977; Благодарница од Друштвото на писателите на Македонија (Дејноста на Јан Јанкович во Словачка). In: Нова Македонија, Скопје, 10. 7. 1977.

³ Види повеќе – во Словачка: Komorovská, V.: Laureát Ceny P. O. Hviezdoslava 2017. In: Romboid, roč. 52, č. 9/10, 2017, s. 173; Komorovská, V.: Cena P. O. Hviezdoslava. In: Literárny týždenník, roč. 30, č. 41/42, 2017, s. 15; Komorovská, V.: Ceny AOSS. In: Knižná revue, roč. 27, č. 12, s. 3; Hochel, I.: Laudáció Zvonkovi Taneskému. In: <http://www.kns.sk/cenahviezdoslav.html> (Jan. 2018); Dve ocenenia pre našu slavistiku. In: https://fphil.uniba.sk/detail-aktuality/back_to_page/filozoficka-fakulta-uk/article/dve-ocenenia-pre-nasu-slavistiku/, 16. 02. 2018; Stojmenska-Elzesser, S.: Vzájomná úcta. In: Romboid (Literatúra – Život – Literárna a umelecká reflexia), roč. 53, č. 3-4, 2008, s. 166-170; Jakimovska-Tošić, M.: Preklady ako základ pre porovnávacie výskumy literárnych a kulturologických kontextov (alebo ako preklad vydobýja nový kultúrny priestor). In: Romboid (Literatúra – Život – Literárna a umelecká reflexia), roč. 53, č. 3-4, 2008, s. 171-173, и во Македонија: Две најпрестижни словачки награди за Звонко Танески. In: ПлусИнфо, Скопје, 09. 12. 2017; Две најпрестижни словачки награди за Звонко Танески. In: Канал 5, Скопје, 09. 02. 2017; Две најпрестижни словачки награди за Звонко Танески. In: www.ohridsky.com, Охрид, 09. 12. 2017; Две најпрестижни словачки награди за Звонко Танески. In: tv21.tv/mk/?p=157310, Скопје, 09. 12. 2017.

⁴ Види на пример: Kněžek, L. (zost.): Encyklopédia literárnych diel. Bratislava: Obzor, 1989. 864 s. Z macedónskej literatúry: Arsovski, T.: Diogenov paradox; Čašule, K.: Tmy; Čingo, Ž.: Veľká voda; Iljoski, V.: Utečienka; Janevski, S.: Dedina za siedmimi jaseňmi, Chlieb a kameň; Krle, R.: Peniaze sú zločin; Miladinov, K. – Miladinov, D.: Zborník ľudových piesní; Racin, K.: Biele úsvity; Višinski, B.: Tiene a smäd (Autor textov – Ján Jankovič); Čašule, K.: Heslo o autorovi. In: Encyklopaedia Beliana. Zväzok 3. Bratislava: Encyklopedický ústav SAV – Veda, vydavateľstvo SAV,

нот на странски македонисти,⁵ кој се објави во Македонија во 2008 година. Јан Јанкович е носител на многу домашни и странски признанија за научна дејност, за книжевен превод, како и за популаризација на словенските литератури.⁶

Подолу во текстов ќе се обидеме да го претставиме детално целокупниот „македонистички“ багаж на акад. Јан Јанкович со помош на прецизните библиографски регистри што ќе го отсликаат богатиот фонд на преводи и текстови на Јан Јанкович кои биле објавени во списанија, во посебни книги, во енциклопедиски изданија, а исто така ќе ги приложиме на увид и новинските и критичките одгласи на неговите „македонистички“ трудови што биле објавувани и во еден поширок временски дијапазон и во словачкиот и во македонскиот културен простор, но и надвор од него (некои рецензии за неговата „македонистичка“ активност, на пример, објавени и во Чешка и во Србија).

Имено, академик Јан Јанкович почнува да објавува преводи од македонската книжевност во словачката периодика уште од 1964 година и забележливо е притоа дека во неговiot избор се вклучени автори со различни профили и тоа: автори за деца и младина, поети, прозаисти, драматурзи и критичари. Сите тие преводи и текстови се објавувани во познати списанија и во репрезентативни зборници што сведочи и за тоа дека Јан Јанкович се трудел што е можно пошироко и посеопфатно да им ја претстави македонската литература на словачките читатели. Затоа, ја наведуваме, еве, листата на преводи од македонската книжевност, како и критичките текстови посветени на автори и на дела од корпусот на македонската книжевност, кои Јан Јанкович самиот ги напишал или ги превел од македонски јазик и потоа ги објавил во **словачката периодика**. Регистрите се подредени хронолошки, според годината на нивното појавување.⁷ Еден стручен краток текст на Јан Јанко-

2003, s. 35; Čingo, Ž.: Heslo o autorovi. In: Encyklopaedia Beliana. Zväzok 3. Bratislava: Encyklopedický ústav SAV – Veda, vydavateľstvo SAV, 2003, s. 121 (Autor hesiel: Ján Jankovič).

⁵ Доровски, И.: Јанкович Јан. In: Лексикон на странски македонисти (Автори-приредувачи: Иван Доровски и Емилија Црвенковска). Скопје: Универзитет Св. Кирил и Методиј – Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, 2008, стр. 40.

⁶ За некои некои негови научни дела, кои не се однесуваат конкретно на македонистичката проблематика, туку анализираат извесни феномени од книжевно-историското наследство на другите јужнословенски народи објавивме, исто, така, рецензии во словачката книжевно-културна периодика. Види повеќе: Taneski, Z.: Výskum v rámci dejín prekladateľstva. In: www.casopislet.sk, 2005, roč. 1, č. 5, s. 67-68 (Rec: Boje Čiernohorcov a túžby Slovákov (1839–1914) / Ján Jankovič. – Bratislava: Juga, 2004); Taneski, Z.: Ján Jankovič – Srbská dráma na Slovensku. In: Slovak review, 2008, roč. 17, č. 1, s. 108-110 (Rec: Srbská dráma na Slovensku / Ján Jankovič. – Bratislava: Juga – Divadelný ústav, 2006); Taneski, Z.: Recenzia (Ján Jankovič: Poézia slovensko-srbskej vzájomnosti 1827–1938 – Abeceda pobratimstva – Bukvar bratimljenja). In: World literature studies (Časopis pre výskum svetovej literatúry), 2009, roč. 1 (18), č. 3, s. 82-85. Овие рецензии беа подоцна и преобјавени во нашата книга Просторите на текстот (по врвниците на критиката и на академското пишување). Скопје: Македоника литера, 2015.

⁷ Popovski, M.: Bosoračky kruh. Preklad: Ján Jankovič. In: Rofnícke noviny, č. 34, roč. 19, 3 (8). 2. 1964, s. 5; Bojadžiski, B.: Pieseň. Preklad: Ján Jankovič. In: Ohník, č. 19, roč. 20, 1967/1968, s. 12; Dieťa s hviezdou na čele (Macedónska ľudová rozprávka). Preklad: Ján Jankovič. In: Ohník, č. 19, roč. 20, 1967/1968, s. 2-3; Vajanovski, Gj.: Tajná chodba. Preklad: Ján Jankovič. In: Ohník, č. 19, roč. 20, 1967/1968, s. 8-9; Zázračné semiačka (Macedónska ľudová rozprávka). Preklad: Ján Jankovič. In: Ohník, č. 19, roč. 20, 1967/1968, s. 3; Janevski, S.: Kôň veľký ako osud. Preklad: Ján Jankovič. In: Revue svetovej literatúry, č. 5, roč. 10, 1974, s. 27-31; Koneski, B.: Pieseň. Preklad: Ján Jankovič. In: Revue svetovej literatúry, č. 5, roč. 10, 1974, s. 32-34; Višinski, B.: Cudzie dieťa. Preklad: Ján Jankovič. In: Revue svetovej literatúry, č. 5, roč. 10, 1974, s. 39-42; Drugovac, M.: Macedónska poviedka. Preklad: Ján Jankovič. In: Revue svetovej literatúry, č. 5, roč. 10, 1974, s. 18-21; Jankovič, J.: Vilo dievča tri zelené vence. Míniantológia macedónskej ľudovej poézie. (Spolu s Mariánom Kováčikom). In: Revue svetovej literatúry, č. 6, roč. 11, 1975, s. 154-161; Nanevski, D.: Mágia macedónskeho básnického umenia. Preklad: Ján Jankovič. In: Revue svetovej literatúry, č. 6, roč. 11, 1975, s. 161; Jankovič, J.: Žiarivá dúha zo Skopje. In: Nové slovo, č. 12, roč. 18, 25. 3. 1976, s. 15 (Rec: Dúha / Boris Višinski. – Bratislava: Tatran 1975); Mitrevski-Majstorot, I.: Najväčšie srdce (Mikropoviedka). Preklad: Ján Jankovič. In: Zornička, č. 15, roč. 34, 1982, s. 13 (V rubrike Čo čítajú deti v časopise Radost); Janevski, S.: Kôň veľký ako osud. Preklad: Ján Jankovič. In: Život, č. 20, Roč. 33, 1983, s. 42-43 (V rubrike Poviedka na tento týždeň);

вич е објавен на словачки јазик и кај еден македонски издавач,⁸ а во неколку наврати беа публикувани и рецензии и осврти за неговото научно и преведувачко дело, исто така, и во македонската периодика.⁹ Можеме да земеме за пример еден од таквите текстови според

Jankovič, J.: Básnik – legenda. Doslov. In: Racin, K.: Bielé úsvity (Бели мугри). Výber z poézie. Bratislava – Nový Sad: Tatran – Obzor, 1990, s. 72-84; Jankovič, J.: Perexová charakteristika / Goran Stefanovski – Tetované duše. In: Bulletin Divadelného súboru Jána Chalupku pri závodnom klube Mostárné a. s. Brezno. Réžia, scéna, kostýmy, výber hudby: Ivan Hansman-Jesenský. Premiéra 5. 12. 1992 (Ohlas: Tetované duše / Goran Stefanovski. Brezno: ZK Mostarné Brezno, 1992); Jankovič, J.: Slovenská zástava maľovaná – Na okraj macedónskeho festivalu poézie. Struga 1993. In: Extra Slovensko, č. 42, roč. 2, 14. 10. 1993, s. 7; Jankovič, J.: Chorvátske, macedónske, slovinské a srbské dramatické texty na Slovensku (Niektoré problémy a ich riešenia). In: Pavol Winczer a kol.: K otázkam teórie a dejín prekladu na Slovensku I, Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1993, s. 114-130; Bakevski, P.: Pozerám na ženu, Jesen, XX. Storočie. Preklad: Ján Jankovič a Ján Majerník. In: Literárny týždenník, č. 13, roč. 7, 25. 03. 1994, s. 8 (Pod spoločným názvom – Aby si uveril v krajinu); Pavlovski, J.: Neuveriteľne, ako rýchlo na všetko padá jemný prach. Preklad: Ján Jankovič a Ján Majerník. In: Literárny týždenník, č. 13, roč. 7, 25. 03. 1994, s. 8-9 (Pod spoločným názvom – Aby si uveril v krajinu); Siljan, R.: Majstri, Hlas čajky. Preklad: Ján Jankovič a Ján Majerník. In: Literárny týždenník, č. 13, roč. 7, 25. 03. 1994, s. 8 (Pod spoločným názvom – Aby si uveril v krajinu); Smilevski, V.: Ikry v kohútiku, Dôležitý bod. Preklad: Ján Jankovič a Ján Majerník. In: Literárny týždenník, č. 13, roč. 7, 25. 03. 1994, s. 9 (Pod spoločným názvom – Aby si uveril v krajinu); Džajkov, S. – Perimski, B. – Angelovski, J. – Ustaperov, K. – Taseski, B.: Aforizmy z Macedónie. Preklad: Ján Jankovič. In: Literárny týždenník, č. 13, roč. 7, 25. 03. 1994, s. 16 (V rubrike Literárium); Jankovič, J.: Pár kvapiek zo starobylého Ochridu. In: Literárny týždenník, č. 13, roč. 7, 25. 03. 1994, s. 8-9; Jankovič, J.: Goran Stefanovski a macedónska dráma. Predhovor. In: Stefanovski, G.: Tetované duše (Vybrané dramatické práce). Preklad: Ján Jankovič. Bratislava: Juga, 2009, s. 7-23; Jankovič, J.: Recenzia. In: Taneski, Z.: Slovensko-macedónske literárne a kultúrne vzťahy. Bratislava: Juga / Ústav svetovej literatúry SAV, 2009, s. 306; Jankovič, J.: Súvislosti alebo konšpekt dejín macedónskej drámy. In: Stefanovski, G.: Tetované duše (Vybrané dramatické práce). Preklad: Ján Jankovič. Bratislava: Juga, 2009, s. 39-59; Jankovič, J.: Jordan Plevneš – vzácny hosť z Macedónska. Predhovor. In: Plevneš, J.: „R“ – Dramatický sen so strieňaním do abecedy v 15 obrazoch). Preklad: Ján Jankovič. Bratislava: Juga, 2010, s. 5-15; Jankovič, J.: O vzájomných vzťahoch. In: Slovanský jih, Roč. 10, č. 4, Brno: Společnost přátel jižních Slovanů v České republice, 2010, s. 25-30 (Rec.: Slovensko-macedónske literárne a kultúrne vzťahy – Zvonko Taneski. Bratislava: Juga / Ústav svetovej literatúry SAV, 2009); Matevski, M.: Vystúpenie pri príležitosti Ceny Jána Smreka. Preložil Ján Jankovič. Rukopis (Festival Jána Smreka), Bratislava, 25. 10. 2010, s. 1-2; Jankovič, J.: Konspekt macedónskej drámy (po nástup Gorana Stefanovského). In: Philologica LXVII – Universitas Comeniana (Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského). Bratislava: Univerzita Komenského, 2011, s. 169-183; Jankovič, J.: Antológia slovenskej literatúry macedónskeho slovakistu (Zvonko Taneski: Jednota mnohohlasnosti – Единство на многугласјето). In: Macedónsko-slovenské literárne, kultúrne a jazykové vzťahy / Македонско-словачки книжевни, културни и јазични врски / Macedonian-Slovak Literary, Cultural and Linguistic Relations. (Eds. Maja Jakimovska-Tošić – Zvonko Taneski – Martina Zajčková). Nitra: Filozofická fakulta UKF, 2015, s. 141-143.

⁸ Зборник на резимеа од XIV Меѓународен конгрес на слависти, Охрид, 10-16 септември 2008 (2. том – Книжевност, култура, фолклор, историја на славистика, тематски блокови. Уредник: Науме Радически, Snežana Venovska – Antevska): СЛОВАЧКА – Mojmír Benža, Erika Brtáňová, Peter Žeňuch, Katarína Žeňuchová, Ján Jankovič, Pavol Koprda, Ján Sabol, Hana Hlôšková, Ján Bosák, Ľubor Králik, Zuzana Profantová, Tibor Žilka. Во: Зборник на резимеа (2. том). Скопје: Македонски славистички комитет, 2008, стр. 179-185, 306, 312, 346-348, 372-373.

⁹ Види на пример: Taneski, Z.: Рецепцијата на „Бели мугри“ од Кочо Рацин во словачката книжевна и културна средина. Во: Мираж (www.mirage.com.mk), бр. 20, Скопје, декември 2008, Доровски, И.: Коста Рацин на чешки и на словачки јазик. Во: 35-та научна конференција (литература) на 41-от меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура – Охрид (25. 8. – 26. 8. 2008). Скопје: Универзитет Св. Кирил и Методиј – Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, 2009, стр. 7-14; Taneski, Z.: Книжевно-историските аспекти на словенството. Во: Спектар, Скопје: Институт за македонска литература, број 53, Год. 27, 2009, стр. 123-126 (Rec.: Adaptabilita poézie hviezdneho obdobia / Ján Jankovič. Bratislava: Vydavateľstvo Jána Jankoviča, Ústav svetovej literatúry SAV, Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2008); Taneski, Z.: Промислување на делото „Пријателите Бон и Бона“ од Оливера Николова низ призмата на словачкиот книжевно-теориски опит на детската литература. Во: Мираж (www.mirage.com.mk), Скопје, број 21, ноември 2009; Taneski, Z.: Рецепцијата на „Бели мугри“ од Кочо Рацин во словачката книжевна и културна средина. Во: 35-та научна конференција (литература) на 41-от меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура – Охрид (25. 8. – 26. 8. 2008). Скопје: Универзитет Св. Кирил и Методиј – Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, 2009, стр. 65-73; Taneski, Z.: Промислување на делото „Пријателите Бон и Бона“ од Оливера Николова низ призмата на словачкиот книжевно-теориски опит на детската литература. Во: XXXVI Научна конференција на XLII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Литература – Охрид, 24-25 август 2009). Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, 2010, стр. 187-197.

принципот *pars pro toto* – нека биде тоа нашата рецензија за книгата *Приспособливост на поезијата во свездениот период (Adaptabilita hviezdneho obdobia)* – дело кое Јан Јанкович го објави по повод 170-годишнината од публикувањето на химничната песна *Еј, Словаци* од Самуел Томашик (кај нас попозната како *Еј, Словени*), а кое беше подготвено за печат и презентираано на 14. славистички конгрес во Охрид. И тоа дело на Јанкович повлекува со себе повеќе симболични посоки меѓу кои и македонистичкиот аспект зазема достоинство место со оглед на фактот што таму се рефлектира и македонскиот препев на песната што е настанат по Втората светска војна, а е подготвен од поетот, книжевен историчар и професор Георги Сталев Поповски (1930).¹⁰ Посебно место и значење имаат, се разбира, **книжните изданија** на словачките преводи од Јан Јанкович на автори од македонската книжевност¹¹ во чии рамки треба посебно да се потенцираат **драмите**, бидејќи освен објавените драми од македонски автори во посебни книги (Горан Стефановски, Јордан Плевнеш), Јан Јанкович се јавува како преведувач и на македонски драми, чии преводи биле наменети само за театарска изведба во Словачка.¹² За сите нив во периодиката се забележани бројни осврти и рецензии што зборуваат за тоа дека овие преводи биле позитивно пречекувани и прифатени во домашното културно и медиумско милје.¹³

¹⁰ Оваа рецензија, како и некои други текстови поврзани со преведувачката дејност на Јан Јанкович, подоцна беа поместени и во нашата книга: Македонско-словачки компаративни согледби. Скопје: Институт за македонска литература, 2012.

¹¹ Nikolovová, O.: Priatelja Bon a Bona (Пријателите Бон и Бона). Preklad: Ján Jankovič. Verše prebásnil Ján Štrasser. Bratislava – Nový Sad: Mladé letá – Obzor, 1978, s. 165; Višinski, B.: Racín (Рацин). Preklad: Ján Jankovič, Bratislava: Lita, 1983, 76 s.; Popovski, A.: Vzrušujúce leto (Летувалците од Славина). Preklad: Ján Jankovič. Nový Sad: Obzor – Tvorba, 1990, 143 s.; Racín, K.: Biele úsvity (Бели мугри). Výber z poézie. Preklad: Ján Jankovič a Viliam Marčok. Bratislava: Tatran, Nový Sad: Obzor-Tvorba, 1990, 87 s.; Stefanovski, G.: Tetované duše (Выбранé драматичкé прáце: Let na mieste, Tetované duše, Živé mäso, Hocikto, Čierna diera, Hi-Fi). Preklad: Ján Jankovič. Bratislava: Juga, 2009, 264 s.; Plevneš, J.: „R“ (Dramatický sen so striedaním do abecedy v 15 obrazoch). Preklad: Ján Jankovič. Bratislava: Juga, 2010, 56 s.

¹² Arsovski, T.: Diogenov paradox (Парадоксот на Диоген), Réžia: Branko Stavrev. Preklad: Ján Jankovič. Bratislava: Nová scéna, 1979; Stefanovski, G.: Divé mäso (Диво месо). Preklad: Ján Jankovič. In: Javisko, č. 1, roč. 21, 1989, s. 17-33; Stefanovski, G.: Tetované duše (Тетовирани души), Preklad: Ján Jankovič. In: Javisko, č. 6, roč. 26, 1994, s. 19-29.

¹³ Види на пример: Aleksiev, A.: Povedali o hre... / Diogenov paradox – Tome Arsovski. Réžia: Branko Stavrev. In: Bulletin Novej scény – sezóna 1978/1979, s. 14; Arsovski, T.: Súd ľudského svedomia. In: Bulletin Novej scény – sezóna 1978/1979, s. 6; Bakošová-Hlaveniková, Z.: Diogenov paradox / Tome Arsovski. Réžia: Branko Stavrev. In: Bulletin Novej scény – sezóna 1978/1979, s. 26.; (ii): Diogenov paradox na javisku Novej scény – Kto si bez viny. In: Práca, 3. 04. 1979 (Ohlas: Arsovski, T.: Diogenov paradox / Парадоксот на Диоген. Réžia: Branko Stavrev. Preklad: Ján Jankovič. Bratislava, Nová scéna 1979); Jaborník, J.: Zakotvené v súčasnosti – Macedónsky autor na Novej scéne / Diogenov paradox – Tome Arsovski. In: Večerník, 13. 4. 1979 (Ohlas: Arsovski, Tome: Diogenov paradox / Парадоксот на Диоген. Réžia: Branko Stavrev. Preklad: Ján Jankovič. Bratislava, Nová scéna 1979.; Kriváková, K.: Detstvo na dúšok. In: Vzlet, č. 2, roč. 10, 1979, s. 21 (Rec: Priatelja Bon a Bona. (Priatelite Bon i Bona.) / Olivera Nikolovová. – Bratislava: Mladé letá, 1978); Kujundžić, M.: Povedali o hre... / Diogenov paradox – Tome Arsovski. Réžia: Branko Stavrev. In: Bulletin Novej scény – sezóna 1978/1979, s. 14; Tušiak, J.: Za tajomstvami detstva. In: Nový život, Novi Sad, č. 2, roč. 31, 1979, s. 188-190 (Rec: Priatelja Bon a Bona. (Priatelite Bon i Bona.) / Olivera Nikolovová. – Bratislava: Mladé letá 1978); Valo, P.: Stretnutie s macedónskym dramatikom. In: Pravda. č. 88, roč. 60, 13. 4. 1979, s. 5 (Arsovski, Tome - Diogenov paradox - recenzie. Nová scéna Bratislava - Slovensko); Vlach, K.: Perexová charakteristika / Diogenov paradox – Tome Arsovski. Réžia: Branko Stavrev. In: Bulletin Novej scény – sezóna 1978/1979, s. 4-5; Cicka, J.: Legenda o Racínovi a jeho poézii. In: Hlas ľudu, č. 38, roč. 48, 1991, s. 10 (Rec: Biele úsvity. Výber z poézie / Kočo Racín. Preklad: Ján Jankovič a Viliam Marčok. Bratislava: Tatran, Nový Sad: Obzor-Tvorba, 1990); Dorovský, I.: Bílé červánky poezie. In: Rovnost, Brno, č. 4, roč. 106, 5. 1. 1991, s. 5 (Rec: Biele úsvity. Výber z poézie / Kočo Racín. Preklad: Ján Jankovič a Viliam Marčok. Bratislava: Tatran 1990); Dorovský, I.: Bílý rozbřesk. In: Svobodné slovo, 20. 2. 1991, s. 5 (Rec: Biele úsvity. Výber z poézie / Kočo Racín. Preklad: Ján Jankovič a Viliam Marčok. Bratislava: Tatran 1990); (dr) Celostátna premiéra / Tetované duše - Goran Stefanovski. In: Koridor, 5. 12. 1992; Kret, A.: Balkánske vývery (D. Kovačević: Generálka na samovraždu, G. Stefanovski: Tetované duše, J. Plevneš: „R“). In: Slovenské divadlo (Revue dramatických umení). Bratislava: Kabinet divadla a filmu Slovenskej akadémie vied, č. 2-3, roč. 57, 2009, s. 243-245; Kret, A.: Edičná poznámka – Goran Stefanovski. In: Stefanovski,

Сепак, за рецепцијата на македонската драма во словачката средина е карактеристично и нешто друго. Погледнато од поширок аспект, во специфичниот хоризонт на драмската уметност, можеле најпосле да „влијаат“ и да „живеат“ во Р. Словачка и преводите, кои не биле ниту инсценирани, ниту отпечатени (поради различни прагматични или естетски причини) и наспроти тоа што тие биле направени и биле така присутни во словачката културна средина. Во улога на нивни преведувач се јавува повторно Јан Јанковиќ. Некои од тие дела се објавени дури пред неколку години (Горан Стефановски, Јордан Плевнеш), а некои, пак, уште стојат во ракопис. Меѓу овие вторите треба да се споменат: *Скок преку кожа (Skok cez kožu)* од Томе Арсовски, *Време за пеење (Nadišla doba spevu)* од Петре М. Андреевски, *Вртлог (Vír)* од Коле Чашуле, *Пречек (Slávnostné privítanie)* од Бранко Пендовски, *Кандид во земјата на чудата (Candide v krajine zázrakov)* од Венко Андоновски и *Sudom, водата (Múr, voda)* од Живко Чинго.¹⁴ Сметаме дека е добро да се претстави и таквата реалност, бидејќи „комплексното следење на преводите (објавени / необјавени, инсценирани / неинсценирани, претставени на професионалните или на аматерските сцени, емитувани на радио и на телевизија) е значајно во прв ред во испитувањето на социологијата на преводот во областа на драмската уметност. Без комплексната листа на преводи и нивната анализа не е можно во целост да се осветли улогата на преведените дела од странските драмски корпуси во контекстот на словачката драмска уметност.¹⁵ Дотолку повеќе, тоа е неопходно и поради тоа што „при истражувањето на поетиката на преводот, необјавените преводи на драмските текстови можат, всушност, многу да откријат за нивото на преведување на конкретните преведувачи, затоа што не поминале низ редакциска коректура. При испитувањето на „влијанието“ и на „живото“ на преводот во општествениот контекст е неопходно да се следат и одгласите на реализираните преводи наменети за театарска сцена, радио и телевизија. При анализирањето на надворешните услови и на културно-општествените предуслови на преведувачката дејност, преводите на драмските текстови треба да се разгледуваат и во контекстот на културата од којашто доаѓа делото и во драмскиот контекст на културата што го прима делото“.¹⁶

G.: Tetované duše (Výbrané dramatické práce). Preklad: Ján Jankovič. Bratislava: Jaga, 2009, s. 263-264; Bodacz, B.: R (Dramatický sen so strieľaním do abecedy v 15 obrazoch). In: Slovenské pohľady, č. 9, roč. 4 (+123), 2010, s. 125-126 (Rec.: „R“ – Dramatický sen so strieľaním do abecedy v 15 obrazoch / Jordan Plevneš. Bratislava: Jaga, 2010); Kret, A.: Jordan Plevneš – „R“ (Dramatický sen so strieľaním do abecedy v 15 obrazoch). In: Plevneš, J.: „R“ – Dramatický sen so strieľaním do abecedy v 15 obrazoch). Preklad: Ján Jankovič. Bratislava: Jaga, 2010, s. 58; Taneski, Z.: Goran Stefanovski – Tetované duše (Recenzia). In: Knižná revue, Bratislava, č. 5, roč. 20, 3. marec 2010, s. 3 (Rec.: Tetované duše / Goran Stefanovski. Bratislava: Jaga, 2009); Taneski, Z.: Goran Stefanovski – Tetované duše – Výbrané dramatické práce (Let na mieste, Tetované duše, Živé mäso, Hocikto, Čierna diera, Hi-Fi). In: Revue svetovej literatúry, Bratislava, č. 2, roč. 46, 2010, s. 150-151 (Rec.: Tetované duše / Goran Stefanovski. Bratislava: Jaga, 2009); Taneski, Z.: O intimnej revolúcii macedónskeho Maksima Brodského (Jordan Plevneš). In: Tvorba, Bratislava, č. 2, roč. 20 (29), s. 48-49 (Rec.: „R“ – Dramatický sen so strieľaním do abecedy v 15 obrazoch / Jordan Plevneš. Bratislava: Jaga, 2010); Mikušiak, I.: Vážna, iskrivá a znepokojujúca hra Jordana Plevneša v slovenčine. In: Slovanský jih, Brno: Společnost přátel jižních Slovanů v České republice, Roč. 11, č. 2, 2011, s. 30-31 (Rec.: Jordan Plevneš – „R“ (Dramatický sen so strieľaním do abecedy v 15 obrazoch). Preklad z macedónčiny: Ján Jankovič. Bratislava: Jaga, 2010). За рецепцијата на драмите на Горан Стефановски и на Јордан Плевнеш во Р. Словачка, чиј преведувач е акад. Јан Јанковиќ, објавивме и една посебна кратка студија на македонски јазик, која е вклучена и во оваа книга. Нејзината првична објава се наоѓа во: Танески, З.: Драмите на Горан Стефановски и на Јордан Плевнеш во словачкиот културен простор. Во: XLII Меѓународна научна конференција на XLVIII Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ – Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, 2016, стр. 293-300.

¹⁴ Види: Ján Jankovič v bibliografii a citátoch. Bratislava: Jaga, 2003, s. 122-124.

¹⁵ Jankovič, J.: Chorvátske, macedónske, slovenské a srbské dramatické texty na Slovensku (Niektoré problémy a ich riešenia). In: Pavol Winczer a kol.: K otázkam teórie a dejín prekladu na Slovensku I, Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1993, s. 118.

¹⁶ Ibid, s. 130.

При рецепцијата на македонската драма во словачката културна средина е веројатно и уште поинтересно тоа што – со оглед на тогашните општествени прилики – во 1977 година по пред-премиерата на драмата *Sudom, vodata* (*Múr, voda*) од Живко Чинго,¹⁷ тогашното словачко министерство за култура го разрешило целото уметничко раководство на театарот „Нова сцена“. Во рамките на уметничката соработка меѓу братиславската „Нова сцена“ и „Македонскиот народен театар“ од Скопје (која била воспоставена во рамките на меѓудржавниот договор за културна соработка меѓу Македониј – како дел од СФРЈ Словачка - како дел од ЧССР – потпишан уште во 1973 година, овие театри требало да направат размена на инсценатори – „Нова сцена“ требало да гостува во Скопје, а „Македонскиот народен театар“ во Братислава. Тогашниот режисер на „Нова сцена“ – Владимир Стрниско ја подготвил за изведба на скопската сцена изворната драма на Петер Ковачик – *Крчма под зеленото дрво* (*Krčma pod zeleným stromom*), чија премиера се одржала на 27 февруари 1977 година. Во исто време, триесетгодишниот режисер Владимир Милчин од Скопје требало во Братислава да ја постави на сцена театарската адаптација на *Големата вода* од Живко Чинго, чија премиера била определена за изведба на 5 март 1977 година. Во драмската изведба, на пред-премиерата, учествувале и мошне познатите словачки актери, како на пример: Милан Књашко, Емил Хорват младиот, Маријан Лабуда, Ида Рапаичова, Павол Микулик и др. За тоа благовремено информирал и државниот дневен весник *Правда*.¹⁸ Преведувач на драмата бил Јан Јанкович. Сепак, непланираниот развој на ситуацијата придонел дури и професионалната судбина на преведувачот на драмата да виси на крајот. За тоа најубедливо сведоштво дава самиот преведувач на драмата на словачки – Јан Јанкович: „На почетокот на седумдесеттите години се продлабочи соработката со Македонија, се оствари размена на недели на културата, братиславската *Нова сцена* реализира соработка со *Народниот театар* од Скопје. Македонските театарски стручњаци коректно испратиле за избор неколку драми, ама раководството на „Нова сцена“ му даде задача на авторот на овој текст да ја преведе токму драмата од директорот на македонскиот театар – Живко Чинго. Меѓународниот договор, името и работната функција на авторот не претставуваа гаранција за инсценацијата: *Sudom, vodata* е драма од повоеана Македонија. Авторот ја обработил темата доследно, но во Словачка во никој случај не можеше да се движи на сцената воспитувач во кожен капут и воспитувачка во црвени шорцеви, која сака со удирање шлаканици да ги научи учениците – воените сирачиња – да го сакаат социјализмот. По пред-премиерата – така се нарекуваше добивањето согласност за изведба на претставата од страна на функционерите во министерството – претставата беше забранета: директорот, драматургот, претседателот на партиската организација и преведувачот влегоа во големи проблеми. Театарските работници ги избркаа, на преведувачот му простија, затоа што постоеше меѓународен договор за соработка што требаше да се реализира. Затоа преведувачот, авторот на овој текст, мораше да ја простудира целата македонска драмска литература, да напише елаборат за неа и да му го достави на театарот, кој, секако, во фотокопирана верзија одеше и во Централниот комитет на Комунистичката партија на Словачка. Сите беа многу внимателни, затоа што, меѓу другото, тоа не им беше по волја ни на Бугарите (*пријателите – комунистички другари*), бидејќи Словаците се збратимуваа со народот кој тие како народ и не го признаваа. По перипетиите, на крајот, во 1979 година

¹⁷ Се работи за театарска адаптација на романот *Големата вода* (1971), која на македонски јазик била објавена во 1976 година.

¹⁸ *Veľká voda / Živko Čingo*. In: *Pravda*, 10. 2. 1977.

се реализира првата премиера на македонска драма на професионалната сцена. Ја режираше, како гостин, Македонецот Бранко Ставрев. Авторот на преводот на премиерата не се појави, бидејќи забораваја да го поканат: така *Парадоксот на Диоген* од Томе Арсовски стана *Парадоксот на Јан Јанкович*.¹⁹ Така, и од ова преведувачко искуство на Јан Јанкович, ни се потврдува фактот дека и во блиското минато имало ситуации, кога уметноста повеќе или помалку им подлегнувала на идеолошкиот притисок, на манипулациите од страна на официјалната моќ, на санкциите од цензурата и на траумите од автоцензурата. Партиските идеолози се обидуваа да ја обединат уметноста во една постојана форма, во идејно-воспитувачка схема. Индивидуалноста, оригиналноста – во средбата со форсираната утилитарна колективност – во нерамноправната битка претрпувала пораз, бидејќи првенствено посланието на самото дело морало да биде надредено над неговите уметнички квалитети. Партиските идеолози посакувале делото да знае да агитира, да убеди, да се слева со колективот, да го води мислењето на луѓето со помош на моделите на новите јунаци, со колекциите на нивните успешни подвизи, со ангажираната активност како урнек и со одговорниот пристап во исполнувањето на барањата на владејачкиот апарат.

Како што наведовме погоре, Јан Јанкович заедно со Вилијам Марчок, благодарение на својот извонреден превод, го претставил речиси целокупниот поетски опус (со исклучок на песните од циклусот *Антологија на болката*) на Кочо Рацин пред словачката книжевна и културна јавност.²⁰ Токму Јан Јанкович е автор и на долгиот афирмативен поговор за Рацин и за македонската култура со наслов *Поет – легенда*. Критичко-вредносната мисла на Јан Јанкович притоа со право оди дури и дотаму што во Рацин гледа и обнова на континуитетот на „книжевната школа што се роди на бреговите на Охридското Езеро, кајшто дејствуваа учениците на Кирил и Методиј по прогонувањето од Велика Моравија. Автентичноста на поетската порака е акцентирана и во животот на поетот-револуционер... Изворот на неговата поезија, сликовитоста, експресивноста и емоционалноста на изразот треба да се бара токму тука – среде бедата и маките на едноставниот работен човек, во длабока и суштинска врска со народот, со неговата историја и копнежи“.²¹ Овој прекрасен поговор за Рациновата поезија од Ј. Јанкович потврдува, меѓу другото, дека словачката рецепција на великиот Рацин е добар показател и за општата величина на македонската книжевност на која тој и припаѓа, затоа што „Рацин е Прометеј на својот народ, па со самото тоа симболично припаѓа и на културата на сите народи во светот“.²²

Иако преводот на Јанкович и Марчок е убедливо најдобар во споредба со сите други преводи на Рацин на словачки јазик направени од други преведувачи, а се смета и за прво словачко книжно издание на Рациновото поетско творештво, треба да се забележи и тоа само пред него (а не и – по него) постоеле и други обиди за доближување на неговата поезија на словачки јазик. Така, во 1978 година, за време на одржувањето на Деновите на словачката култура во Македонија, објавено е и „брошурно издание“ на Рацин со наслов *Biele svitania* под заштитниот знак на МНТ и на неговата драмска едиција. Тој превод на словачки е направен од страна на Вера Јанева-Стојановиќ, Донка Роус и Станислава

¹⁹ Jankovič, J.: *Srbska drama u Slovačkej*. Novi Sad: Sterijino pozorje, 2005, s. 88.

²⁰ За таквиот значаен настан тогаш информирал и македонскиот дневен печат: Бели мугри на словачки во издание на „Татран“ од Братислава. Во: Нова Македонија, Скопје, бр. 15788, Год. 47, 8. 1. 1991, стр. 9 (Ohlas: Racin, K.: Biele úsvity / Бели мугри. Výber z poézie. Preklad: Ján Jankovič a Viliam Marčok. – Bratislava: Tatran, 1990).

²¹ Jankovič, J.: *Básnik – legenda*. Doslov. In: Racin, Kočo: *Biele úsvity* (Бели мугри). *Výber z poézie*. Bratislava – Nový Sad: Tatran – Obzor 1990 (непагиниран текст на внатрешната страна од корицата).

²² Jankovič, J.: *Básnik – legenda*. Doslov. In: Racin, Kočo: *Biele úsvity* (Бели мугри). *Výber z poézie*. Bratislava – Nový Sad: Tatran – Obzor, 1990, s. 84.

Шурлежаноска. Стручен соработник во подготовката на изданието е Владимир Милчин. Сепак, ова издание имало само тесен информациски досег за присутните учесници на манифестацијата, нема пагинација на страниците, а паралелно се во него дадени, на левата и на десната страна, двојазично (на македонски и на словачки јазик) 10 песни од Кочо Рацин. Текстот е печатен со измените настанати во текот на неговото подготвување за сцена. Слично послание како скопското двојазично издание од 1978 година изврши, исто така, и брошурното издание *Бели мугри – Biele úsvity* (Pro memoria) издадено во Словачката академија на науките во Братислава (поточно, се работи за заедничко издание на нејзините членки: Институтот за светска книжевност, Институтот за славистика „Јан Станислав“ и Словачкиот славистички комитет – подготвено од Јан Јанкович) во 2008 година, кое послужи за потребите на словачката делегација на Светскиот славистички конгрес во Охрид, каде што се одбележуваше, меѓу останатите бројни научни активности, и стогодишнината од раѓањето на К. Рацин.²³ Во пресрет на споменатиот Светски славистички конгрес во Охрид, а по повод стогодишнината од раѓањето на Кочо Рацин, беше објавено во издание на издавачот Силсонс и клубот Матица од Скопје и јубилејно издание под наслов „Бели мугри на словенски јазици“ во кое беше поместен и словачкиот превод објавен во Македонија во 1978 година, кој за волја на вистината содржи бројни и многу сериозни пропусти²⁴ и кој по однос на бравурозноста на преведувачката вештина далеку заостанува зад словачкиот превод на „Бели мугри“ направен и објавен од страна на Јан Јанкович и Вилијам Марчок во 1990 година. Приредувачите на македонското јубилејно издание, сепак, од за нас непознати причини се одлучиле да не го поместат во книгата „Бели мугри на словенски јазици“ тој најуспешен словачки превод (ако воопшто се обретеа – сигурни сме дека и преведувачките права од Јан Јанкович ќе ги добиеја веднаш и бесплатно), па затоа таквиот потег и постапка последователно резултираа и со оправдано негодување и револт во словачките академски кругови. Во секој случај, ова може да претставува барем една своевидна поука и предупредување за сите во иднина, па затоа ни останува да се надеваме дека негативните искуства нема да нè пресретнуваат и во годините што чекаат пред нас. Попрво, би посакале, кажано заедно со Јан Јанкович, да „ни останува да се надеваме дека ќе се зголеми фреквенцијата, дека преку почести насирања во македонската поезија ќе успееме на словачкиот читател да му го пренесеме модерниот сензибилитет на оваа поезија, која пркосно не се срами за традицијата на својот народ. На народот на кој сакаат да му го откинат носот меѓу очите: неговото име, а со него и неговата самобитност, дури и егзистенција. И денешната капка македонска поезија потврдува дека постои древ-

²³ Види: Racín, K.: *Biele úsvity – Бели мугри* (Pro memoria: Bratislava: Tatran, 1990, 84 s., Preklad: Viliam Marčok a Ján Jankovič, Ilustrácie: Nad'a Rappensbergerová). Zostavil a vydal Ján Jankovič. Informatívne texty do macedónčiny preložil Zvonko Taneski. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV – Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Slovenský komitét slavistov, 2008, 40 s.

²⁴ За нив подетално пишувавме во неколку свои стручни текстови, објавени и во Словачка и во Македонија. Види: Taneski, Z.: *Slovensko-macedónske literárne a kultúrne vzťahy*. Bratislava: Juga / Ústav svetovej literatúry SAV, 2009, s. 128-130; Танески, З.: *Критиката на книжевните преводи: неопходни фактори и простор за вреднување* (македонско-словачки негативни искуства) / *Literary Translation Criticism: Indispensable Evaluation Factors and Space* (Macedonian-Slovakian Negative Experiences). Скопје: *Културен живот* (Списание за култура, уметност и општествени прашања), Год. 59, бр. 1-2, 2013, стр. 38-47; Танески, З.: *Критиката на книжевните преводи: неопходни фактори и простор за вреднување* (македонско-словачки негативни искуства). Во: 50-та научна конференција на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид, 29 – 30 јуни 2013 година). Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ – Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура, 2014, стр. 386-402. Македонската верзија на наведениот текст е потоа поместена и во нашата книга *Просторите на текстот* (по врвиците на критиката и на академското пишување). Скопје: Македоника литера, 2015.

ниот Охрид, дека македонските поети имаат способност да дебатираат со светот и другпат, а не само за време на фамозните, незаборавни Струшки вечери на поезијата на кој доаѓа целиот свет за да оддаде почит на Словото и на Македонија²⁵.

Сосема на крајот, пак, како мала лична дигресија од сето горенаведено, ни останува објективно да потврдиме дека читањето на преводите на акад. Јан Јанкович на авторите и на делата од македонската книжевност претставуваат вистинско уживање за сите вистински почитувачи и љубители на литературата во Словачка. Неговите зборови се течни, се прелеваат, не го збунуваат и не го кочат читателот никакви неразбирливи или просторно туѓи елементи. Способноста да се долови говорената форма на јазикот, чувството за стилски нијанси и огромната доза на креативност – тоа се само некои од карактеристиките на неконвенционалната личност на преведувачите од рангот на Јан Јанкович, кои освен што преведувале и се изјаснувале кон прашањата за преводот на поезијата, прозата и драмата, паралелно и успешно биле посветени и на научната дејност. Појдовна теза на нивната работа бил фактот дека преведувањето освен тоа што е репродукциска уметност, претставува и креативна уметност. Таквиот привиден парадокс тие го објаснуваат врз позадината на верноста помеѓу она што се нарекува *литера* и верност на духот. Биле свесни, исто така, дека преведувачот мора да се соживее со авторот, но никогаш не смее да му го наметнува својот вкус, туку треба да му се потчини. Истакнувале дека туѓиот јазик е најособениот елемент на текстот и токму затоа што претставува негов иманентен дел, не е доволно тој само да се владее – тоа е малку за добриот преведувач. Тој треба и да го чувствува, треба да го сфати и да го прифати неговото место во композицијата, во изградбата и во идејната цел на делото.

Сега кога веќе Јан Јанкович не е повеќе меѓу нас и кога неговиот научен и преведувачки опус е затворен²⁶ ни останува со почит и со восхит да си споменуваме на неговите бројни научни и преведувачки подвизи, а да не заборавиме и уште еднаш да ја изразиме срдечната благодарност за целокупниот негов ангажман во претставувањето на македонската книжевност во словачкиот културен простор.

Macedonian literature in the scientific and translation oeuvre of the Slovak Slavist Ján Jankovič (1943 – 2021)

Zvonko Taneski

In this contribution, we focus on problematic of scientific and translation interest of famous Slovak Slavist Ján Jankovič about Macedonian literature and culture in his professional life. It remains for us to objectively confirm that the reading of the translations of Acad. Ján Jankovič on authors and works of Macedonian literature are a real treat for all true admirers and lovers of literature in Slovakia. His words are fluid, overflowing, the reader is not confused or hindered by any incomprehensible or spatially foreign elements. The ability to capture the spoken form of the language, the sense of stylistic nuances and a huge dose of creativity – these are just some of the characteristics of the unconventional personality of translators of the rank of Ján Jankovič, who, in addition to translating and addressing the issues of poetry translation, prose and drama were simultaneously and successfully dedicated to scientific activity. Now that Ján Jankovič is no longer with us and his scientific and translational oeuvre is closed, it remains for us to remember with respect and admiration his numerous scientific and translational feats, and not to forget to once again express our heartfelt gratitude for his overall engagement in the presentation of Macedonian literature in the Slovak cultural space.

²⁵ Jankovič, J.: Pár kvapiek zo starobylého Ochridu. In: Literárny týždenník, č. 13, roč. 7, 25. 03. 1994, s. 8-9.

²⁶ Taneski, Z.: Nekrológ (Za Jánom Jankovičom 21. 7. 1943 – 12. 6. 2021). In: Konštantínove listy / Constantine's letters. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Vol. 14, Issue 2, 2021, s. 211-212.

ЛЕСЯ МУШКЕТИК*

Андраш Крупа

– збирач і дослідник словацького фольклору Угорщини

MUSHKETYK, L.: András Krupa – collector and researcher of Slovak folklore in Hungary. *Slavica Slovaca*, 57, 2022, No 2, pp. 178-187 (Bratislava).

Apart from Hungarians, other national communities live on the territory of modern Hungary, including Slovaks, who preserve their language and culture. András Krupa (1934–2015) did a lot to collect, research, preserve the folklore and ethnography of local Slovaks. His main areas of interest are rituals and ceremonial folklore, folk tales and legends, beliefs, interethnic ties, etc. Krupa was also the organizer of many initiatives and conferences, including in his hometown of Békéscsaba.

Hungary, Slovak national minority, András Krupa, folklore, research, conferences.

На території сучасної Угорщини крім угорців проживають інші національні спільноти, серед них слов'янські, це словаки, серби, хорвати, словенці, українці, болгарини та ін. Згідно з даними за 2016 рік у країні мешкає 29,790 словаків (кількісно найбільша слов'янська нацменшина).

Вивченням фольклору і етнографії словаків Угорщини у кінці ХХ – на початку ХХІ століття займалися такі дослідники як А. Дівічан, І. Ламі, М. Жилияк та ін. Великий внесок у збереження і вивчення словацької культури зробив знаний етнолог, фольклорист, громадський діяч з міста Бекешчаби, ініціатор і організатор багатьох заходів і конференцій, посередник між угорською та словацькою культурою Андраш Крупа (1934–2015).

Андраш (Ондрей) Крупа народився 1 жовтня 1934 року в поселенні Чанадальбергі, що зараз належить до комітату (області) Чонград. Навчався у Сеґедському університеті, 1961 року захистив докторську (малу), а далі кандидатську дисертацію з історичних наук (етнографія). Був викладачем у гімназії в Сегалмі, далі до виходу на пенсію працював у Науково-популярному товаристві області Бекеш науковим співробітником, згодом ученим секретарем комітату. Упродовж 25 років був головним редактором, членом редколегій та автором статей місцевих наукових часописів. Понад 19 років – головним науковим співробітником Словацького дослідницького Інституту¹ у Бекешчабі. Почесний член Словацького етнографічного товариства (1988), Угорського етнографічного товариства (2015). На-

* Мушкетик Леся, докторка філологічних наук, членкиня-кореспондентка НАН України, провідна наукова співробітниця Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України. 02002 Україна, м. Київ, вул. Грушевського, 4; e-mail: mushketik@ukr.net.

¹ 1990 р. Федерація угорських словаків заснувала Словацький дослідницький інститут у Бекешчабі, від 2001 р. він отримав назву Інститут досліджень словаків Угорщини. Метою Інституту в інтересах збереження словацької мови, культури і традицій стало наукове вивчення минулого і сучасного стану суспільних процесів угорських словаків. Він функціонує як інтердисциплінарна інституція, проводить історичні, етнологічні, культурноантропологічні, лінгвістичні, соціологічні дослідження, вагомою є його педагогічна та едичійна діяльність. При Інституті діє бібліотека та архів, які систематично поповнюються матеріалами. Серед інших, Інститут проводить і наукову координаційну діяльність.

городжений пам'ятною медаллю міста Pro Ethnographia Minoritatum (1997), за Бекешчабу – Pro Urbe (2004), Золотою медаллю Кирила – Мефодія (2004), премією нацменшин (2004) та іншими відзнаками. Пішов із життя 14 липня 2015 року.

Андрашу Крупі належить 27 книжок досліджень та збірок, понад сотня публікацій статей угорською і словацькою, а також румунською і англійською мовами. Терени його досліджень – народна культура словаків Задунав'я (Дунантула), зокрема світ обрядів та вірувань, а також різні жанри словацького фольклору – пісні, казки, оповідання та ін. Крупа був натхненником і одним з головних організаторів унікальних, резонансних не лише в Угорщині, а й у Європі та світі починань – проведення у своєму рідному багатонаціональному місті Бекешчабі, де діє і красзнавчий словацький музей, серії «Бекешчабських міжнародних етнографічних конференцій по дослідженню національностей» (BNNNK), усього 7 форумів, починаючи з 1975 року. У конференціях брало участь широке коло дослідників із сусідніх країн, Карпатського регіону, Європи загалом, та звучали й позаєвропейські теми.²

Тематика конференцій з часом модифікувалася, пристосовувалася до актуальних потреб життя і науки. Так, V конференція 1995 року проводилася під гаслом: «Зустріч культур – конфлікти культур», VI конференція 1998 року називалася «Тисячолітнє проживання в Карпатському регіоні», остання VII, 2001 року отримала назву «Національні культури на зламі століть (шанси, можливості, заклики)». Матеріали конференцій видавалися у розлогіх томах, редактором більшості яких був Крупа. Слід сказати і про наріжну роль ученого у публікації, так само з 1975 року, етнологічної серії наукових праць під назвою «Угорські нацменшини» – (Magyarországi Nemzetiségek) серед них і «Етнографія словаків в Угорщині» (Národopis Slovákov v Maďarsku – Magyarországi Szlovákok Néprajza), статті публікують кількома мовами – угорською, словацькою та резюме англійською.

Упродовж усього життя дослідник збирав і досліджував словацький фольклор і оприлюднював його у різного роду збірниках, серед них – народних пісень,³ гумору,⁴ дитячого фольклору «Крихти дитячого фольклору та ігор наших словаків» з уміщенням різних жанрів, текстів з нотами та коментарями до них⁵ та ін.

Неоціненним є внесок ученого у збирання і дослідження обрядів та обрядового фольклору країни. Ще в наші часи він зафіксував його рештки у словаків Бекешчаби та околиць у своїй книзі «Знаменні дні у словаків Бекешчаби та околиць», зазначивши, що той активно побутував тут ще у повоєнні часи. Він пише: «Праця має на меті представити вірування знаменних днів та непов'язані з ними святкові звичаї та ритуали словацького населення нашого краю. Вона охоплює головню свідків, які живуть і зараз. Інші, письмові джерела ми використовували лише з метою певного зіставлення з попередніми даними. Старі люди, що живуть зараз, і покоління, що їм безпосередньо передувало, ще були свідками та активними учасниками останнього етапу побутування традиційного народного світогляду, але процес псування був сильний вже в останні п'ять років».⁶ Для глибшого

² Авторці даної студії теж вдалося побувати на кількох з цих гарно організованих і плідних конференцій, особисто познайомитися і далі підтримувати контакти з Андрашем Крупою – відкритою, веселою і доброзичливою людиною, спілкування з якою було приємним і корисним.

³ Krupa, A.: Na čabianskej túrní (Ludové piesne). Békéscsaba: Megyei Könyvtár, 1979. 300 s.; Spevy našich Slovákov: Výber zo zbierky Ondreja Krupu. Békéscsaba: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku, 2004. 498 s.

⁴ Krupa, A.: Humor ľudu – A nép humora. Békéscsaba: Szlovák Kutatóintézet, 2000. 191 s.

⁵ Krupa, A.: Omrvinky detského folklóru a hier našich Slovákov (Morzák a magyarországi szlovákok gyermekfolklórjából és játékaiból). Békéscsaba: Výskumný ústav Slovákov v Maďarsku, 2002. 196 s.

⁶ Krupa, A.: Jeles napok a Békéscsabán és a környékén élő szlovákoknál. Békéscsaba: Békés Megyei Tanács V. B. Művelődésügyi Osztály, 1971, s. 3.

розуміння обрядової цілісності регіону Крупа подає дані про історію краю, переселення сюди словаків, їх побут, вірування тощо, а ще методу і терени польової роботи.

У студіях зимових обрядів поселення Елек зі змішаним словацько-угорсько-румунсько-німецьким населенням Андраш Крупа ставить за мету простежити зміни у традиційній культурі словаків.⁷ Описуючи обряди і вірування, він демонструє прекрасне знання обрядового матеріалу різних народів, досліджень з цих питань, ілюструючи їх різноманітними прикладами і паралелями. Його впливи такі: 1. Більша частина словаків Елека зберегла принесені внаслідок міграції різдвяні обряди і вірування. Особливо гарно збереглися обряди, які не вимагають публічного виконання, і не мають паралелей серед інших спільнот. 2. Ритуали, вірування словаків, що прибули сюди з різних місцевостей, не інтегрувалися на національному рівні. 3. Матеріал дає змогу простежити зв'язок господарської, ремісничої практики з дотриманням вірувань. 4. У дослідженні можна було простежити зв'язок між спільною основою окремих обрядів і способом їх виконання в окремих інформаторів та їх сімей. 5. За даним матеріалом можна визначити, у який спосіб його запозичували, тобто яким чином окремі нацменшини засвоювали іншомовні вірування та обряди. Автор відзначає, що в Елеку існують певні закономірності у співжитті різних спільнот, і це можна пояснити схожими обставинами, подібним суспільним, господарським, культурним рівнем, що, власне, підтверджується і спостереженнями інших дослідників. Крупа наголошує на ініціальному характері обрядів зимового циклу, так, дбайливе ставлення до них як словаків, так і інших народів, учений пояснює двома причинами. По-перше, початок зими – це завершення хліборобської праці, час відносного відпочинку селянина; по-друге, у цей період він намагається вгадати, напроорочити погоду на весь рік та залежний від неї урожай. У словацькій колядці Крупа виокремлює магічну частину та ритуальне побажання добра родині та господі. Він говорить про трансформацію різдвяних обрядів у наш час, наводить приклади пародійних текстів.

Як уже згадувалося, багато років поспіль Андраш Крупа збирав і вивчав фольклор своєї рідної області – Бекешчаби, у 1993 р. до розлогого тому краєзнавчих досліджень про Бекешчабу (під його та редакцією І. Гріна) увійшли розділи вченого: Словацьке весілля. Смерть, поховання у словаків. Знаменні дні. Словацькі вірування.⁸ До прикладу, пишучи про весілля, він наголошує на важливості цього обряду в людському житті загалом і в населенні регіону зокрема. Далі перераховує попередні публікації з даної тематики, зазначає, що з 1970-х років тексти почали виконуватися угорською мовою. Свої дослідження автор проводить у 1960–1970-і роки, коли ще побутували тексти словацькою мовою, причому існували відмінності в євангелістських та католицьких версіях. Констатує він і інші зміни у традиційному весіллі. Далі Крупа детально описує перебіг обряду, його основні моменти. Це розділи: вибір календарного періоду, час весілля, сватання, дружки, заручини, підготовка до весілля, прощальні промови біля дому молодої, весільний бенкет та ін. Він подає монологи і діалоги дійових осіб, а також деякі пісні з нотами. У кінці – література, список інформаторів та ілюстрації.

Учений розширює свої студії на інші регіони зі словацьким населенням, зокрема він цікавиться тогочасним становищем звичаєвості словаків міста Ніредьгази, які називають

⁷ Krupa, A.: Kölcsönhatások az eleki szlovákok karácsonyi kálendáris szokásaiban és hiedelmeiben (1980). In: Krupa, A.: *Folklor tanulmányok*. Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem Néprajzi Tanszék, 1991, s. 22-50.

⁸ Krupa, A.: *A szlovákok lakodalma. A halál, a temetés a szlovákoknál. A szlovákok néphite. A jeles napok*. In: Grin I. – Krupa, A.: *Békéscsaba néprajza. Békéscsaba: Békéscsaba Megyei Jogú Város*, 1993, s. 648-728; 745-777; 788-827; 827-847.

себе «тірпаками».⁹ Цю етнографічну групу складають словаки-євангелісти, їхня віра мала значний вплив на формування самих обрядів. Крупа відмічає, що строкатий етнічний склад поселення (крім словаків тут мешкають угорці, українці-русини, німці), так само як і уся народна культура північно-східного регіону Угорщини, теж наклали свій відбиток на дані обряди. Однак в їх основі лежать звичаї і вірування, принесені словаками з країни основного етносу. Від кінця XIX ст. словаки значною мірою мадяризувалися, чимало творів обрядової поезії виконується угорською мовою, а словацька збереглася здебільшого на хуторах.

Андраш Крупа загалом використовує власні записи, однак опирається і на попередні роботи, таким чином застосовуючи комплексний порівняльно-історичний та описовий методи досліджень. Обряди він описує послідовно, згідно з народним календарем. Дослідник свідчить, що більшість обрядів початку зими та Різдва є майже ідентичними з обрядовістю словаків Великої угорської низовини (Алфьолда), яка має центрально-словацьке походження (день Мартона, Катаріни, Ондreja), а обряд обдаровування на день Мікулаша (Миколая) розповсюдився лише у 30-і роки XX ст. Назва передріздвяного вечора – *вілія* – доводить безпосередню спорідненість з народною культурою даного етнографічного регіону. Крупа свідчить, що поряд з усталеними ритуалами періоду Різдва та Нового року тут існують і локальні варіанти. Наприклад, в одній місцевості у перший день Різдва на службу до церкви йдуть старші люди, а на другий день – молодь. Своєрідним місцевим обрядом є похід хлопців, які зчиняють галас з метою відвернення злої сили у передпасхальний період.

Однак знання звичаїв та ритуалів поступово забувається, їх дотримання теж стає спорадичним. Ще живуть великі свята (Різдво, Новий Рік, Пасха), традиційні страви, пасхальне поливання водою, благоговіння на день святих, обдаровування у день Миколая. Зафіксовано і пророкування погоди (дні Лукаша, Катаріни, Мартіна та ін.). У деяких місцевостях дотримуються традиційних приписів щодо початку сівби. Водночас паралельно живуть і загальноприйняті у країні звичаї, засвоєні завдяки міжетнічним зв'язкам з угорцями. У кінці розвідки Крупа робить висновок, що обряди словаків-тірпаків носять своєрідний, специфічний характер, й одночасно є органічною частиною як угорської, так і словацької культури.

У поліетнічних середовищах завжди вважалися цікавими аспекти міжетнічних контактів, тому в центрі уваги учений ставить спільні елементи, мотиви і ритуали обрядовості словаків і угорців. Він пише, що прагнув «з допомогою наведених прикладів показати конкретні взірці спільного проживання словаків, які розселені дисперсно, і угорців, які живуть впереміш або поблизу них в умовах значних паралельних міжетнічних взаємовпливів».¹⁰ Крупа визначив т.зв. закономірність балансу співжиття, а саме, що процеси передачі-запозичення є активними тоді, коли народна культура обох національних спільнот живе і розвивається. Дослідник подає чимало кількості такого типу прикладів спільних ритуалів і вірувань у різні святкові дні зимового циклу, зокрема у день Люції, Катаріни, Томаша та ін.

Подібного плану працю пише Крупа про словацькі обряди міста Оросляня.¹¹ Спершу він повідомляє, що словаки прибули сюди з Нітри, Тренчинського краю. Однак їхні

⁹ Krupa, A.: A jeles napok mai ismerete a nyíregyházi szlovákoknál. In: *Národopis Slovákov v Maďarsku*, 1997, № 13, s. 27-53.

¹⁰ Krupa, A.: A jeles napok mai ismerete a nyíregyházi szlovákoknál, c. d., s. 27-53.

¹¹ Krupa, A.: Jeles napok az oroslányi szlovákoknál. In: *Národopis Slovákov v Maďarsku*, 1996, № 12, s. 26-45.

традиційні обряди у наш час уже мало збереглися, їхній перебіг у минулому пам'ятають лише старші люди. Та деякі елементи цих звичаїв, що відповідають сучасним смакам, ще живуть (до прикладу, святкові страви, майське деревце та ін.). Далі автор почергово описує обряди, які ще збереглися у народній пам'яті. Це зимові свята – св. Мартіна, Ондreja, Миколая, Люції, Різдво та ін. Він детально описує різдвяні ритуали, обходи дворів пастухами, спершу – великої рогатої худоби, далі ходили свинопаси, гусячі та ін. погоничі. Хлопці та дівчата зі співами також обходили двори. Автор знайомить читачів з різдвяними святковими стравами словаків.

Крупа розглядає інші календарні обряди – весняні, літні, днів тижня, що мали певні приписи і табу, чимало уваги він приділяє пасхальним звичаям, носінню зеленої гілки на квітну неділю, встановленню майського деревця, що практикується і в наш час тощо. У кінці автор перераховує імена інформаторів. Він також свідчить, що з часом більшість тестів внаслідок асиміляції почала виконуватися угорською мовою. З родинних обрядів селища Репашгута дослідник описав немало ритуалів при народженні дитини й одруженні. Розвиток обрядовості загалом він простежив від початку минулого століття, констатує часові зміни і модифікації, що відбулися. Торкається Крупа і питання двомовності, зумовленої значною мірою соціальними і політичними факторами.

Багато років посьль Крупа вивчав словацький обряд дня св. Мікулаша – Миколая (6 грудня). У своїй праці¹² фольклорист попервах подає традиційну картину звичаю, відтак зауважуючи, що з часом його функції змінюються, і нині він святкується винятково як день обдаровування, коли подарунки кладуть у дитяче взуття. Крупа детально описує його формування і поширення, у минулому і в сучасності. Окрема частина роботи присвячена територіальному і часовому вимірам ходи, пов'язаної з проханням батьків про подарунки, який, за спостереженнями Крупи, представлений п'ятьма регіональними групами, серед них і в північній частині Угорщини.

Узагальнюючим дослідженням з розглядуваної тематики стала фундаментальна тритомна праця Андраша Крупи про народні обряди словаків Угорщини та Румунії.¹³ У передмові до першого тому він перераховує фактори, що вплинули на формування своєрідних рис звичаїв та обрядів словаків з даних теренів, а саме міграції до Угорщини з різних місцевостей Словаччини, у складі різних груп і замешкання в оточенні угорців та румун. Відтак вони опинилися у неоднакових географічних, господарських обставинах, з відмінними культурними рисами, зв'язками, а ще у формуванні їхньої культури значну роль відіграла церква, місцеві словаки належать до кількох конфесій тощо. Усе це відбилося у побуті, звичаях та обрядах. Ближчими за культурою до материкового етносу Крупа вважає словацькі поселення вздовж угорсько-словацького кордону. Він виокремлює три історичні нашарування у народній культурі цих словаків. Одне з них репрезентує уцілілу ще до переселення традицію; друге, що з'явилося вслід за міграцією, є результатом сформованої в поселеннях, тобто анклавах, внутрішньої міграції; третє, що виникло в результаті зв'язків з довколишніми спільнотами, охоплює прошарок, що постав у процесі передачі-запозичення. Тому словацькі обряди складають гетерогенну, різнобічну картину. У дослідженні Крупа звертається і до історико-порівняльної методи, подає список місцевостей, де проводився запис, з позначенням їх на карті.

¹² Krupa, A.: Mikuláš. In: *Národopis Slovákov u Mad'arsku*, 1994, № 10, s. 101-121.

¹³ Krupa, O.: *Kalendárne obyčaje I. Jeseň – predvianočné obdobie*. Bekečská Čaba: Slovenský výskumný ústav, 1996. 325 s.; Krupa, A.: *Kalendárne obyčaje II. Vianoce – Nový rok – Tri krále*. Békéscsaba: Slovenský výskumný ústav, 1997. 312 s.; Krupa, A.: *Kalendárne obyčaje III. Predjarie, jar – leto – dni v týždni*. Békéscsaba: Slovenský výskumný ústav, 1998. 357 s.

Далі дослідник звертається до народного календаря, до першого тому увійшов пізньо-осінній період і час безпосередньо перед Різдом – дні св. Міхала, Лукаша, Ондreja, Мікулаша, Люції та ін. Описи є детальними, з численними прикладами віршованих і прозових текстів, до багатьох з них додано ноти. Тексти зафіксовано словацькою мовою, зрідка трапляються угорські, з перекладом, адже дослідження написано словацькою. Так, чимало варіантів пісень з різних місцевостей увійшло до розділу про Віфлеємські ігри. Найбільше уваги присвячено дням Мікулаша, а також Люції. У висновках Крупа за притаманними їм рисами виокремлює два великі регіони словацької культури, що свідчить: з одного боку, розглядувані словацькі календарні обряди та вірування є органічною частиною словацької культури, з іншого – вони не уникли запозичень, а це доводить їх творчу силу і можливість адаптування.

У другому томі репрезентовано різдвяний цикл у вужчому розумінні – від самого Різдва до Водохреща. Зокрема детально описано дійства на щедрий вечір, св. Сільвестра, Новий рік, трьох королів. Крупа подає паралелі інших обрядів та текстів, наголошує на інтегральній ролі християнства в даний період. Він публікує також локальні варіанти звичаїв та пісень, різноманітних віншуваль та приспівок. Немало уваги приділяє дослідник питанню традиційного та сучасного побутування обрядовості, її згасання і причинам цього в останні десятиріччя, зауважуючи, що вона ще активно функціонувала на початку ХХ ст. Натомість фольклорист тішиться з того, що віршовані привітання, а також пісні ще живуть у доволі численних версіях, які він долучає до книги. Крупа констатує, що досі активні обряди і вірування містять передбачення погоди (у час Різдва, Нового року), а також дії, пов'язані з церковними ритуалами (різдвяний піст, вечерея, молитва в час різдвяної вечері, хрещення води та хати тощо). Учений подає чимало прикладів міжетнічних зв'язків, пояснюючи це відкритістю народної культури місцевих словаків.

Третій том містить обряди та пісні з «половини зими» до кінця літа, а також звичаї та вірування, пов'язані з днями тижня. Так, чимало місця приділено детальному перебігу подій на Масляну, це вигнання зими й смерті – Морени (Марморени) чи Кіселіци, з відповідними діями та піснями. Широко висвітлено у праці весняні свята, до прикладу, вигін худоби на Юрая, а ще Трійцю, Великодній тиждень тощо. Крупа цікавиться і весняною символікою – такими провісниками весни як зелені галузки, сережки дерев, квіти, що супроводжували більшість весняних і літніх свят, дійство часто освячувалося тощо. Першого травня ставили і прикрашали майське деревце. Він говорить і про одне з найзнаменніших літніх свят – святого Яна (український аналог – Івана Купала), пов'язане із стрибанням через вогнище, про що збереглася пам'ять лише в кількох селах. Далі автор аналізує приписи і вірування, пов'язані з днями тижня. До кожного тому він долучає солідну бібліографію.

Процеси занепаду традиційного фольклору Андраш Крупа констатує і в іншій своїй роботі під назвою «Тенденції згасання календарних обрядів угорських словаків, їх зв'язок зі змінами в суспільстві та способі життя».¹⁴ У праці розглянуто, з одного боку, ті суспільні, історичні й культурно-економічні впливи, які викликають модифікації у народній культурі угорських словаків, а з іншого, детально проаналізовано присутні зміни, що відбуваються у словацьких обрядах та віруваннях, автор повідомляє, що за браком більш ранніх письмових документів праця оперта передусім на людську пам'ять, саме тому він

¹⁴ Krupa, A.: A magyarországi szlovákok kalendáris szokásainak elhalási tendenciái, összefüggésük a társadalmi és életmódbeli változással. In: Náródopis Slovákov v Maďarsku, 2001, № 17, s. 11-27.

подає лише дані з XX століття. Періоди та межі змін він пропонує визначати за наступним поділом: а) від зламу XIX–XX ст. до Першої світової війни; б) Перша світова війна; період поміж двома війнами; в) Друга світова війна; г) т. зв. угорсько-чесько-словацький обмін населенням; д) період колективізації; характерні риси останніх років (напр. медіа, вплив народних колективів). Вплив є таким: чим ближче до нашого часу, тим процес згасання стає загальнішим і інтенсивнішим.

Андраша Крупу цікавив і інший великий пласт словацького фольклору – народної прози. 1984 р. вийшов його збірник «Казки тітоньки Жофки»,¹⁵ куди він умістив рідкісний фольклорний матеріал – репертуар відомої казкарки, яка розповідала твори словацькою та угорською мовами. Це переважно чарівні та соціально-побутові казки, жарти, анекдоти, що подаються двома мовами. Однак це не лише переклади, а й окремі твори, адже казкарці властива індивідуальна манера викладу. Текстам передує ґрунтовний вступ-дослідження Крупи, в якому йдеться про «відкриття» ним тітоньки Жофки (Жофії Фаркаш), історію розвитку казкової прози на території Угорщини, її поступовий занепад і трансформацію в інші жанри. Далі дослідник з метою глибокого розкриття особливостей репертуару оповідачки описує її життєвий шлях, вказує на джерела казкового багатства тощо. Окремий розділ присвячено питанню двомовності репертуару тіточки Жофки. У кінці збірки вміщено коментарі до текстів, підготовлені словацькими та угорськими фольклористами, які брали участь в експедиціях. Книга Крупи цінна насамперед рідкісним фольклорним матеріалом, що в наш час практично зник з живого побутування, його двомовністю, а також висвітленням умов розвитку казкарської традиції краю, її особливостей та змін у ній на сучасному етапі. Образ казкаря, умови виконання твору, типи казкарів та їх творча майстерність, кількамовна компетенція тощо є одним із плідних напрямів студій у фольклористичній науці,¹⁶ так, в Угорщині Ю. Раффаї уклала довідник, де перераховано усіх угорських казкарів.¹⁷

Від записав також від Жофії Фаркаш кілька угорських і словацьких балад,¹⁸ які, на його думку, не зовсім властиві для її репертуару. У передмові він розповідає про умови виконання фольклорних творів (наприклад, тіточка Жофка дуже любила дітей і часто скликала їх до себе, аби щось розповісти), умови і способи їх навчання і засвоєння, індивідуальні особливості оповідної манери інформаторки. Зазначаючи, що в наш час в області Бекеш балади збереглися лише в народній пам'яті, Крупа описує їх функціонування і дослідження в минулому, згадує джерела поповнення традиційного баладного репертуару – лубкові видання, друковані збірки, наймитування за межами краю тощо. Важливими є й зауваження Крупи щодо двомовності виконавців і слухачів. На його думку, існують індивідуальні і суспільні показники двомовності, які відіграють важливу роль у самому процесі, він називає цілий ряд причин, що служать передумовою такого мовлення. Деякі зафіксовані

¹⁵ Krupa, A.: Rozprávky ěaničky Žofky – Zsofka neni mesi. Budapest – Békéscsaba: Békés Megyei Tanács V. B. Művelődésügyi Osztály, 1984. 343 s.

¹⁶ Відомо, що дослідники різних країн здавна цікавилися казкарями та їх творчою майстерністю, серед них В. Гнатюк, М. Гиряк, П. Лінтур та ін., питаннями двомовності у репертуарі казкарів вивчали Л. Бараг, Л. Мушке-тик, Е. Померанцева, Д. Ортутаї. До прикладу, угорська дослідниця Г. Вьо виокремлює три типи двомовних казкарів: 1) казкарі, які слухають і оповідають твори будь-якою мовою; 2) казкарі, які слухають казку різними мовами та оповідають лише одною; 3) казкарі, які знають обидві мови, та можуть розповідати твори лише тою мовою, на якій почули твір»: Vő, G.: A kölcsönhatásak vizsgálatának módszerei és eredményei a romániai folklórisztikában. In: A II Békéscsabai Nemzetközi Néprajzi Nemzetiségkutató Konferencia előadásai. Budapest – Békéscsaba, 1981, s. 247.

¹⁷ Raffai, J.: A magyar mesemondás hagyományai: Útmutató mesemondók, pedagógusok és minden népmesekedvelő számára. Budapest: Hagyományok Haza, 2004. 124 s.

¹⁸ Krupa, A.: Kétnyelvű népbállaénekes Nagybanhegyesen. In: Békési Élet. 1981, sz. 3, s. 355-363.

Крупною балади є версіями відомих на території Угорщини балад «Фегер Ласло», «Лаци Яно», «Мисливець і дочка» та ін.

Андрашу Крупі належить публікація кількох народних оповідань словацької селянки з Бекешчаби Марії Арацкі Яношне, які з'явилися у перекладі.¹⁹ У передмові він описує розвиток комітату Бекеш на початку минулого століття, походження та родинну історію оповідачки, певні моменти з її біографії, риси характеру тощо. Подібні усні історії, які активно вивчають у наш час, є цінним джерелом тогочасного побуту та звичаєвості. Крупа констатує, що такі оповідки публікують лише час од часу, хоча вони лягли в основу творів визначних майстрів угорського слова Жигмонда Моріца, Лайоша Кішша, Петера Вереша.

Андраш Крупа оприявнив і тексти словацьких народних казок, які він збирав ще в юнацькі роки у рідному селі Чанадалберті.²⁰ Казки виявилися оригінальними, цінними, про що свідчить їх аналіз на основі міжнародного, угорського та словацького каталогів казок. З погляду словацького фольклору вони теж є вартісними, адже більшість їхніх варіантів ще не публікувалася, отже, вони збагачують народну скарбницю. Переважну їх частину складають чарівні та жартівливі казки, та є й звириний епос. Твори Крупа публікує без змін, зберігаючи автентичні тексти згідно з рукописом. Вступне дослідження та список використаної літератури також допомагають гідно оцінити наукову вартість цієї збірки.

Дослідник висвітлив і сучасний йому стан народної прози словаків з комітату Бекеш.²¹ У процесі спостережень він дійшов висновку, що в усній творчості слов'ян цього регіону все менше місця займає казка, а на перший план виходять деякі види оповідей, широко розповсюджені анекдоти та жарти. Крупа розглядає зв'язок народної прози з дійсністю, побутом, дає їй високу художню оцінку. Він також відзначає історичні зміни в жанрах, відмирання в них окремих поетичних троп, зменшення ролі традиції у передачі та виконанні текстів, процеси асиміляції словацьких текстів з угорськими, характеризує окремих оповідачів.

Результатом багаторічного збирання народних словацьких вірувань південно-східної Угорщини стала фундаментальна монографічна робота А. Крупі «Світ вірувань словаків південно-східної Угорщини».²² Спершу автор дає історичний огляд переселення словаків в Угорщину, і зокрема в область Бекеш. Він пише, що народні вірування місцевих словаків формувалися під впливом внутрішньої інтеграції, зовнішніх природних, економічних, суспільних та мовно-культурних факторів. Основним завданням він ставить огляд функціонування, розвитку, формування тогочасних і давніх словацьких вірувань. Водночас з низки причин йому вдалося реконструювати картину вірувань не пізніше ніж з ХХ ст. Учений зазначає, що зібраний матеріал дає цікаві результати при вивченні: з одного боку, він демонструє багато спільного з матеріалом материкової країни, з іншого – у ньому відбилися зв'язки словаків з угорцями.

Таким чином, на думку автора, народні вірування словаків Бекеша складаються з трьох шарів: 1. Вірування, принесені зі Словаччини; 2. Повір'я, адаптовані внаслідок міжетніч-

¹⁹ Krupa, A.: Elmondta egy szlovák paraszttasszony. Aracki Jánosné Benyó Mária visszaemlékezése (1978). Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem Néprajzi Tanszék, 1991, s. 98-115.

²⁰ Krupa, A.: Csanádalberti népmesék 1954-ből. In: Národopis Slovákov v Maďarsku, 2003, № 19, s. 125-155.

²¹ Krupa, A.: A Békés megyében élő szlovákok népi prózája – mint tradicionális szokások és hiedelmek megőrzője. In: A II Békéscsabai Nemzetközi Néprajzi Nemzetiségkutató Konferencia előadásai. Békéscsaba, 1981/III, s. 590-605.

²² Krupa, A.: A délkelet-magyarországi szlovákok hiedelemvilága. Debrecen: Kossuth Lajos Tudományegyetem Néprajzi Tanszék, 1987. 432 s.

них зв'язків, засвоєні на новій батьківщині; 3. Повір'я, що утворилися у результаті локальних впливів. Їх опис починається з космогонічних уявлень. Далі йдуть вірування, пов'язані з людиною (чоловік і жінка, частини тіла, персоніфіковані хвороби та ін.), людським оточенням (харчування, тварини і рослини тощо). Значну частину займає опис міфологічних істот, зокрема відьми (*босорка, стріга*), її дій, захисту від неї. З надприродних істот представлені: привид (*матуха*), блукаючий вогник (*светло*), утопленик (*топенец*) та ін.

Про залишки древніх вірувань у словаків, що проживають уздовж ріки Галга, в області Пешт у поселеннях Ача, Чьовар, Пюшпьокгатван та ін. Крупа пише у праці «Міфічні істоти у словаків вздовж Галги».²³ Він зазначає, що зв'язок поміж діями та усними висловлюваннями у віруваннях був багатозаровим: «а) практика і висловлювана дія спільно виконують первісну функцію. Тут можна назвати захист від відьом та інших духів; б) вірування більше не практикується, та текст ще зберігає зміст вірування. Наприклад, блукаючі вогники, тут вогник є злим духом. Це не можна вважати характерним стереотипом, інформатори в це вірять, хоча дії істоти вже заперечують; в) ні дії персонажа, ані висловлюваний текст не відбивають змісту вірувань. Значна частина повідомлень, історій про міфічні істоти належить до цієї групи».²⁴ Крупа ділить міфічні істоти регіону на шість груп, зокрема це відьми, блукаючі вогники, привиди, пов'язані з релігією істоти та ін. Незважаючи на загальну тенденцію до згасання традиційних вірувань серед угорських словаків у другій половині ХХ ст., досліднику вдалося записати чимало їх зразків у місцевостях Мезьоберень та Кішкьорьош, які він подає у своїй праці.²⁵ У творах Крупа зауважує багато спільних рис із угорцями та німцями, що мешкають поряд.

Є в Андраша Крупи і декілька праць про історію і сучасне становище, культуру міста Бекешчаба, деякі з них написані спільно з іншою відомою дослідницею словацького фольклору Анною Дівічан.²⁶ Йому належить і монографія – огляд збирання і дослідження словацького фольклору в історичній і сучасній Угорщині із залученням описів деяких свят.²⁷

Діяльність Андраша Крупи високо цінували в Словаччині та Угорщині, про що свідчать два томи праць та конференція, присвячені його ювілеям,²⁸ у яких взяли участь науковці з різних країн.²⁹

Сам дослідник в одному з інтерв'ю в газеті «Новини комітату Бекеш» (*Békés Megyei Hírlap*) за 1 жовтня 2004 р. так сказав про свої заслуги: «Саме тому своїм найбільшим успіхом я вважаю збереження народних скарбів, цінностей і знань. Одне, коли звичаї та вірування спадково зберігалися у родинах, й інше, коли, як зараз, наприклад, фольклор виконують на сцені. На жаль, фактом є те, що фольклор вмирає зі зміною мови».

Андраш Крупа належить до числа тих дослідників минулого і сучасності, які були по-

²³ Krupa, A.: A Galga menti szlovákok mitikus lényei. In: Válogatás a magyarországi nemzetiségek néprajzi köteteiből. 1996, N. I, s. 59-77.

²⁴ Krupa, A.: A Galga menti szlovákok mitikus lényei, c. d., s. 60.

²⁵ Krupa, A.: Mitikus lények Mezőberényben és Kiskőrösön. In: Nérodopis Slovákov v Maďarsku, 2002, № 18, s. 43-67.

²⁶ Gyivicsán, A. – Krupa, A.: A magyarországi szlovákok. Budapest: Útmutató Kiadó, 2018. 128 s.

²⁷ Krupa, A.: A magyarországi szlovákok folklórkutatásának eredményei. Budapest: Tudományos Ismeretterjesztő Társulat, 1979. 95 s.

²⁸ Divičanová, A. – Krekovičová, E. – Uhrinová, A. (zost.): V službách etnografie: Zborník na počesť sedemdesiatin Ondreja Krupu. Békéscsaba: Magyarországi Szlovákok Kutatóintézete. 584 s.; Kováčová, A. – Uhrinová, A. (zost.): Duchovná a sociálna kultúra menšín v majoritnom prostredí. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie venovanej životnému jubileu etnografa Ondreja Krupu. Békešská Čaba: Výskumný ústav Celoštátnej slovenskej samosprávy v Maďarsku, 2015. 400 s.

²⁹ Авторці даної розвідки теж поталанило вмістити до однієї з них своє дослідження про українську казку: Відьма в українських чарівних казках Закарпаття. In: V službách etnografie, c. d., s. 226-239.

середниками поміж угорською та словацькою культурами, і багато зробили для збереження і популяризації народної традиційної культури. Усе своє життя він присвятив збиранню та вивченню фольклору та етнографії словаків Угорщини – головню місць їх більш компактного проживання – південно-східних регіонів, а також інших дисперсних розселень. Зібраний матеріал він оприявнив у низці збірників та описав у своїх дослідженнях про народну обрядовість, вірування, казки, оповідання та ін. Крупа порушив багато актуальних питань сучасної науки – двомовності, міжетнічних контактів у фольклорі та етнографії, сучасного побутування фольклору, процесів згасання та модифікації фольклорних жанрів тощо. Учений був також гарним організатором, менеджером, займався редагуванням праць, входив до низки етнологічних товариств. За свою діяльність нагороджений низкою відзнак Угорщини та Словаччини.

András Krupa is a collector and researcher of Slovak folklore in Hungary

Lesia Mushketyk

In addition to Hungarians, there are other national communities in modern Hungary, including the Slavs, the largest of which is Slovak, which preserves its language and culture. A well-known ethnologist, folklorist, public figure from Békéscsaba, initiator and organizer of many events and conferences, mediator between Hungarian and Slovak culture András (Ondrej) Krupa (1934–2015) made a great contribution to the study and preservation of Slovak folk culture in Hungary.

András Krupa devoted his entire life to collecting and studying the folklore and ethnography of Slovaks in Hungary – mainly places of their more compact residence – the south-eastern regions of the country, as well as other dispersed settlements. For many decades, the researcher collected Slovak folklore, rites and customs and published them in various publications with texts and notes, descriptions and comments on them. András Krupa owns 27 research books and collections, more than a hundred publications in Hungarian and Slovak, as well as Romanian and English. His studies include regional studies, the folk culture of the Transdanubian Slovaks (Dunantula), in particular the world of rituals and beliefs, the Slovak folk calendar, as well as various genres of Slovak folklore – songs, fairy tales, short stories, etc. Krupa raised many topical issues of modern science – bilingualism, interethnic contacts in folklore and ethnography, modern life of folklore, the processes of extinction and modification of folklore genres and more.

The scientist was also a good organizer, manager – one of the main organizers of the resonant in Europe «Békéscsaba International Ethnographic Conferences on the Study of Nationalities» (BNNK), a total of 7 forums since 1975. He was a member of a number of ethnological societies and for more than 19 years was a senior researcher at the Slovak Research Institute in Békéscsaba. For more than two decades he was the editor-in-chief, member of editorial boards and author of articles in local scientific journals. He has been awarded a number of awards by Hungary and Slovakia for his work.

SPRÁVY A RECENZIE

In memoriam prof. Dr. Janko Ramač (1955 – 2022)

Dňa 27. augusta 2022 nečakane a tragicky odišiel slavista Janko Ramač, profesor Oddelenia rusinistiky Filozofickej fakulty Univerzity v Novom Sade.

Janko (Đura) Ramač sa narodil v Ruskom Kerestúre (srb. Ruski Krstur, rusin. Руски Керестур) 22. marca 1955. Základnú školu navštevoval vo svojom rodisku, potom v Ríme klasické gymnázium (Pontificium Seminarium Minus Ucrainum). V roku 1975 zmaturoval na gymnáziu v Ruskom Kerestúre. Štúdium histórie ukončil na Oddelení dejín Filozofickej fakulty v Novom Sade v roku 1980. Štyri roky pracoval ako lektor vo Vojvodinskom múzeu v Novom Sade. Na Oddelení rusinistiky Filozofickej fakulty Univerzity v Novom Sade pôsobil od roku 1984, prakticky od jeho založenia. Prešiel zvyčajnou cestou vysokoškolského učiteľa – od asistenta (1988) po riadneho profesora (2006). Magisterskú prácu *Privredni i društveni život Rusina u Južnoj Ugarskoj (1848 – 1918) / Hospodársky a spoločenský život Rusínov v južnom Uhorsku (1848 – 1918)* obhájil na Filozofickej fakulte v Belehrade v roku 1990. Dizertačnú prácu *История русинів Південної Угорщини (1745 – 1918) / Dejiny Rusínov v južnom Uhorsku (1745 – 1918)* obhájil na Fakulte dejín Štátnej univerzity v Užhorode v roku 1995. Roky 2000 – 2003 strávil na postdoktorskej špecializácii na Katedre rusinistiky a ukrajinistiky na Vysokej škole v Nireďháze v Maďarsku.

Na Filozofickej fakulte v Novom Sade bol činný v práci orgánov fakulty a univerzity: bol členom komisií pri voľbe vedecko-pedagogických pracovníkov; školiteľom pri písaní záverečných prác; členom komisií pri obhajobách prác študentov na základných, magisterských, špecializačných a doktorandských štúdiách. Funkciu vedúceho Oddelenia rusinistiky Filozofickej fakulty v Novom Sade

vykonával v období rokov 2015 – 2021, v posledných rokoch bol zástupcom vedúceho oddelenia.

Na základných a postdiplomových akademických štúdiách prednášal predmety týkajúce sa dejín, kultúry, staršej literatúry a folklóru Rusínov a na magisterských akademických štúdiách rusínsku otázku v strednej Európe v 20. storočí. Na Filologickej fakulte v Belehrade prednášal od roku 2002, od založenia oddelenia ukrajinistiky, a to kultúrne dejiny ukrajinského národa. V rámci programu Erasmus+ prednášal na Gdanskej univerzite, na Prešovskej univerzite v Prešove, na Univerzite Mateja Bela v Banskej Bystrici, na Vroclavskej univerzite, na Národnej univerzite v Užhorode, na Evovskej univerzite Ivana Franka, na Univerzite v Triere a uskutočnil aj on-line prednášky na Kyjevskej národnej univerzite Tarasa Ševčenko a v roku 2008 realizoval aj medziakademický výskumný pobyt v Slavistickom ústave Jána Stanislava SAV a spolupodieľal sa na analýze vybraných cyrilských a latinských pamiatok z historiografického hľadiska.

Hlavnou oblasťou jeho vedeckých záujmov boli dejiny Rusínov v južnom Uhorsku/Juhoslávii. V rámci kultúrnych dejín Rusínov sa zaoberal výskumom historických materiálov a starších rusínskych rukopisných zborníkov a epištolárneho dedičstva významných dejateľov, napr. H. Kostelníka, V. Hnaťuka, A. Duchnoviča a i. Vo svojich výskumoch sa tiež zaoberal folklórom Rusínov a Ukrajincov, náboženským a osvetovým životom tejto národnostnej menšiny od 17. storočia po súčasnosť, ako aj spoločensko-ekonomickým postavením Rusínov v Uhorsku. Skúmal aj kultúrne a literárne styky Rusínov so Srbmi, Slovákmi, s Rumunmi a s inými národnostnými spoločenstvami žijúcimi v Uhorsku a v nástupníckych štátoch vzniknutých po zániku Rakúsko-uhorskej monarchie, pričom poukazoval na to, že národnostné a konfesionálne rozdiely nie sú prekážkou pre dobré susedské vzta-

hy a spoluprácu. Jeho práca v tejto oblasti bola oceňovaná aj slovenskou národnostnou menšinou v Srbsku. Osvetová komisia Matice slovenskej v Srbsku mu na Slovenských národných slávnostiach v roku 2018 v Báčskom Petrovci udelila *Osobitné uznanie za zásluhy a úspechy na poli vzdelávania, výchovy a zveľaďovania slovenského jazyka a jazykovej kultúry*. V poslednom období sa vo svojej vedecko-výskumnej práci venoval kultúrnym dejinám Rusínov v medzivojnovom období, ako i nacionálnym kontaktom a spolupráci Rusínov žijúcich v Juhoslávii s Rusínmi žijúcimi na Ukrajine, ako i kontaktom Rusínov a Ukrajincov v diaspore.

Profesor Janko Ramač sa zaoberal aj prekladom etnografického materiálu zo srbského, z ukrajinského, nemeckého a latinského jazyka do rusínčiny. Za preklad Biblie (v spoluautorstve so spisovateľom Michalom Ramačom) – ide o prvý kompletný preklad Starého a Nového zákona z gréckeho originálu do vojvodinského rusínskeho jazyka – bol vymenovaný za *Rytiera rádu sv. Silvestra pápeža* (Equites ordini Sancti Silvesteri papae) a bol mu udelené právomoci používať všetky privilégia spojené s týmto rádom.

Výpracoval dodatky z dejín Rusínov pre učebnice dejepisu pre základnú školu v rusínčine, na základe ktorých bol v učebniciach tohto typu prvýkrát uvedený systematický prehľad dejín Rusínov.

Bol organizátorom a spoluorganizátorom niekoľkých sympózií a konferencií v Novom Sade. Na medzinárodnej konferencii Лемки, Бойки, Гуцули, Русини – история, сучасности, матерьялна и духовна култура uskutočnenej roku 2017 v Banskej Bystrici mu bol udelený *Pamätný list* Katedry dejín Filozofickej fakulty Univerzity Mateja Bela v Banskej Bystrici. Vystupoval na mnohých medzinárodných konferenciách doma i v zahraničí. Bol vedúcim alebo spoluriešiteľom niekoľkých vedeckých projektov. Bol hlavným a zodpovedným redaktorom časopisu *Русинистични студии / Ruthenican Studies*, ktorý bol založený z jeho iniciatívy roku 2017 pri Oddelení rusinistiky Filozofickej fakulty Univerzity v Novom Sade. Bol členom redakčných rád niekoľkých domácich a zahraničných vedeckých časopisov pre humanitné vedy, tajomníkom Akademického spoločenstva Rusínov a Ukrajincov v Novom Sade, ako i členom Spolku historikov Srbska. Ako dobrovoľník bol členom spravujúceho výboru Ekumenickej humanitárnej organizácie v Novom Sade.

Publikoval 15 kníh (ako autor/spoluautor, prekladateľ, editor/redaktor), 195 vedeckých prác; vybrané kapitoly v 11 učebniciach dejepisu pre základnú školu v rusínskom jazyku; 47 bibliografických jednotiek z prekladateľskej činnosti, 4 bibliografické jednotky z editačnej činnosti a 7 bibliografických jednotiek, ktoré sa vzťahujú na úvodné slová a recenzie. Táto mimoriadne bohatá bibliografia svedčí o jeho kontinuálnej vedeckej činnosti.

Patril k akademikom, ktorí boli zanietenými pedagógmi. Počas svojho univerzitného pôsobenia vštepoval študentom nielen odborné poznatky, ale aj lásku k histórii a rusínskemu spoločenstvu, úctu k tradícii a toleranciu k rôznorodosti. Svojou odbornosťou vzbudzoval prirodzený rešpekt aj napriek tomu, že bol mimoriadne skromný.

Profesor Ramač si svojou prácou, ale aj svojimi kladnými osobnými vlastnosťami, stabilnými postojmi, pevnými morálnymi princípmi, nesebeckým prístupom a nevšednou zanietenosťou vo vedeckých výskumoch získal povest' uznávaného historika nielen vo vojvodinských, ale aj v európskych, ba i svetových vedeckých kruhoch. O tom svedčí jeho spolupráca s kolegami zo Slovenska, z Ukrajiny, Poľska, Estónska, Maďarska, Rumunska, Talianska, Nemecka, Japonska atď. Vďaka svojmu širokému odbornému záberu a vedeckým kontaktom zabezpečil knižnici oddelenia rusinistiky na materskej fakulte veľký počet zahraničných publikácií.

Súhrnná práca profesora Janka Ramača predstavuje nesmierny prínos pre fakultu, na ktorej strávil celý svoj aktívny pracovný život, zanecháva hlbokú a nezmazateľnú stopu v historiografii Rusínov a je nevyhnutným základom pre podobné výskumy v tejto oblasti.

Spomienka na jeho výnimočnú osobnosť ostane navždy v našich srdciach. Budeme si ho pamätať ako vynikajúceho odborníka, ochotného kolegu, skúseného pedagóga a ako láskavého človeka.

Česť jeho pamiatke!

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.2.8>

Daniela Marčoková a Eleonóra Zvalená

ŽEŇUCH, P.: Slováci a slovenčina v jazykovo-historických a konfesijných súvislostiach. Procesy a kontexty kultúrnej komunikácie. Bratislava: Slavistický komitét slavistov – Pedagogická fakulta Univerzity Komenského, 2022. 124 s.

Monografia *Slováci a slovenčina v jazykovo-historických a konfesijných súvislostiach. Procesy a kontexty kultúrnej komunikácie* poskytuje synchronno-diachrónny pohľad do problematiky národného a jazykovo-konfesijného myslenia Slovákov. V štyroch kapitolách venovaných jazykovo-historickej a interpretačno-kritickej charakteristike vzťahu ľudového a liturgického jazyka Peter Žeňuch upriamuje pozornosť na vývinové procesy národného myslenia Slovákov v interkonfesijných súvislostiach, pričom nadväzuje predovšetkým na výskumy Antona A. Baníka, Jána Dorul'u, Ludovíta Haraksima a Imricha Sedláka.

Publikácia prináša prehľad doterajších výsledkov založený na komplexnej jazykovo-historickej a spoločensko-kultúrnej interpretácii vybraných jazykovo-kultúrnych súvislostí, ktoré tvoria súčasť celého radu písomných prameňov. Autor nastoľuje a rieši otázky týkajúce sa hlbšieho poznania interkultúrneho a interkonfesijného rozmeru komunikácie v kontexte slovenskej identity, ako aj pochopenia základných princípov diverzifikácie podmienenej vzťahmi medzi jazykom a konfesiou. V centre pozornosti autora je slovenčina v rozmanitých druhoch písomností, ktoré sú provenienčne späté najmä s východným Slovenskom.

Úvodná časť monografie prináša informácie o vývine slovenského jazykovo-historického priestoru, ktorý je úzko spätý s konfesionalizmom ako dôležitým kultúrnym činiteľom slovenského národného vývinu. Zaoberajúc sa jazykom ako základným zdrojom kultúrnej pamäti a nástrojom ďalšieho vývinu i kultivácie človeka a spoločnosti, ktorý svedčí o historickom etablovaní sa spoločenstva, autor konštatuje, že na základe jednotlivých etáp jeho rozvoja možno dokumentovať aj obraz o kreovaní kolektívneho jazykového a kultúrneho myslenia národa. Poukazuje sa tu na skutočnosť, že preto práve literárne pramene a písomnosti rozmanitej obsahovo-tematickej povahy sú najmä dokumenty o dynamike každodenného života spoločnosti a jej kultúry a o hlavných vývinových smeroch a diskur-

zoch vo vzťahoch medzi jazykom konfesie a bežným komunikačným jazykom spoločenstva.

Autor monografie usudzuje, že pre komplexné poznanie kultúrneho vývinu celej slovenskej kultúry je najdôležitejší synergický, historicko-filologický a komparatívny prístup, ktorý umožňuje jedinou spoľahlivú metódu poznávania hodnotovo pluralitného života spoločnosti. Z uvedeného dôvodu je nevyhnutné poznať všetky jazykové, kultúrne a konfesijné vrstvy vývinu slovenskej spoločnosti. Základným zdrojom tohto poznávania sú písomné pamiatky napísané v slovenskom jazyku, ale aj texty v latinskom jazyku ako oficiálnom jazyku uhorskej štátnosti, resp. jazyku väčšinovej obradovo latinskej cirkvi v slovenskom Uhorsku. Nemenej dôležité je poznať aj cirkevnoslovenský jazyk, ktorý je typický pre slovenskú byzantsko-slovenskú konfesijnú tradíciu, resp. český jazyk, ktorý bol nielen jazykom oficiálnej písomnej komunikácie, a bibličtinu ako jazyk liturgickej tradície slovenských protestantov. P. Žeňuch pripomína, že v prípade slovenského jazyka všetky jazykovo-kultúrne vplyvy síce vyústili v konfesijné diferencovanie, ale jazykovo jednotnom myslení slovenského etnika. Autor zároveň poznamenáva, že z perspektívy kritického poznávania treba pristupovať práve k vnímaniu nárečovo diverzifikovaných písomností, ale aj kultúrno-konfesijných podmienok vývinu slovenskej kultúry.

Prvá kapitola monografie podáva množstvo cenných informácií o aktuálnych zdrojoch pramenného výskumu cyrilскеj písomnej kultúry slovenskej proveniencie. Značná pozornosť sa venuje písomnostiam edukačného charakteru v prostredí byzantskej cirkvi na Slovensku, resp. cyrilským pamiatkam ako dôkazu duchovno-kultúrnej rozmanitosti. Autor považuje za veľký deficit vo výskume prameňov zameraných na byzantsko-slovenskú tradíciu najmä to, že záujem výskumníkov sa podnes sústreďuje na hľadanie odpovede o jej kontinuite či diskontinuite z veľkomoravského prostredia. Zároveň upozorňuje na skutočnosť, že jazyk literatúry Veľkej Moravy má svoje pokračovanie hlavne u južných a východných Slovanov, kde sa v plnej miere uplatnil v cirkevnoslovenskom bohoslužobnom prostredí a rozvinula sa v ňom aj bohatá písomná tradícia. Dodáva však, že práve predmetná byzantsko-slovenská literárna a liturgická tradícia bola a dodnes je aj v úzkom kontakte s kultúrno-konfesijnými dejinami Slovákov. Skúmané

cyrilské rukopisné pamiatky vznikali predovšetkým na území historickej Mukačevskej eparchie, ktorá predstavuje priestor, kde sa stretáva byzantská tradícia a kultúra s latinskou, čo sa prejavuje v religióznej každodennosti.

Autor publikácie sa zameriava na cyrilské rukopisné a tlačené písomné pamiatky edukačného charakteru, ku ktorým patria napr. *De Kamelisev Katechismus určený na vzdelávanie ľudu východnej cirkvi v Uhorsku, Rukoväť cirkevných dejín* od M. Bradača, potom *Krátky výklad učenia o obrátení Slovanov na kresťanstvo, Rakošínský rukopisný zborník s Lucidárom, Obraz mníšskeho života* a spis *Výkladov svätých liturgií* od J. J. Baziloviča, *Užhorodský rukopisný Pseudozonar* a pod. Osobitnú pozornosť venuje ekleziálnemu dokumentu administratívno-právnej povahy *Štatúty mukačevského biskupa Michala Manuela Olšavského*. V záverečnej časti tejto kapitoly prináša sumarizáciu diplomatických vydaní rukopisných a tlačených pamiatok byzantskej tradície na Slovensku.

Druhá kapitola monografie je venovaná slovenčine a Slovákom v staršom období vývinu byzantsko-slovenskej tradície. Autor v nej zdôrazňuje význam výskumu vzťahov slovenského jazyka so slovanskými i neslovanskými jazykmi, ktorý pomáha pri odkrývaní obrazu o plynulom, kontinuálnom a systematickom vývine slovenskej spoločnosti aj v rámci interkultúrnej a interkonfesionálnej komunikácie. K jazyku pristupuje ako k trvalej, platnej a udržateľnej hodnote, resp. neoddeliteľnej súčasť historického vedomia a znaku konvergentného, spoločného myslenia o dejinách, kultúre a spoločnosti a tiež o blízkyh i vzdialených susedoch.

V predmetnej kapitole sa dozvedáme viac o jazyku neliturgických cyrilských pamiatok v slovenskom prostredí. Autor vyvíja úsilie priblížiť oblasť východného Slovenska, ktorá je v neustálom kontakte s byzantsko-slovanským prostredím a cirkevnoslovenskou liturgickou tradíciou, čo sa intenzívne prejavuje na príklade rozličných lexikálnych prevzatí z liturgického prostredia v živej ľudovej reči. Ide predovšetkým o termíny, ktoré označujú bohoslužobné predmety, obrazy, liturgické texty, odevy kňaza či miništrantov a pod. Hoci sú to pôvodne grécke pomenovania, do nárečového úzu veriacich na východnom Slovensku sa dostali prostredníctvom cirkevnej slovančiny. Autor si zároveň všima súvislosti týkajúce sa vkladu slovenského jazykového prostredia a jazykového povedomia

slovenských používateľov do redakcie liturgického cirkevnoslovenského jazyka i do cyrilskej písomnej kultúry pod Karpatmi, ktorý pokladá za dôležitý prejav jazykovej a kultúrnej identity Slovákov.

Píšuc o vplyve cirkevnej identity na kultivovanie slovenčiny, P. Žeňuch vysvetľuje, že zjednocujúcim znakom jazykovej identity slovenského národa nie sú liturgické jazyky používané v cirkvách latinského, byzantsko-slovanského obradu či v prostredí slovenských evanjelikov alebo kalvínov. V tejto súvislosti upozorňuje na to, že reprezentantom národného spoločenstva je hovorená podoba slovenčiny a tou bola a je celonárodne platná podoba slovenského jazyka, ktorým sa možno dorozumieť vo všetkých sférach každodenného života. Na základe výsledkov dlhodobého výskumu v prostredí etnicky a jazykovo slovenského spoločenstva veriacich byzantského obradu, ktoré svoj materinský jazyk (nárečie) nikdy nevnímalo ako prekážku pri identifikácii s byzantsko-slovanským obradom, autor dedukuje, že skúmaný stav v používaní liturgického jazyka je plne porovnateľný s používaním bibličtiny v prostredí slovenských evanjelikov augustinského vyznania. V záverečnej časti kapitoly je spracovaná problematika kultúrneho jazyka v kontexte slovenskej konfesionálnej rozmanitosti.

Tretia kapitola ponúka komplexný pohľad na sakralizáciu kultúrnej slovenčiny. Autor upriamuje pozornosť na východoslovenský kultúrny jazyk v sakrálnej sfére, ako aj na liturgickú cirkevnú slovančinu v prostredí gréckokatolíkov slovenského jazyka. Osobitnú pozornosť venuje jazyku gréckokatolíckej enklávy na Dolnej zemi. Z textu sa dozvedáme, že neoddeliteľnú súčasť starobylej tradície mukačevskej cirkvi tvoria východní Slováci, ktorých časť sa z východného Slovenska v prvej polovici 18. storočia v kontexte ekonomicky motivovanej migrácie presídlila na Dolnú zem a podnes žije vo Vojvodine, kde utvorila silnú gréckokatolícku enklávu. Funkciu spisovného jazyka v prostredí dolnozemskej Rusnákov plní Gabrielom Kostelnikom kodifikovaný jazyk, ktorý má svoj pôvod vo východoslovenskom šarišsko-zemplínskom nárečovom prostredí. Autor podotýka, že o tom svedčí celý rad systémových jazykových javov, ktoré jazyk danej komunity genetiky spájajú s východoslovenským nárečovým areálom.

P. Žeňuch konštatuje, že Rusnáci na Dolnej zemi si vybrali vlastnú cestu etnickej identifikácie, na ktorej si za znak svojej identity zvolili to, čo

v konečnom dôsledku tvorí podnes osnovu kultúrnej jedinečnosti všetkých gréckokatolíkov pod Karpatmi – cirkev, obrad a vieru. Nedávno realizované terénne výskumy autora monografie v prostredí gréckokatolíkov na Dolnej zemi prispeli k prehĺbeniu a obohateniu doterajších poznatkov z uvedenej oblasti. Počas týchto výskumov sa ukázalo, resp. potvrdilo, že zvuková podoba cirkevnej slovančiny, ktorú pri modlitbových prejavoch používajú veriaci Rusnáci v enkláve, je zhodná so zvukovou podobou liturgického jazyka slovenských gréckokatolíkov a pravoslávnych. V ústnom prejave sa cirkevná slovenčina plne prispôbuje osobitostiam zvukovej roviny jazyka veriaceho.

V kontexte mukačevskej cirkevnej tradície a konceptu jazykovo-kultúrnej konvergencie autor uvádza, že hlavnou kultúrno-identifikačnou črtou spoločenstva tvoriaceho historickú mukačevskú „materskú cirkev“, – ktorá najmä v duchovno-kultúrnej rovine zjednocuje gréckokatolíkov v eparchiách v Zakarpatskej oblasti Ukrajiny, na Slovensku, v Maďarsku, v Rumunsku i v diaspóre na Dolnej zemi a v Amerike, – je spoločné liturgické a kultúrno-religiózne východisko. Predstavuje ho liturgický jazyk, obrad či jurisdikčná jednota s pápežom a rímskokatolíckou cirkvou, ako aj niektoré miestne liturgicko-obradové osobitosti. P. Žeňuch vyzdvihuje skutočnosť, že tieto špecifiká si udržali aj dolnozemsí Rusnáci, a to aj napriek rozmanitým historickým a spoločenským podmienkam.

Autor svoju vedeckú pozornosť orientuje aj na otázky konfesie a národa, resp. jazyka a konfesie. V tejto súvislosti vyslovuje domnienku, že tradíciou poznačený rezervovaný postoj cirkvi byzantského obradu voči protestantom augsburského a helvétskeho vyznania pretrval azda najviac v pamäti gréckokatolíkov na Dolnej zemi a stal sa základom či zdrojom vyhranenia sa voči jazykovej spolupatričnosti so slovenskými evanjelikmi na danom území. P. Žeňuch prezrádza, že prejavy tohto postoja nachádza v celom rade cyrilských písomných pamiatok z prostredia mukačevskej cirkvi.

Rusnácku identitu v 18. a 19. storočí reprezentoval obrad, cirkevno-slovanský liturgický jazyk a cyrilské písmo ako primárny pilier identity gréckokatolíkov. Autor predpokladá, že práve preto sa dolnozemsých Rusnákov nedotkli procesy slovenskej jazykovej a národno-kultúrnej integrácie, ktoré sa na Slovensku zintenzívnili koncom 18. storočia, ako ani posilňovanie kultúrneho vplyvu

trnavského univerzitného prostredia, pod vplyvom ktorého sa uskutočňovala aj formácia viacerých významných predstaviteľov kultúrneho života mukačevskej cirkvi (M. M. Olšavského, A. Bačinského, M. Bradača atď.). Rusnáci na Dolnej zemi obišli aj kodifikačné aktivity slovenčiny, ktoré sa rozvíjali na konci 18. storočia. P. Žeňuch vyvodzuje záver, že jediným a hlavným spojivom so slovenčinou ostal pre vojvodinských Rusnákov východoslovenský jazyk, ktorý však po ich odchode z východného Slovenska prešiel vlastnou cestou kultivácie. Integračnú a identifikačnú funkciu pre nich však predstavuje už ako jazyk založený na osnove východoslovenského nárečia, ktoré pritom plní funkciu základného komunikačného prostriedku a vystupuje aj ako identifikačný symbol tohto spoločenstva. Zaujímavé je, že vďaka cyrilským písomným pamiatkam z 18. a 19. storočia možno sledovať aj jeho postupnú adaptáciu v južnoslovanskom jazykovom prostredí.

Posledná kapitola monografie sa zaoberá premenami identity v praxi. Autor v nej vysvetľuje, že systémovým východiskom jazyka dolnozemsých Rusnákov bola a podnes je živá východná slovenčina, no základným príznakom ich identity nie je jazyk každodennej komunikácie, ale ostatné zložky kultúrnej identity, ktoré súvisia s ich konfesijným povedomím poskytujúcim priestor pre im vlastné kultúrno-identifikačné stereotypy. Uvedomujúc si, že podstatnou zložkou formovania identity gréckokatolíkov na Dolnej zemi je ich religiózno-konfesijné povedomie, potvrdzuje, že skúmané súvislosti utvárajú priestor pre pochopenie stereotypov, ktoré sú podnes živé aj v celej gréckokatolíckej cirkvi pod Karpatmi. Autor sa, okrem iného, zmieňuje aj o potrebe skúmania súvislostí spätých s formovaním kultúrnej identity gréckokatolíckej mukačevskej cirkvi v 18. storočí, ktoré si táto gréckokatolícka entita priniesla na Dolnú zem z východného Slovenska.

Dôkazom toho, že kultivovaná podoba východnej slovenčiny tvorí základnú os jazykovo-kultúrneho povedomia gréckokatolíkov na Dolnej zemi sú cyrilské písomné pamiatky z vojvodinského prostredia, v ktorých sa uplatňuje východoslovenčina ako liturgický jazyk. Skúmajúc problematiku jazyka východných Slovákov a kultúrno-konfesijnú komunikáciu, autor naznačuje, že uplatňovanie sa jazykového povedomia v textoch vznikajúcich v prostredí byzantsko-slovanskej cirkevnej tradície

cie medzi východoslovenskými gréckokatolíckymi a vojvodinskými Rusnákmi je prirodzený a trvalý proces, ktorý sa nedá zastaviť a ktorý sa prejavuje v prenikaní jazykového vedomia používateľov do literárneho jazyka v rozličných sférach písomnej kultúry poznačeného liturgickou praxou.

Celkovo možno konštatovať, že najnovšia knižná publikácia P. Žeňucha predstavuje komplexné zhrnutie výsledkov doterajšieho výskumu slovenského jazyka v jazykovo-historických a konfesijnálnych súvislostiach. Záverečné riadky prinášajú informáciu o tom, že výskum písomných prameňov pre potreby tohto diela nie je ešte skončený. Ide o dlhodobý a systematický výskum písomných pamiatok, v ktorom je nevyhnutné pokračovať aj v nasledujúcom období. Jednotlivé materiály sa systematicky spracúvajú a odbornej verejnosti postupne sprístupňujú v podobe transliterovaných textov v rámci vedeckých pramenných edícií, za čo patrí autorovi osobitné poďakovanie a uznanie.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.2.9>
Marína Hríbová

Nová inšpiratívna publikácia v oblasti lingvistickej pragmatiky a egolingvistiky.
SOKOLOVÁ, J.: *Hovoriaci v pragmaticko-sémantických a komunikačných súvislostiach*. Nitra: Filozofická fakulta Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre, 2021. 279 s. ISBN 978-80-558-1750-7.

Lingvistická pragmatika (alebo pragmatická lingvistika či pragmatika) je vedná disciplína formovaná na hranici lingvistiky a filozofie, ktorá sa orientuje na rečovú výpoveď hovoriaceho a jej zámer. Egolingvistika sa chápe ako veda, ktorá skúma projekciu ega v komunikácii, pričom je ego interpretované ako jadro osobnosti, a teda vychádza z antropologickej lingvistiky (podľa J. Dolníka). Oba vedné odbory sú relatívne mladými a modernými vednými disciplínami, ktoré prinášajú nové impulzy na poli jazykovedy a súčasne jej interdisciplinárnych prepojení na iné odvetvia vedeckého bádania. Prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. je dobre známa predovšetkým v oblasti slovenskej a ruskej jazykovedy. Vo svojej profesijnej vedecko-výskumnej činnosti sa zameriava

na rôzne oblasti modernej lingvistiky – lexikálnu onomaziológiu a semaziológiu, lingvistickú pragmatiku, ale ťažiskom jej vedeckej činnosti ostatných rokov je práve egolingvistika, o čom svedčí jej projektová i publikačná činnosť. Monografia *Hovoriaci v pragmaticko-sémantických a komunikačných súvislostiach* je súčasťou grantovej úlohy VEGA 1/0067/19 *Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie*. J. Sokolová sa danej problematike intenzívne venuje v posledných rokoch, o čom svedčia, okrem iného, aj jej parciálne výstupy v časopisoch *Slavica Nitrensis*, *Slavica Slovaca*, *Slovenská reč* či *Jazykovedný časopis* v rokoch 2015 – 2021.

Recenzovaná publikácia je štruktúrovaná do štyroch nosných kapitol: 1. Hovoriaci v kontexte lingvistickej pragmatiky (s. 15 – 62), 2. Postojové a hľadiskové projekcie hovoriaceho (s. 63 – 136), 3. Pragmatická disponibilita jazykových prostriedkov (s. 137 – 194), 4. Adresát a adresácia v komunikačných stratégiách hovoriaceho (s. 195 – 224). Komplexnosť a prehľadnosť podčiarkuje aj zoznam značiek a skratiek (s. 9 – 10) na začiatku monografie pred Predhovorom (s. 11 – 13), exaktne sformulované závery výskumu (s. 225 – 235), meniny (s. 263 – 266) a vecný register (s. 267 – 279), či obsiahly zoznam literatúry (s. 237 – 258), v ktorom sa nachádzajú publikácie slovenskej, českej, anglickej, americkej, ruskej a bieloruskej proveniencie, zamerané nielen na jazykovedu, ale súčasne aj na interdisciplinárne presahy do literárnej vedy (U. Eco, R. Müller – P. Šidák) či psychológie (V. Čavojová, M. Nakonečný a iní).

V monografii je predstavený faktor hovoriaceho, jeho kódovanie a analýza jeho riešení, ktoré sa vysvetľuje aj z pohľadu konceptuálnej a procedurálnej charakteristiky samotného hovoriaceho. Súbor materiálu je tvorený z dokladov zo *Slovenského národného korpusu – verzia prim-9.0-public-sane*, pričom je určený výlučne na dokladovanie, na čo J. Sokolová explicitne poukazuje už v Predhovore. Pre porovnanie sú využité poznatky *Moskovskej sémantickej školy*, autorka postupne prechádza od hovoriaceho v kontexte lingvistickej pragmatiky (hovoriaci, režim interpretácie, egoprezentácia a pod.), cez postojové a hľadiskové projekcie hovoriaceho a pragmatickú disponibilitu jazykových prostriedkov, až k adresátovi a adresácii v komunikačných stratégiách hovoriaceho (napr. adresácia vykrania, oslovenia,

nadávkou a pod.). J. Sokolová prezentuje hovoriaceho z rôznych hľadísk, na základe vybraných delení (podľa spôsobu formálnej exponencie, podľa numerických kritérií) a využíva rozsiahly materiál príkladov, ktorým svoje tvrdenia potvrdzuje. Poukazuje sa napríklad na fakt, že za jednou výpoveďou hovoriaceho sa môže skrývať rôznorodosť interpretácií z pohľadu konkrétneho hovoriaceho. Toto potvrdzujú aj autorkine analýzy a explicitné príklady naprieč celou monografiou: pozri napr. komunikačná rola osobnosti (s. 16), alebo demonstrácia implicitného hovoriaceho na príklade vety „*Deti hrali hokej*“, ktorá presvedčivo ponúka rôznorodosť významov výpovede (s. 17). Stretávame sa aj s nuansami, ktoré približujú celý kontext a pomáhajú hlbšie pochopiť problematiku pragmatiky, sémantiky a komunikácie z pohľadu hovoriaceho v rôznych paralelách.

Daná monografia poskytuje aj inter- a transdisciplinárne presahy, predovšetkým s psychológiou. Autorka využíva prepojenia primárne na sociálnu, ale aj všeobecnú psychológiu (M. Nakonečný, J. Výrost, I. Slaměnik, V. Čavojová). Explicitne využíva poznatky zo psychológie napr. pri diferenciácii postojov hovoriaceho (epistemický, preferenčný, emocionálny), zadaných v *Skladbe češtiny* (1998) od M. Grepla a P. Karlíka, ktoré porovnáva so psychologickým delením postojov podľa Výrosta: *Postoje, jejich utváření a změna* (2019). Členenie nominálnych tautológií v rámci komunikačného prístupu (psychologický podmet a psychologický predikát), či využitie päťfaktorového modelu osobnosti (aplikovaná psychológia) pri jazykových hodnotách sú taktiež významným prepojením na psychológiu. Interdisciplinárne presahy sú badateľné aj do oblasti filozofie pri analýzach pochybnosti ako prejavu postoja hovoriaceho – E. Husserl (mentálne obsahy), R. Descartes (metóda univerzálnej pochybnosti), S. Kierkegaard (mať vieru znamená mať pochybnosť) a pod. Tým sa len potvrdzuje reálne spojenie lingvistiky a filozofie na úrovni pragmatiky. Okrem interdisciplinárnych presahov v monografii nachádzame množstvo relevantných postrehov a tvrdení na poli jazykovedy, ako napr. porovnanie s *Moskovskou sémantickou školou* (metajazykové tautológie (s. 184) alebo kontrastívne tautológie (s. 188) v SJ a RJ) či adresáciu v kontexte spoločensko-osobnostných vzťahov účastníkov komunikácie (vykanie, pozdrav, oslo-

venie, nádvka a pod.) alebo adresáciu v kontexte intrapersonálnej komunikácie, pričom ide o špecifický druh komunikácie – hovoriaceho so sebou samým. Rozsiahlu monografiu prof. J. Sokolovej možno zaradiť k interdisciplinárne zameraným výskumom v oblasti lingvistickej pragmatiky. Deskriptívny, praktický a medziodborový charakter ju radí k relevantným príspevkom súčasného, primárne slovenského, jazykovedného výskumu. Vzhľadom na to, že pragmatická lingvistika a egolingvistika sú v súčasnosti progresívne sa rozvíjajúce vedné disciplíny, publikácia ako celok určite zarezonuje predovšetkým u odbornej verejnosti.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.2.10>

Patrik Lekeš

Принос към народната медицина, езика и културата на българина през вековете
ВИТАНОВА, М., В. МИЧЕВА, Й. КИРИЛОВА,
К. МИЧЕВА-ПЕЙЧЕВА, Н. НИКОЛОВА.
Етнолингвистичен речник на българската народна медицина. София: АИ „Проф. Марин Дринов“, 2021, 368 стр., ISBN: 9786192450960.

Настоящият труд е поредното постижение на Секцията по етнолингвистика в Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ към Българската академия на науките. Въпреки че не се изучава като учебна дисциплина в университетите, етнолингвистиката е не просто модерно направление в езикознанието, но и своего рода „универсален“ език, на който може да бъде преведен житейският и културен опит на всеки народ от миналото към съвременността. Днес, когато сме изправени пред натиска на световна пандемия, концептите болест и здраве според традиционната народна култура, реализациите на първичното природонаучно знание и лечителският опит помагат да осмислим за пореден път зависимостта на човека от природата, макро и микрокосмоса, да съизмерим съвременните с изконните представи за добро и зло, да проникнем в значимите биосоциални сфери на човешкото познание. Такава сфера

е българската народната медицина, разкрита в многообразие от езиков арсенал за изразяване. Екипът от сътрудници, работили по Речника, под вещото ръководство на двете редакторки М. Витанова и В. Мичева, се е постарал да обхване болестта и здравето в синхрония и диахрония, като представи обилния материал в два аспекта: диалектните названия за няколко подчинени концептосфери – болести, болни лица, практики, лечители, лекарства и др.; лингвокултурологичната информация за вярванията в произхода на болестта, нечистите сили и техните антиподи светците закрилници, предметите с апотропейно предназначение и др., в които прозира мирогледът на българина през вековете. Интерес към тази тематика се наблюдава както в България, така и в други страни. Авторите показват отлична осведоменост и творчески обобщават опита на предходни трудове¹. Една от най-силните страни на Речника е именно широката представителност на данните, почерпани от общо 132 източника, сред които общи и специализирани лексикографски пособия, диалектоложки изследвания и речници на отделни говори, енциклопедични справочници, културологични проучвания върху празничната обредност и ритуалите на българите, издания на текстове и др. Специално място в приложния апарат заема обособената рубрика Средновековни източници със специални подраздели Апокрифни молитви и Лековници, а това само по себе си е заявка, че целенасочено е търсена приемствеността с писменото наследство на старите периоди от разволя на българския език по отношение на изследваните концептосфери. Така замисленият труд не оставя никакво съмнение, че по обхват на материала, изчерпателност на дескриптивно-аналитичния модел той няма аналог досега в българското изследователско пространство. Затова нека накратко обобщим какви тематични сфери, защитени от езикови репрезентати, са обособени в структурата на труда.

Той се състои от четири добре обмислени раздела (със съответните подрубрики): въвеждащият 1. Човекът, болестта и здравето;

¹ Макаријоска, Л.: Лексиката од областа на историјата на медицината. Скопје: Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“, 2011; Канисков, В.: Лечебните растения в България. Енциклопедичен справочник. София: „Изток-Запад“, 2011 и др.

2. Болестта – класифицирани са общо 19 вида болести според международните класификационни стандарти, няколко допълнителни тематични сфери, както названията на страдащите лица, действията и състоянията, болестите в народната демонология с техните причинители и признаци, включително нечисти места, нечисто време, предмети и др. нечисти същности, придзвикващи болести; 3. Лечение; 4. Болнични заведения и аптеки. Групираният материал в посочените тематични рубрики на вътрешно ниво е обработен по азбучен ред, а всяка речникова статия следва ономасиологичния признак на анализ: представя се значението и след това лексемите репрезентати, съчетанията, табуизирани названия. На практика това означава, че статиите започват с речниковите дефиниции, след което се представят съответните названия, а допълнителните информативни звена са географското разпространение или източникът, от който е извлечен материалът. Синхронно-диахронният подход се съчетава с географско-ареален. В края се помества старобългарските, среднобългарските или новобългарските съответници на названието с техния собствен справочен апарат от писмени източници, фиксирани появата на названията. Така всяка статия придобива максимално изчерпателен вид. Погледът върху начините на номинация разкрива как голяма част от названията се групират около признаци, разпознаваеми за носителя на езика, с които той назовава явлението. Както в други тематични речникови сфери, така в концептосферата на болестите външният признак е водещ и може да бъде свързан с: цвят (синя пришка, мџдрио приш за антракса; жълтеница, чѳрна кашлица.); качество (грознѳца за маларијата, лошата болест за туберкулозата); уподобяване на растение (фитоними – ечемик ‘възпалително заболяване на клепаца’) или животно (зооними: брѳбѳнци ‘студени трѳпки по тјялото’ и брѳбѳнци ‘мравки’; жѳлка ‘скрофули’ поради прилика на подутите жлези с костенурката); роднински табуизирани названия (бабичката, леличката, майчица за шарката; стринка, медена за чумата и др., целящи да умилостивят болестта); граматическа мотивация от някаква част на речта (трѳлѳтница, трѳйѳнка ‘болестта гуша’); етноними (фрѳнга ‘трипер’ или испѳн-

ската ‘смертоносен грип, върлувал към края на Първата световна война’) и др. Редица названия произхождат от характерно действие, например епилепсията е наречена падавица, паданица, препагя, припаданица, припадина, припадница и др. Задължително трябва да се отбележи органичното вплитане на историческата информация от различни периоди – от класическите старобългарски паметници до писмени източници от XVIII–XIX в. Тя не е самоцелна, а допринася да се разкрие познавателният опит на човека в диахрония, примери: бълмо на очю ‘перде на око, катаракта’; мѣсчньн зълъ недѣгъ ‘сомнамбулизъм’; масилъ на сиски ‘мастит на млечните жлези’; глава снѣтива за ‘струепи по главата, кел’; дсны гнити ‘загниване на венците’ и много други. Историческите връзки на българския език със съседните и други по-отдалечени езици създава представа за истинското културно разнообразие в етимологичната палитра от названия, но без да се накърнява, а само като се допълва собственият домашен словен фонд. Ако решим да проверим данните за една наболяла съвременна тема, каквато са ваксините и ваксинирането, ще открием репрезентативен бол ‘ваксина’, наред с амбуляска (Новопазарско), ашлама (Новопазарско, Ямболско), а за практиката да се осъществява своеобразно ваксиниране против шарка, като се взима гной от пънките на болен човек, се регистрират названията амболясване, бележуење со майа, болясване, пелцуване, пресадуване и др.

Специално внимание заслужава богатството от лексеми и съчетания за назоваване на лечебни средства и свойства: лекарства, билки и лековити растения, отвари, лапи и компреси, мехлеми, водата като лечебно средство, инструменти и предмети за лечение. Неизменно тази подгрупа се разширява от названията на магически и лечебни практики, свързани с изгонване или умилостивяване на злите сили, причинители на болестта (носенето на амулети, допирането до свещен предмет, благотворното влияние на светителските реликви и особено на мощите, магическите заклинателни знаци и др.).

Независимо че са поставени на последно място в структурата на труда и обективно са

по-малобройна тематична група, названията на болничните заведения и аптеките представят диахронното развитие на концептосферата и попълването ѝ исторически – от първите названия врачилище, витальница (бих добавила и болница в южнославянски текстове от XIII в.) до чуждиците амбулаторея, дрогерия, икимджийница, спицерия и др.

Много голямо достойнство на труда е Азбучният показател (с. 282–367), който дава представа за обема и характера на интерпретиранияте лексеми и съчетания.

В заключение следва да се изтъкне интердисциплинарното значение на този труд, който би бил полезен на всеки славист, медиевист, етнолингвист, но и на изследователите от граничните с темата области на медицината, фармакологията, фолклора, етнологията, антропологията и др. Те ще намерят в него неограничен езиков справочник. Българската езикова история в историческите области Тракия, Мизия и Македония и в широк хронологичен периметър от Средновековието до Новите времена се възползва и изразява чрез концептосферите на болестта и здравето. И макар че авторите основателно отбелязват: „Речникът не е и не би могъл да бъде изчерпващ, защото потенциалният материал е с голяма динамика, различно местоположение и може да се извлече от най-стари до съвсем нови издания“ (с. 18–19), те трябва да бъдат поздравени за системността на изложението, ясният метаезик на Речника, последователността в теоретичната подплата и методиката, както и заради високите научни критерии и проявения професионализъм. Трудът защитава българската културно-историческа идентичност и достойно се вписва в издателската програма на Българската академия на науките за подпомагане на българската диаспора извън страната, с чиято финансова помощ е реализиран.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.2.11>

Марияна Цибранска-Костова

Aktuálne o príprave 17. medzinárodného zjazdu slavistov v Paríži

Dňa 2. septembra 2022 sa v online formáte v aplikácii zoom uskutočnilo zasadnutie Medzinárodného komitétu slavistov (MKS). Zasadnutie zvolala predsedníčka MKS profesorka Natalia Bernitskaia.

Program rokovania MKS obsahoval jeden bod, ktorým bolo schválenie prenosu zjazdu v Paríži na nový termín (august-september 2025). Miesto konania zjazdu je nezmenené a 17. medzinárodný zjazd slavistov sa uskutoční v Paríži v univerzitnom komplexe parížskej Sorbony, no v roku 2025.

V súvislosti s prenesením zjazdu však vznikli nové organizačné otázky, ktoré sa týkajú právomocí nielen predstaviteľov jednotlivých národných komitétov v MKS, ale aj akreditácie komisií zriadených pri MKS.

Prítomní členovia MKS konsenzuálne prijali návrh predsedníčky MKS predĺžiť právomoci členov MKS a predsedov komisií zriadených pri MKS do roku 2025. Nové zloženie MKS bude schválené na 17. medzinárodnom zjazde slavistov v Paríži v roku 2025 a uskutoční sa aj akreditácia nových komisií. V nevyhnutných prípadoch môže dôjsť k zmene predsedu komisie na základe voľby členmi komisie, no definitívne vymenovanie do funkcie predsedu novoakreditovanej komisie sa uskutoční až na slavistickom zjazde v Paríži v roku 2025, a to na obdobie do uskutočnenia nasledujúceho slavistického zjazdu, spravidla na 5 rokov. Podľa platných pravidiel sa voľba predsedu komisie, ktorá žiada o akreditáciu pri MKS, musí uskutočniť pred zjazdom slavistov. Na zjazde slavistov preberajú oficiálne právomoci aktuálne zvolení predsedovia komisií na obdobie medzi dvomi zjazdmi.

Aj tematické bloky môžu ešte prejsť nevyhnutnými zmenami, ktoré sa budú týkať napríklad tematického zamerania a ich zloženia, preto organizátori stanovujú nové termíny na podávanie prihlášok na doplnenia, zmeny a na prihlasovanie nových tematických blokov. Už zaslané prihlášky na tematické bloky môžu ich organizátori ešte doplniť alebo upraviť. V prípade, že vznikne záujem podať nové prihlášky na organizovanie tematického bloku, bude možné toto urobiť do 1. mája 2024 s tým, že výber tematických blokov bude patriť výlučne do kompetencie organizačného výboru Medzinárodného zjazdu slavistov.

V tejto súvislosti sa rozvinula diskusia o zmene organizácie zjazdu slavistov. Prítomní členovia MKS poukázali na to, že zmena v organizácii zjazdu môže nastať až v súvislosti s prípravou ďalšieho zjazdu, ktorý sa plánuje uskutočniť v roku 2029 v Prahe z príležitosti stého výročia založenia Slovanského ústavu. V tejto súvislosti niektorí delegáti MKS poukázali aj na potrebu zachovať niektoré špecifiká a identitu slavistických zjazdov. V súvislosti so zmenami v organizácii zjazdov sa diskutovalo napríklad o kvótach pre jednotlivé národné komitety a tiež o fungovaní komisií pri MKS. Práva vďaka viacročnému úsiliu súčasného koordinátora komisií sa podarilo na viacerých zasadnutiach predsedov komisií, predsedov národných komitétov a pléna Medzinárodného komitétu slavistov zadefinovať pluralitné podmienky pre fungovanie komisií pri MKS. Aj každá zmena v organizácii zjazdov slavistov môže byť rovnako legitímne predložená na rokovanie pléna Medzinárodného komitétu slavistov. Dôležitú koordinačnú rolu majú v tomto kontexte zohrať jednotlivé národné komitety, ktoré predstavujú hlavnú os činnosti Medzinárodného komitétu slavistov, preto ku všetkým zmenám v organizácii medzinárodných zjazdov slavistov treba pristupovať so zreteľom na nevyhnutnosť prezentácie slavistických výskumov realizovaných v koordinácii národných slavistických komitétov, s čím súvisí aj výber aktuálnych tém referátov, ktoré sa majú prezentovať na jednotlivých medzinárodných slavistických zjazdoch. V tejto súvislosti sa niesla aj ďalšia diskusia o reorganizovaní medzinárodných slavistických zjazdov.

<https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2022.2.12>

Peter Žeňuch

Informácie pre prispievateľov

1. Časopis *Slavica Slovaca* publikuje príspevky v slovenčine, vo všetkých slovanských jazykoch, angličtine, nemčine a francúzštine.

2. Texty vedeckých štúdií, ktoré nepresiahnu rozsah 25 normovaných strán, správy a recenzie spracované v elektronickej podobe v programe MS Office Word spolu s prílohami a špecifickými fontmi (písmami) treba do redakcie zaslať aj vo formáte *.pdf. Jedna normovaná strana je 1800 znakov s medzerami. E-mailový kontakt s redakciou: slavicasslovaca@gmail.com

1. Všetky štúdie, správy a recenzie musia obsahovať anglický preklad názvu príspevku, anotáciu a kľúčové slová.

2. Resumé štúdií sa publikujú angličtine, nemčine, ruštine alebo francúzštine.

3. Termíny redakčnej uzávierky:

Prvé číslo: 30. 4. Druhé číslo 15. 10.

Tretie číslo spolu so supplementom: 30. 6.

ŠTRUKTÚRA VEDECKÉHO PRÍSPEVKU

1. Meno autora, názov príspevku

2. V prvej poznámke pod čiarou sa uvádza meno, priezvisko, tituly autora, adresa pracoviska autora a e-mailový kontakt na autora štúdie.

3. Meno autora latinkou, názov v anglickom jazyku

4. Anotácia v anglickom jazyku v rozsahu 800 – 1000 znakov (záväzný rozsah)

5. Kľúčové slová: 5 – 6

6. Text

7. Resumé v jazyku, odlišnom od jazyka príspevku

METÓDY CITOVANIA

1. Citované zdroje a odkazy na relevantnú literatúru k téme štúdie sa uvádzajú v poznámkach pod čiarou.

2. Príklady citovania v poznámkach pod čiarou s uvedením konkrétne citovanej strany. Iba odkazy s uvedením konkrétne citovanej strany pokladáme za referencie, ktoré sa uvádzajú na konci článku v abecednom poriadku.

- Doruľa, J.: Slováci medzi starými susedmi. Môžu byť aj Slováci starí? Bratislava: Slovenský komitét slavistov – Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2015, s. 171.

- Женьох, П.: Кирилски и латински ръкописи от византийската традиция в контекста на културния и религиозен плурализъм в подкарпатския регион. In *Palaeobulgarica / Старобългаристика*, 2008, roč. 32, č. 4, s. 72.

- Škoviera, A.: Skupina svätých slovanských sedmopočetníkov. In Doruľa, J. (ed.): *Pohľady do vývinu slovenského jazyka a ľudovej kultúry*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2008, s. 122.

3. Pri opakovanej citácii v poznámke pod čiarou sa uvádza jej skrátená podoba,

- napr.: Žeňuch, P.: *Patria cyrilské paraliturgické piesne do kontextu slovenskej kultúry?*, c .d., s. 78.

4. Ak sú dvaja alebo traja autori, ich mená sa oddeľujú pomlčkou.

5. Údaje o mieste, vydavateľstve, vydaní, skratky (roč., č.; vol., nr.) sa uvádzajú v jazyku dokumentu.

6. Pri zázname časopisu je poradie nasledovné: rok, ročník, číslo, strana
7. Pri zázname novín je poradie nasledovné: rok, ročník, číslo (presný dátum: deň, mesiac, rok), strany.
8. Ak má citovaný dokument pridelený identifikátor DOI, treba ho uviesť (v tom prípade netreba uvádzať webovú adresu dokumentu).
9. Prosíme nepoužívať odkazovacie formulky typu „tamže“.

FORMÁLNA ÚPRAVA TEXTU

1. Font písma: Times New Roman, veľkosť písma: 12 bodov, v poznámkach pod čiarou 10 bodov
2. Riadkovanie: 1,5 (poznámky pod čiarou 1)
3. Nepoužívať formátovanie (zarovnanie vľavo, základný text). Nedeliť slabiky na konci riadku. Nevkladať do textu čísla strán, hlavičky a päty strán.

OBRÁZKY A TABUĽKY

1. Označenie tabuľky (pod tabuľkou): Tabuľka 1: Názov tabuľky.
2. Označenie obrázku (pod obrázkom): Obrázok 1: Názov obrázku (Foto: Meno a priezvisko autora foto).
3. Očíslované obrázky dodať v osobitnom súbore vo formáte TIF alebo JPG (čiernobiele obrazové prílohy v rozlíšení: 300 dpi; farebné obrazové prílohy v rozlíšení: 1 200 dpi) Obrázky budú publikované v čiernobielej verzii. Autorské a reprodukčné práva zabezpečuje autor.

REFERENCIE (Ref.)

Zoznam literatúry k téme príspevku sa na konci príspevku sa neuvádza, ale uvádzajú sa referencie.

- Referencie obsahujú iba nevyhnutné údaje o dielach, na ktoré autor článku priamo odkazuje v poznámke pod čiarou článku. Do referencií nepatria údaje typu *Porovnaj..., Pozri..., Bližšie o tom....* a i.

PRÍKLADY REFERenciÍ

A) Knižná publikácia

- DORUĽA, J. 2015. Slováci medzi starými susedmi. Môžu byť aj Slováci starí? Bratislava.

B) Pri citovaní článkov, statí alebo kapitol z editovanej kolektívnej knižnej publikácie uvádzame nasledovne, napr.:

- VAŠÍČKOVÁ, S. 2019. K výskumu cyrilskej písomnej tradície spojeney so slovenským kultúrnym horizontom. In ŽEŇUCH, P. a kol.: Pohľady do problematiky cyrilskej písomnej tradície na Slovensku. Bratislava, s. 79-90.

C) Štúdie v periodických publikáciách a v knižných sériách sa uvádzajú nasledovne. Pozn.: Ak má štúdiu odkaz na DOI, uvedie sa za čiarku, iné internetové odkazy neuvádzame, v prípade odkazovania na iné internetové zdroje sa tieto uvádzajú v poznámkach pod čiarou na príslušnom mieste v štúdiu, ako sa to spomína vyššie.

- КОТОВА, М., СЕРГИЕНКО, О. 2021. Принципы паремиографирования в Электронном словаре современных активных восточнославянских пословиц (на материале

русско-белорусских пословичных параллелей). In *Slavica Slovaca*, 56, 2, 242-252, <https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2021.2.7>

• ŽEŇUCH, P. 2020. Cyrilské rukopisné pramene neliturgickej povahy ako východisko pre poznanie jazykového a kultúrneho obrazu o byzantsko-slovanskej tradícii na Slovensku. In ČISTIÁKOVÁ, M. – KUCZYŇSKÁ, M. – STRADOMSKI, J. (eds.): *Słowianie w monarchii Habsburgów*. Kraków, 2020, 55-70. *Krakowsko-Wileńskie studia Slawistyczne 17*, <https://doi.org/10.12797/9788381382533.03>

• ŽEŇUCH, P. 2013. Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Roma – Bratislava – Košice: *Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae. Vol. IV*.

• ЖЕНЮХ, П. 2008. Кирилски и латински ръкописи от византийската традиция в контекста на културния и религиозен плурализъм в подкарпатския регион. In *Palaeobulgarica*, 2008, 32, 4, 70-95.

ODOVZDANIE RUKOPISOV

1. Rukopisy v súlade s redakčnou normou časopisu prosíme zasielať v elektronickej podobe na adresu redakcie: slavicaslovaca@gmail.com. Redakcia časopisu prijíma rukopisy priebežne.

2. Termíny redakčnej uzávierky:

• Prvé číslo: 30. 4.

• Druhé číslo 15. 10.

• Tretie číslo spolu so supplementom: 30. 6.

10.

CONTENTS

STUDIES

ДАНИЛЕНКО, Л.: The Ukrainian lexeme халепа (халепа) in the light of Balkan Slavic ethnolinguistics (from the field of etymological discussions)	103
IERMACHKOVA, O. – MUJKOŠOVÁ, T.: Language as a Mirror of Globalization from the Linguocultural Aspect (on the Material of Selected Slavic Languages).....	118
SOKOLOVÁ, J. - SOKOL, A.: Linguistic variables in the methodology of text analysis. (A probe into Slovak terminological databases).....	137
LACKOVA, M.: Semantic analysis of words ending in –ing in journalistic texts of The Slovak National Corpus	149

REVIEW ARTICLES

ŽEŇUCH, P. – ŠAŠERINA, S. - HRÍBOVÁ, M.: From the results of source research on the arrangement and ideas about the world in the context of Slavic language relations: axiological, ethnolinguistic and cultural aspects.....	156
ТАНЕСКИ, З.: Macedonian literature in the scientific and translation oeuvre of the Slovak Slavist Ján Jankovič.....	168
МУШКЕТИК, Л.: András Krupa – collector and researcher of Slovak folklore in Hungary	178

REPORTS

ZVALENÁ, E.: In memoriam prof. Dr. Janko Ramač (1955 – 2022)	188
HRÍBOVÁ, M.: On Slovaks and Slovak language in linguistic-historical and confessional contexts	190
LEKEŠ, P.: An inspiring new publication in the field of linguistic pragmatics and egolinguistics	193
ЦИБРАНСКА-КОСТОВА, М.: Contribution to Bulgarian folk medicine, language and culture over the centuries.....	194
ŽEŇUCH, P.: Update on the preparations for the 17th International Congress of Slavists in Paris.....	197
Information for contributors	198

SLOVENSKÝ KOMITÉT SLAVISTOV
SLAVISTICKÝ ÚSTAV JÁNA STANISLAVA SAV, v.v.i., BRATISLAVA
SLAVICA SLOVACA, ročník 57 (2022), č. 2.

Vychádza trikrát ročne: 1. číslo v júni, 2. číslo v novembri a 3. číslo spolu so 4. (supplementum) v decembri.
VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, CSČ SAV, v.v.i., Dúbravská cesta 9, 845 02 Bratislava.
Tel.: 02/20920203, e-mail: vedasav@savba.sk.

Distribúcia / Distributed by:

Slovart G. T. G., Krupinská 4, P. O. Box 152, 852 99 Bratislava

ISSN 0037-6787

Časopis je evidovaný: Scopus, CEJSH, C.E.E.O.L., ERIH PLUS, SJR, ProQuest, EBSCO